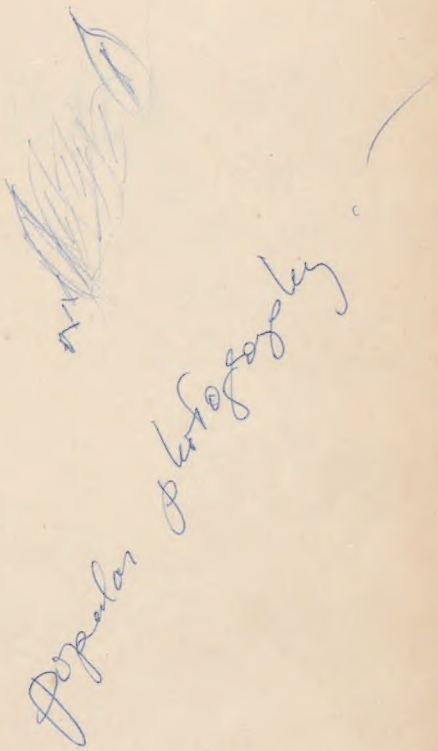
EX LIBRIS C. NARISCHKINE

39 p. 50

575 / E.J



СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА

ТОМЪ I

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА

РЕДАКЦІЯ П. А. ЕФРЕМОВА

ТОМЪ I

СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. С. ПУШКИНА, ГРАВИРОВАННЫМЪ ХУДОЖНИКОМЪ
М. В. РУНДАЛЬЦОВЫМЪ СЪ ОРИГИНАЛА, ПИСАННАГО В. А. ТРОПИНИНЫМЪ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ
(1812—1824)

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1903

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ФГБУПБ - 1926

А. Пушкинъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нынѣшнемъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина мы старались собрать все, появившееся до сихъ поръ въ печати съ его именемъ, достовѣрно ему принадлежащее, и все это провѣрить, исправить и дополнить, насколько намъ было доступно, по сохранившимся рукописямъ поэта или по спискамъ, о которыхъ было извѣстно, что они сдѣланы прямо съ подлинниковъ. Къ числу такихъ списковъ принадлежитъ, между прочимъ, бывшая въ нашемъ распоряженіи тетрадь П. В. Анненкова, въ которую онъ первоначально списывалъ съ рукописей, хранящихся нынѣ въ Румянцевскомъ музеѣ. При этомъ оказалось, что многіе отрывки и черновые наброски прочитаны Анненковымъ удовлетворительнѣе чтенія послѣдующихъ изслѣдователей, и что списаны нѣкоторыя черновыя письма поэта и такія произведенія, которыхъ теперь уже не оказывается между музейскими рукописями. Повидимому, всѣ они были оставлены Анненковымъ въ свою собственность, ибо у насъ имѣется цѣлый десятокъ такихъ «извлеченныхъ» листковъ, которые мы получили отъ знакомыхъ Анненкова, получившихъ ихъ въ свою очередь въ подарокъ отъ него; другой десятокъ такихъ же подлинниковъ былъ выметенъ при очисткѣ сарая

въ проданномъ Анненковскомъ имѣніи и болѣе сотни ихъ найдено было въ петербургской квартирѣ его брата, гдѣ онъ жилъ, пріѣзжая изъ имѣнія; а Л. Н. Майковъ говорилъ намъ, что «много» такихъ листковъ получилъ отъ вдовы Анненкова для академическаго изданія и вмѣстѣ съ ними писарскую копію съ указанной выше тетради, изъ которой впрочемъ вырвано нѣсколько страницъ.

Майкова укоряли въ печати, что текстъ лицейскихъ стихотвореній онъ напечаталъ съ поправками, сдѣланными въ нихъ Пушкинымъ для изданія 1826 г., въ которое однако вошло ихъ очень мало, а значительная часть осталась не внесенною. Тѣмъ не менѣе и мы печатаемъ ихъ также по исправленному тексту, т.-е. въ такомъ видѣ, въ какомъ ихъ желалъ видѣть въ печати самъ Пушкинъ. Варіанты же первоначальныхъ печатаній мы сообщаемъ въ «примѣчаніяхъ» къ изданію, какъ это дѣлалось для исправленныхъ лицейскихъ стихотвореній, внесенныхъ въ изданіе 1826 г.; а если стихотвореніе было значительно измѣнено или сокращено, то мы перепечатываемъ его тамъ сполна, въ первоначальномъ видѣ. Въ «примѣчаніяхъ» же мы помѣщаемъ и тѣ стихотворенія, принадлежность которыхъ Пушкину не вполнѣ удостовѣрена.

Порядокъ печатанія лицейскихъ стихотвореній мы оставили установленный Майковымъ во 2-мъ академическомъ изданіи, но самый текстъ этихъ стихотвореній очень во многихъ мѣстахъ измѣненъ нами на основаніи рукописей или достовѣрныхъ списковъ, такъ какъ Майковъ изъ непонятнаго предпочтенія первоначальнаго напечатанія не только основательнымъ поправкамъ послѣдующихъ изданій, но даже и рукописямъ, нерѣдко допускалъ въ текстѣ явныя ошибки. Такъ, напримѣръ, разъяснено въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію «*Слеза*», что, какъ оказывается изъ четырехъ сохранившихся рукописей (при чемъ четвертая по-

правлена поэтомъ въ 1826 г.), одинъ стихъ въ первомъ печатаніи въ «Мнемозинѣ» былъ напечатанъ съ ошибкою, а между тѣмъ въ текстѣ стихотворенія эта давно исправленная ошибка вновь возстановлена. Въ стихотвореніи «*Опытность*» Майковъ возстановляетъ явную опечатку перваго печатанія: въ 5-мъ стихѣ: «Кто съ минуту переможетъ... *пусть* не смѣйся, не рѣзвись», говоря, что послѣдующіе издатели допустили произвольную передѣлку: «*тотъ* не смѣйся...» Между тѣмъ поправка эта была сдѣлана по списку лицейскихъ стихотвореній, хранившемуся у барона Корфа, и кромѣ того поправленъ былъ и 8-й стихъ, оставленный Майковымъ въ прежнемъ видѣ: «*Хотъ* не радъ, но...» вмѣсто «*Радъ* не радъ, *а*...» Въ «Романсѣ» *(Подъ-вечеръ осенью ненастной)* не внесено ни одной поправки Анненкова по подлинной рукописи, только на томъ основаніи, что рукопись эта Майкову неизвѣстна, и потому оставлено, напримѣръ «Проступокъ мой, твой рокъ ужасный» вмѣсто: «Законъ неправедный, ужасный». Оставляя прочія поправки «примѣчаніямъ», замѣтимъ еще, что Майковъ возстановилъ во многихъ случаяхъ давно исправленныя *цензурныя* искаженія. Такъ у него во 2-мъ посланіи къ Галичу: «другъ мудрости прямой... на *барскую* (вм. царскую) казну взираетъ равнодушно», словно этотъ «другъ мудрости»—помѣщичій управитель или приказчикъ «*изъ мужиковъ*»; а нѣсколько выше оставленъ стихъ съ перепутанными словами, отчего исчезла рнома и съ «*пирогами*» рнмуются не «дни за *днями*», а «за днями *дни*. Наконецъ Майковымъ допущены еще и новые недосмотры; такъ въ «*Посланіи къ баронессѣ М. А.* (а *не* къ А. М.) *Дельвигъ*» Пушкинъ заявляетъ, что напишетъ ей мадригалъ, въ которомъ будетъ: «*Не* много истинныхъ похвалъ, *но* много истиннаго чувства», а напечатано, что будетъ «*не* много истиннаго чувства». Въ «*Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ*»:

«Въ кругу друзей *твоихъ*...», а насупротивъ приложенъ снимокъ съ автографа, гдѣ вмѣсто *твоихъ* ясно написано: *своихъ*, и мн. др.

Въ разстановкѣ знаковъ препинанія Майковъ тоже придерживался первоначальному печатанію, производившемуся, можетъ быть, подъ глазами полуграмотныхъ корректоровъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи *Блаженство* напечатано было, что «Пѣлъ влюбленный пастушокъ», а сатиръ *«слушалъ пѣсенки* ночной, въ ладъ качая головой». Когда въ печати замѣтили неправильность этого стиха, то во второмъ изданіи Майковъ сдѣлалъ замѣчаніе, что это старинный оборотъ рѣчи: согласованіе глагола *слушать* съ родительнымъ падежомъ, и что у Державина въ одной пьесѣ встрѣчается: «Приди моей *сей пѣсни слушать*». Сколько, вѣроятно, было потрачено труда на такое разысканіе, а стоило только запятую перенести изъ конца стиха къ первому слову, и оказалось бы, что сатиръ слушалъ пѣніе пастуха, качая головой *въ ладъ ночной пѣсенки.*

Но вполнѣ подчиняясь разстановкѣ знаковъ въ первомъ печатаніи, Майковъ свободно относился къ разстановкѣ ихъ самимъ Пушкинымъ и исправлялъ по своему. Такъ, напримѣръ, въ *Играющихъ студентахъ* по снимку съ автографа, помѣщенному при одномъ изданіи Лицея, видно, что Пушкинъ, подшучивая надъ Кюхельбекеромъ, называетъ его «писателемъ за свои грѣхи», а по пунктуаціи Майкова Пушкинъ замѣчаетъ, что Кюхельбекеръ «За свои грѣхи съ виду всѣхъ трезвѣе». Не одно и то же: «Писатель за свои грѣхи! ты съ виду всѣхъ трезвѣе!» и «Писатель! За свои грѣхи ты съ виду всѣхъ трезвѣе!»

Въ заключеніе замѣтимъ, что самое первое стихотвореніе Пушкина Майковъ напечаталъ *будто бы* по автографу Пушкина, сохранившемуся въ бумагахъ Грота, указывая, что другая рукопись, писанная рукой Илличевскаго, была

извѣстна Гаевскому и что она *совпадаетъ* съ Гротовской. Да иначе и быть не могло, потому что и Гротовская-то рукопись писана вся рукой Ильичевскаго, въ ней нѣтъ ни одной строки Пушкина, какъ видно изъ снимка съ нея, помѣщеннаго въ альбомѣ Пушкинской выставки въ числѣ пушкинскихъ автографовъ. Подлинная же рукопись Пушкина, вся писанная его рукою, еще въ 1876 году была подарена Гротомъ Чешскому музею въ Прагѣ, и снимокъ съ нея напечатанъ въ «Извѣстіяхъ» магазина Вольфа, но остался Майкову неизвѣстнымъ, такъ что онъ вмѣсто заключительныхъ пушкинскихъ стиховъ, хотя и не отдѣланныхъ, однако довольно изящныхъ, напечаталъ свинцовыя заплатки Ильичевскаго: «И быстро часъ любви летитъ—*я весь горю желаньемъ, спѣши, о Делія, свиданьемъ, пади* въ объятія мои.»

Печатаніе произведеній Пушкина въ стихахъ и въ прозѣ, написанныхъ по выходѣ изъ Лицея, потребовало также общей провѣрки, потому что неточности оказались и въ такихъ пьесахъ, которыя безъ измѣненія перепечатывались почти 50 лѣтъ. Для примѣра укажемъ, что въ 106-й строфѣ перевода изъ *Orlando furioso* постоянно печатался стихъ, что навликой «завѣшенъ брегъ тѣнистыхъ волнъ», а въ рукописи читается, что: «завѣшенъ *былъ тѣнистый входъ*» (т. II, стран. 60). Пришлось сдѣлать поправки даже въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Умолкну скоро я» (Задумчивой игрой мнѣ *струны* отвѣчали); въ «Андрѣ Шенье»—замѣнить одинъ стихъ, прибавить другой и поправить третій. Въ *Евгеніи Онѣгинѣ* сдѣлана замѣна стиховъ (т. IV, стран. 201)—по подлинной рукописи, сохранившейся въ бумагахъ Жуковскаго, въ *Мѣдномъ Всаднике* (т. III, стран. 565)—по рукописи Пушкина, сожалѣвшаго объ «исключеніи» четырехъ стиховъ, изъ которыхъ потомъ возстановлено было вполнѣ только три, а въ *Борисѣ Годуновѣ* приведено пять поправокъ—по рукописи,

приготовленной для втораго изданія этой трагедіи и исправленной самимъ Пушкинымъ. Напримѣръ, Самозванецъ не могъ ручаться Патеру за всю *восточную* церковь, и Пушкинъ прежній стихъ: «Весь мой народъ и вся *восточна* церковь», поправилъ: «Весь мой народъ, вся *сѣверная* церковь» признаютъ власть намѣстника Петра; въ заключеніи же разговора слово *атеп*, которое по размѣру стиховъ трагедіи слѣдовало читать съ удареніемъ на *е* (amèn), онъ замѣнилъ словомъ *аминь*, согласно размѣру стиха.

Всѣ безъ исключенія поправки и измѣненія, допущенныя въ нынѣшнемъ изданіи, подробно указаны и разъяснены въ «примѣчаніяхъ» къ изданію.

Замѣтимъ еще, что ороографію мы приняли сполна изъ шеститомнаго изданія 1829—1835 гг., сдѣланнаго самимъ Пушкинымъ, подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, а для не вошедшихъ въ это изданіе произведеній оставили прежнюю, устранивъ новшества, введенныя Я. К. Гротомъ.

Къ изданію приложены два портрета Пушкина, признаваемые наиболѣе схожими, въ офортахъ, сдѣланныхъ съ оригиналовъ Тропинина и Кипренскаго нашимъ молодымъ, но уже извѣстнымъ своими прекрасными работами художникомъ М. В. Рундальцовымъ.

Къ поэмамъ Пушкина, появлявшимся въ отдѣльныхъ изданіяхъ, а также къ Борису Годунову и къ Евгенію Онѣгину, вмѣсто обычныхъ заглавныхъ листовъ, приложены точные снимки съ заглавныхъ листовъ первыхъ изданій этихъ произведеній.

1812.

ПѢСНЯ.

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса;
Безмолвно мѣсяцъ покатился;
Спѣши—твой Аргусъ удалился,
И тронулъ сонъ его глаза.

Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенной
Вечернія волны
Журчитъ съ унылой Филомелой,
Готовъ любви пріютъ весёлой
И блескомъ освѣщенъ луны.

Накинутъ тѣни ночи
Покровы намъ свои,
Покровы скроютъ очи—
И быстро часъ любви
Летитъ—и быстро исчезаетъ,
И счастіе съ нимъ улетаетъ—
Лети жъ въ объятія мои.

ДЕЛІЯ.

Ты ль передо мною,
Делія моя?
Разлученъ съ тобою,
Сколько плакалъ я!
Ты ль передо мною,
Или сонъ мечтою
Обольстилъ меня?

Ты узнала ль друга?
Онъ не то, что былъ.
Но тебя, подруга,
Все жъ не позабылъ
И твердитъ унылой:
«Я любимъ ли милой,
Какъ, бывало, былъ?»

Что теперь сравнится
Съ долею моей?
Вотъ слеза катится
По щекѣ твоей...
Делія стыдится...
Что теперь сравнится
Съ долею моей?

ИЗМѢНЫ.

(Къ графинѣ Н. В. Кочубей).

«Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья,
Въ мракѣ забвенья
Скрылися вы!
Такъ, я премѣны
Сладость вкусилъ,
Гордой Елены
Цѣпи забылъ.
Сердце, ты въ волѣ!
Все позабудь:
Въ новой сей долѣ
Счастливо будь!
Только весною
Зефиръ младою
Розой плѣненъ:
Въ юности страстной
Былъ я прекрасной
Въ сѣть увлеченъ.

Нѣтъ, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду:
Полно страдать!
Скоро печали
Встрѣчу конецъ.
Ахъ, для тебя ли,
Юный пѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтетъ?...
Пусть весь народъ,
Ею прельщеный,
Вслѣдъ за мечтой
Мчится толпой.
Въ миромъ жилищѣ,
На пепелищѣ,
Въ чашѣ простой
Стану въ смиреньѣ
Черпать забвенье,
И для друзей
Рѣзвой рукою
Двигать струною
Арфы моей.»

Въ скучной разлукѣ
Такъ я мечталъ
Въ горести, въ мукѣ
Себя услаждалъ;
Въ сердцѣ возженый
Образъ Елены
Мнилъ истребить;
Юную Хлою

Вздумалъ любить.
Какъ вѣтерочекъ
Ранней порой
Гонитъ листочекъ
Съ рѣзвой волной,
Такъ непрестанно
Непостоянной
Страстью игралъ:
Лилу, Темиру,
Всѣхъ обожалъ;
Сердце и лиру
Всѣмъ посвящалъ.
Что же?... Напрасно
Съ груди прекрасной
Шаль я срывалъ.
Тщетны измѣны!
Образъ Елены
Въ сердцѣ пылалъ!
Ахъ, возвратися,
Радость очей!
Хладна, тронися
Грустью моей!
Тщетно взываешь.
Бѣдный пѣвецъ!
Нѣтъ, не встрѣчаешь
Мукамъ конецъ!...
Такъ до могилы
Грустенъ, унылый
Крова ищи!
Всѣми забытый.
Терномъ увиты
Цѣпи влачи...

1814.

КЪ СЕСТРѢ.

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой:
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленной,
Оставилъ монастырь
И край уединенной,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракѣ опустился,
И въ пу́стыни глухой
Безмолвно воцарился
Съ угрюмой тишиной!...
. . . . . .
И быстрою стрѣлой
На Невскій брегъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой,

И какъ пѣвецъ Людмилы,
Мечты невольникъ милый,
Взошедъ подъ отчій кровъ,
Несу тебѣ не злато—
Чернецъ я не богатой —
Въ подарокъ пукъ стиховъ.
Тайкомъ взошедъ въ диванну,
Хоть помощью пера,
О, какъ тебя застану,
Любезная сестра!
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака ли читаешь?
Жанлисъ ли предъ тобой?
Или съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты пренеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Вдоль вѣетъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
Иль моську престарѣлу,
Въ подушкахъ посѣдѣлу,
Окутавъ въ длинну шаль
И съ нѣжностью лелѣя.
Ты къ ней зовешь Морфея?
Иль смотришь въ темну даль
Задумчивой Свѣтланой
Надъ шумною Невой?
Иль звучнымъ фортепьяно

Подъ бѣглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини иль Рамо?

Но вотъ, ужъ я съ тобою!
И въ радости нѣмой
Твой другъ расцвѣлъ душою,
Какъ ясный вешній день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.

Но это лишь мечтанье!
Увы, въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчъ сіяньѣ,
Одинъ пишу къ сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ;
Защёлка на дверяхъ,
Молчанье — врагъ веселья —
И скука на-часахъ!
Стулъ ветхій, необитый,
И шаткая постель.
Сосудъ, водой налитый,
Соломенна свирѣль —
Вотъ все, что̀ предъ собою
Я вижу пробужденъ.
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ,
Тобою пренесеный
Къ волшебной Ипокренѣ,
И въ кельѣ я блаженъ!

Что было бы со мною.
Богиня, безъ тебя?
Знакомый съ сустою,
Пріятной для меня,
Увлекшись въ даль судьбою,
Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
Какъ Леты на брегахъ,
Тобою похищенный
Явился заключенный;
И скрыпнули врата,
Сомкнувшись надо мною.
И міра красота
Одѣлась черной мглою!...
Съ тѣхъ поръ гляжу на свѣтъ,
Какъ узникъ изъ темницы
На яркій блескъ денницы.
Свѣтило дня взойдетъ.
Лучъ кинетъ позлащенной
Сквозь узкое окно.
Но сердце помраченно
Не радуетъ оно.
Иль позднею зарею,
Какъ лучъ на небесахъ,
Покрытыхъ темнотою.
Темнѣетъ въ облакахъ—
Близъ келіи встрѣчаю
Я сумрачную тѣнь
И вздохомъ провожаю
Скрывающійся день!...
Сквозь слезъ смотрю въ рѣшотки
Перебирая чотки.

Но время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Надутъ, надутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ:
Сѣвна на новоселье.
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Подъ столъ клобукъ съ веригой—
И прилечу разстригой
Въ объятія твои!

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Аристъ, и ты въ толпѣ служителей Парнаса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса:
За лаврами спѣшишь опасною стезей,
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, лѣса, унылыя могилы;
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечатаютъ — и цѣлый свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ, и теперь, отъ шума удалясь
И съ глупой музою навѣкъ соединясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды
Сокрытъ другой отецъ второй «Тилемахиды».
Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива:
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшись безславія! Что̀, если Аполлонъ,
Услышавъ, что и ты полѣзъ на Геликонъ.

Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградитъ спасительной лозою?

Но что? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
«Пожалуй», скажешь мнѣ, «не трать излишнихъ словъ;
Когда на что рѣшусь, ужъ я не отступаю,
И знай, мой жребій палъ: я лиру избираю.
Пусть судитъ обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлый свѣтъ;
Сердись, кричи, брани́сь — а я таки поэтъ.

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто рифмы плесть умѣетъ,
И, перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ;
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштейну французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные, и честь, и слава россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Рифматова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ[1] гніютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать—
И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что, на Пиндъ взобравшися счастливо
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ,
Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ
За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь

[1] Кн. Шихматовъ, гр. Хвостовъ и Бобровъ.

И, лежа на боку, покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезный другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужки подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
Родился нагъ—и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
Да что же», говоришь, «судя о всѣхъ такъ строго,
Перебирая все, какъ новый Ювеналъ,
Ты о поэзіи со мною толковалъ;
А самъ, поссорившись съ парнасскими сестрами,
Мнѣ проповѣдывать пришелъ сюда стихами?
Что сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ ли ты иль нѣтъ?»

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:
Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ —
И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ-вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
Попался ему навстрѣчу мужикъ:
«Послушай, батюшка!» сказали простяки;
«Настави грѣшныхъ насъ—ты пить вѣдь запрещаешь,

Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
И вѣримъ мы тебѣ, да что жъ сегодня самъ?..»
«Послушайте», сказалъ священникъ мужикамъ,—
Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте.
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте.»
И мнѣ то самое пришлося отвѣчать;
Я не хочу себя ни мало оправдать.
Счастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты,
Проводитъ тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
Своими одами журналовъ не тягчитъ,
И надъ экспромтами недѣли не сидитъ;
Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнаса,
Не ищетъ чистыхъ музъ, ни пылкаго Пегаса;
Его съ пером въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ;
Спокоенъ, веселъ онъ! Аристъ, онъ—не пишетъ!

Но полно разсуждать—боюсь тебѣ наскучить,
И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
Теперь, любезный другъ, я далъ тебѣ совѣтъ.
Оставишь ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ?
Подумай обо всемъ и выбери любое:
Быть славнымъ—хорошо, спокойнымъ—лучше вдвое.

(Апрѣль, 1814).

КОЛЬНА

(Подражаніе Оссіану)

Фингалъ послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны памятникъ побѣды, одержанной имъ нѣкогда на сихъ мѣстѣ. Между тѣмъ, какъ онъ занимался симъ трудомъ, Карулъ, сосѣдственный государь, пригласилъ его къ пиршеству. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольну; нечаянный случай открылъ взаимныя ихъ чувства и осчастливилъ Тоскара.

Источникъ быстрой Каломоны,
Бѣгущій къ дальнимъ берегамъ!
Я зрю: твои взмущенны волны
Потокомъ мутнымъ по скаламъ
При блескѣ звѣздъ ночныхъ сверкаютъ
Сквозь дремлющій, пустынный лѣсъ,
Шумятъ и корни орошаютъ
Сплетенныхъ въ темный кровъ древесъ.
Твой мшистый брегъ любила Кольна,
Когда по небу тѣнь лилась;
Ты зрѣлъ, когда, въ любви не вольна,
Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы царь могучихъ
Тоскару юному вѣщалъ:
«Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ,

Гдѣ Крона катитъ черный валъ,
Шумящей прохлажденъ осиной!
Тамъ рядъ является могилъ;
Тамъ съ вѣрной, храброю дружиной
Полки враговъ я расточилъ.
И много, много сильныхъ пало;
Ихъ гробы черный вранъ стрежетъ.
Гряди—и тамъ, гдѣ ихъ не стало,
Воздвигни памятникъ побѣдъ!
Онъ рекъ, и въ путь безвѣстной, дальной
Пустился съ бардами Тоскаръ;
Идетъ во мглѣ ночи печальной,
Въ вечерній хладъ, въ полдневный жаръ.
Денница красная выводитъ
Златое утро въ небеса,
И вотъ уже Тоскаръ подходитъ
Къ мѣстамъ, гдѣ въ темные лѣса
Бѣжитъ сѣдой источникъ Кроны
И кроется въ долины сонны.
Воспѣли барды гимнъ святой;
Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ
Усильно мощною рукой
Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ,
И съ шумомъ на высокій брегъ
Въ густой и дикій злакъ повергъ;
На немъ повѣсилъ черны латы,
Покрытый кровью предковъ мечъ,
И круглый щитъ, и шлемъ пернатый,
И обратилъ онъ къ камню рѣчь:
«Вѣщай, сынъ шумнаго потока,
О храбрыхъ позднимъ временамъ!

Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока
Въ туманѣ ляжетъ по лѣсамъ,
Пришлецъ, дорогой утомленный,
Возлегши подъ надежный кровъ,
Воспомнитъ вѣки отдаленны
Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ!
Съ разсвѣтомъ алыя денницы
Лучами солнца пробужденъ,
Онъ узритъ мрачныя гробницы —
И грознымъ видомъ пораженъ
Вопроситъ сынъ иноплеменный:
Кто памятникъ воздвигъ надменный?
И старецъ, лѣтами согбенъ,
Речетъ: Тоскаръ нашъ незабвенный,
Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрылся вѣчный житель,
Заря потухла въ небесахъ;
Луна въ воздушную обитель
Спѣшитъ на темныхъ облакахъ.
Ужъ ночь на холмѣ. Берегъ Кроны
Съ окрестной рощею заснулъ.
Владыка сильный Каломоны.
Иноплеменныхъ другъ, Карулъ
Призвалъ Морвенскаго героя
Въ жилище Кольны молодой
Вкусить пріятности покоя
И пить изъ чаши круговой.

. . . . . .

Близъ пепелища всѣ возсѣли;
Веселья барды пѣснь воспѣли,

И въ нѣмъ кубокъ золотой
Кругомъ несется чередой
Печаленъ лишь пришелецъ Лоры,
Главу ко груди преклонилъ;
Задумчиво онъ страстны взоры
На нѣжну Кольну устремилъ—
И тяжко грудь его вздыхаетъ,
Въ очахъ веселья блескъ потухъ;
То огнь по членамъ пробѣгаетъ,
То нѣгою томится духъ;
Тоскуетъ, втайнѣ ощущая
Волненье сильное въ крови;
На юны прелести взирая,
Онъ полну чашу пьетъ любви.

Но вотъ ужъ дубъ престалъ дымиться
И тѣнь мрачнѣе становится,
Чернѣетъ тусклый небосклонъ.
И царствуетъ въ чертогахъ сонъ.
. . . . . .
. . . . . .

Рѣдѣетъ ночь; заря багряна
Лучами солнца возжена;
Предъ ней златится твердь румяна;
Тоскаръ, покинувъ ложе сна,
Быстротекущей Каломоны
Идетъ по влажнымъ берегамъ.
Спѣшитъ узрѣть долины Кроны
И внемлетъ плещущимъ волнамъ.
И вдругъ изъ сѣни темной рощи,
Какъ въ часъ весенній полунощи

Изъ облакъ мѣсяцъ золотой.
Выходитъ ратникъ молодой.
Мечъ острый на бедрѣ сіяетъ,
Копье десницу воружаетъ,
Надвинутъ на чело шеломъ,
И гибкій станъ покрытъ щитомъ;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренній въ долинѣ паръ.

«О юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ:
«Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?
Ужель и въ сей странѣ война
Багритъ ручьевъ струисты волны?
Но все спокойно—тишина
Окрестъ жилища нѣжной Кольны.

«Спокойны дебри Каломоны.
Цвѣтетъ отчизны край златой;
Но Кольна тамъ не обитаетъ;
И нынѣ по стезѣ глухой
Пустыню съ милымъ протекаетъ,
Плѣнившимъ сердце красотой!»

«Что рекъ ты мнѣ, младой вонтель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мнѣ щитъ твой!» И Тоскаръ
Пріемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ.
Но вдругъ исчезъ геройства жаръ:
Что зритъ онъ съ сладкимъ восхищеньемъ?
Не въ силахъ въ страсти воздохнуть,
Пылая вдругъ восторгомъ новымъ!...

Лилейна обнажилась грудь,
Подъ грознымъ дышуща покровомъ...
«Ты ль это?» возопилъ герой,
И трепетно рукой дрожащей
Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій,
И Кольну видитъ предъ собой.

ЭВЛЕГА.

(Изъ поэмы Парни: Isnel et Aslégа).

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
Пещеры въ немъ изрылась глубина:
Темнѣетъ входъ, кустами окруженный;
Вблизи шумитъ и пѣнится волна.
Вечоръ, когда туманилась луна,
Здѣсь милаго Эвлега призывала;
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во тьмѣ ночной, печальна и одна:

Приди, Одульфъ! Ужъ роща поблѣдиѣла,
На дикій мохъ Одульфа ждать я сѣла,
Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ летитъ.
О, сладко жить, мой другъ, душа съ душою!
Приди, Одульфъ, забудусь я съ тобою,
И поцѣлуй любовью возгоритъ!

«Бѣги, Остаръ! твои мнѣ страшны взоры,
Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!
Оставь меня, не мною торжествуй!

Уже другой въ ночи со мною дремлетъ,
Ужъ на зарѣ другой меня объемлетъ,
И сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!

«Что жъ медлитъ онъ свершить мои надежды?
Для милаго я сбросила одежды,
Завистливый покровъ у ногъ лежитъ.
Но, чу!... идутъ... такъ, это другъ надежной!
Ужъ начались восторги страсти нѣжной,
И поцѣлуй любовью возгоритъ.»

Идетъ Одульфъ: во взорахъ упоенье,
Въ груди любовь, и прочь бѣжитъ печаль,
Но близъ него во тьмѣ сверкнула сталь,
И вздрогнулъ онъ—родилось подозрѣнье:
«Кто ты?» спросилъ, «почто ты здѣсь? Вѣщай,
Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ночи!»

— «Безсильный врагъ, Осгара убѣгай!
Въ пустынной тьмѣ что̀ ищутъ робки очи?
Страшись меня, я страстью воспаленъ:
Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждетъ Осгара.»
Булатный мечъ въ минуту обнаженъ,
Огонь летитъ струями отъ удара.

Услышала Эвлега стукъ мечей
И бросила со страхомъ хладъ пещерной.
«Приди узрѣть предметъ любви твоей!»
Вскричалъ Одульфъ подругѣ нѣжной, вѣрной.
«Измѣнница, ты здѣсь его зовешь?
Во тьмѣ ночной васъ услаждаетъ нѣга;
Но дерзкаго въ Валгаллѣ ты найдешь.»

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
Падетъ на дернъ, какъ клокъ летучій снѣга,
Метелицей отторженный отъ скалъ.
Другъ на друга соперники стремятся,
Кровавый токъ по камнямъ побѣжалъ;
Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся.
Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ—
И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ.

ОСГАРЪ.

(Подражаніе Парни).

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лорѣ путникъ шелъ; его напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ тьмѣ густой.
Пещеры нѣтъ предъ нимъ; на берегѣ угрюмомъ
Не видитъ хижины, наслѣдья рыбаря;
Вдали дремучій боръ качаютъ вѣтры съ шумомъ,
Луна за тучами, и въ морѣ спитъ заря.

Идетъ, и на скалѣ, обросшей влажнымъ мохомъ,
Зритъ барда стараго—веселье прошлыхъ лѣтъ;
Склонясь сѣдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ,
Въ безмолвіи, временъ онъ созерцалъ полетъ.
Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви мрачной ивы.
Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ
На сына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый
Содрогся въ ужасѣ и мимо поспѣшилъ.

«Стой, путникъ, стой!» вѣщалъ пѣвецъ вѣковъ минувшихъ:
«Здѣсь пали храбрые; почти ихъ бранный прахъ,

Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!
Пришлецъ главой поникъ и, мнилось, на холмахъ
Возставшій рядъ тѣней главы окровавленны
Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.
—Чей гробъ я вижу тамъ?»—вѣщалъ иноплеменный,
И барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу пригвожденный,
Бросали тусклый лучъ, лунною озлатясь.
«Увы, здѣсь палъ Оскаръ!» рекъ старецъ вдохновенный.
О, рано юношѣ насталъ послѣдній часъ!
Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ строѣ
Онъ первыя стрѣлы съ веселіемъ ожидалъ,
И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ боѣ.
Покойся, юнона! ты въ брани славной палъ!

Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Оскаръ Мальвину
Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,
И тѣнь упадшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли:
Одной, одной Оскаръ Мальвиною дышалъ!
Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
И вечеръ горести для юноши насталъ!...

Однажды, въ темну ночь зимы порой унылой,
Оскаръ стучится въ дверь красавицы младой,
И шепчетъ: «юный другъ, не медли, здѣсь твой милой!»
Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
Стучитъ и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ вѣютъ.
Ужели спишь теперь, Мальвина? Мгла вокругъ,
«Валится снѣгъ, власы въ туманѣ леденѣютъ;
«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!»

Онъ въ третій разъ стучитъ. Со скрипомъ дверь
шатнулась:
Онъ входитъ съ трепетомъ: несчастный, что жъ узрѣлъ?
Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась;
Онъ зритъ — въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!
И ярость дикая во взорахъ закипѣла;
Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой;
Онъ грозный мечъ извлекъ — и нѣтъ уже Звигнела,
И блѣдный духъ его сокрылся въ тьмѣ ночной!

«Мальвина обняла несчастнаго колѣна.
Но взоры отвративъ: «живи!» вѣщалъ Осгаръ;
Живи, ужъ я не твой, презрѣнна мной измѣна,
Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ.»
И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньѣ,
Окованъ мрачною, безмолвною тоской:
Исчезло сладкое навѣкъ очарованье!

. . . . . .

«Я видѣлъ юношу. Поникнувъ головою,
Мальвины имя онъ въ отчаяньи шепталъ:
Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
На сердцѣ горестномъ унынья мракъ лежалъ.
На друга дѣтскихъ лѣтъ взглянулъ онъ торопливо:
Уже недвижный взоръ друзей не узналъ.
Отъ ширшествъ удаленъ, въ пустынѣ молчаливой
Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.

«И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій.
Вдругъ грянулъ трубный гласъ: Оденовъ сынъ, Фингалъ,
Велъ грозныхъ на мечи въ кровавый пылъ сраженій;
Осгаръ послышалъ вѣсть и бранью воспылалъ.

Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бѣжала:
Покрытый ранами, здѣсь палъ на груду тѣлъ;
Онъ палъ,— еще рука меча кругомъ искала,
И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слетѣлъ.

«Побѣдили вспять враги — и тихій миръ герою,
И тихо все вокругъ могильнаго холма!
Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
Когда вершины горъ тягчитъ сырая тьма,
Въ багровомъ облакѣ, одѣянна туманомъ,
На камнѣ гробовомъ унына тѣнь сидитъ,
И стрѣлы дребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ,
И кленъ, зашевелясь, таинственно шумитъ.

ЛЕДА.

КАНТАТА.

(Подражаніе Парни).

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ,
Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ
Вздувалась пѣна водъ сребристыхъ,
Колеблясь тихимъ вѣтеркомъ,
Покровъ красавицы стыдливой.
Небрежно кинутый, у берега лежалъ,
И прелести ея потокъ волной игривой
Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи торопливый,
Будь же скроменъ, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Измѣнить страшитесь ей!

Леда робостью трепещетъ,
Тихо дышетъ снѣжна грудь,
Ни волна вокругъ не плещетъ,
Ни зефиръ не смѣетъ дуть.

Въ рощѣ шорохъ утихаетъ,
Все въ прелестной тишинѣ:
Нимфа далѣе ступаетъ,
Робкой ввѣрившись волнѣ.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ воспумѣло,
И чувство робости прекрасной овладѣло:
Невольно вздрогнула, не въ-силахъ воздохнуть.
И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы.
Расправя крылья горделивы,
Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна грудь
Съ шумящей пѣною отважно волны гонитъ.
Крылами воздухъ бьетъ,
То въ кольцы шею вьетъ,
То гордую главу, смирясь, предъ Ледой клонитъ...

Леда смѣется...
Вдругъ раздается
Радости кликъ...
Видъ сладострастной:
Къ Ледѣ прекрасной
Лебедь приникъ...
Слышно степанье...
Нимфа лѣсовъ
Съ нѣгою сладкой
Видитъ украдкой
Тайну боговъ.

Опомнясь, наконецъ, красавица младая
Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ воздыхая,
И что жъ увидѣла?... На ложѣ изъ цвѣтовъ
Она покоится въ объятіяхъ Зевеса:

Межъ ними юная любовь —
И пала таинства прелестнаго завѣса.

Симъ примѣромъ научитесь,
Розы — дѣвы красоты:
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды.

Въ темной рощицѣ таится
Часто пламенный Эротъ,
Съ хладной струйкою катится,
Стрѣлы прячетъ въ пѣнѣ водъ.

Симъ примѣромъ научитесь,
Розы—дѣвы красоты:
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды!

ВЕНЕРѢ ОТЪ ЛАИСЫ

ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕЙ ЗЕРКАЛА.

(Состарившаяся Лаиса приноситъ зеркало свое въ храмъ Венеры съ сими словами).

Вотъ зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будетъ ввѣкъ;
Сѣдаго времени ей не страшна обида:
Она — не смертный человѣкъ.
Но я, покорствуя судьбинѣ,
Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла
Ни той, которой я была,
Ни той, которой нынѣ.

КРАСАВИЦѢ,

КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

(Княжнѣ Софьѣ Михайловнѣ Горчаковой).

Возможно ль? Вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,
Тюльпановъ, гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, жасминовъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей,
Возможно ль, милая Климена?
Какая странная во вкусѣ перемѣна!
Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
А вредную траву зелёну,
Искусствомъ превращёну
Въ пушистый порошокъ!
Пускай уже сѣдой профессоръ Геттингена,
На старой каѳедрѣ согнувшися дугой,
Вперивъ въ латинщину глубокій разумъ свой,
Раскашлявшись, табакъ толчёный
Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой;

Пускай младой драгунъ усатый,
Поутру сидя у окна,
Съ остаткомъ утренняго сна,
Изъ трубки пенковой дымъ гонитъ сѣроватый;
Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
У Грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ,
Которой держится вся прелесть на подставкѣ,
Которой безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,
Злословитъ, молится, зѣваетъ,
И съ вѣрнымъ табакомъ печали забываетъ.
А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ
Столь нравится тебѣ.... О, пылъ воображенья!
Ахъ! еслибъ, превращенный въ прахъ,
И въ табакеркѣ, въ заточеньи,
Я въ персты нѣжные твои попасться могъ!...
Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньи,
Разсыпался на грудь, подъ шалевый платокъ...
И даже, можетъ быть... Но что? Мечта пустая!
Не будетъ этого никакъ!
Судьба завистливая, злая!
Ахъ, отчего я не... табакъ!

STANCES.

(Княжнѣ Е. М. Горчаковой).

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclose,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui:
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchainer l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose,
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclose:
Il a fui, le temps des beaux jours!

Eudoxie, aimez! le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

КЪ НАТАЛЬѢ.

(Крѣпостной актрисѣ графа В. В. Толстого).

Такъ, и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ;
Сердце страстное плѣнилось:
Признаюсь: и я влюбленъ!
Пролетѣло счастья время.
Какъ, любви не зная бремя,
Я живалъ да поживалъ:
Какъ, въ театрѣ и на балахъ,
На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ
Легкимъ зѣфиромъ леталъ:
Какъ, смѣясь, во зло Амуру
Я писалъ карикатуру
На любезный женскій полъ.
Но напрасно я смѣялся;
Наконецъ и самъ попался,
Самъ, увы, съ ума сошелъ.
Смѣхи, вольность, все подъ лавку:
Изъ Катоновъ я въ отставку,
И теперь я — селадонъ.

Миловидной жрицы Тальи
Видѣлъ прелести Натальи —
И ужъ въ сердцѣ Купидонъ.

Такъ, Наталья, признаюся:
Я тобою полоненъ;
Въ первый разъ еще, стыжуся,
Въ женски прелести влюбленъ;
Цѣлый день, какъ ни верчуся,
Лишь тобою занятъ я:
Ночь придетъ — и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньѣ;
Вижу, въ легкомъ одѣяньѣ,
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Бѣлой груди колебанье,
Сиѣгъ затьмившей бѣлизной.
И полуотверсты очи,
Скромный мракъ безмолвной ночи -
Духъ въ восторгъ приводятъ мой!...
Я одинъ въ бесѣдѣ съ нею:
Вижу дѣвственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немѣю...
А проснулся — вижу мракъ
Вкругъ постели одинокой.
Испускаю вздохъ глубокой;
Сонъ лѣнивый, томноокой
Отлетаетъ на крылахъ;
Страсть сильнѣе становится,
И любовью утомясь,
Я слабѣю каждый часъ —
Все къ чему-то умъ стремится.

Но, Наталья, ты не знаешь,
Кто твой нѣжный селадонъ?
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смѣетъ онъ
И надѣяться... Наталья,
Выслушай еще меня:
Не владѣтель я сераля,
Не арапъ, не турокъ я;
За учтиваго китайца,
Грубаго американца
Почитать меня нельзя:
Не представь и нѣмчурою
Съ колпакомъ на волосахъ,
Съ кружкой, пивомъ налитою,
И съ цыгаркою въ зубахъ;
Не представь кавалергарда
Въ каскѣ, съ длиннымъ палашомъ—
Не люблю я бранный громъ:
Шпага, сабля, алебарда,
Не тягчатъ моей руки.

Кто же ты, болтунъ влюбленный?...

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

(Ей же).

Ты не наслѣдница Клероны,
Не для тебя свои законы
Владѣлецъ Пинда начерталъ,
Тебѣ не много Богъ послалъ:
Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
Нѣмыя взоровъ обращенья
Не стоятъ, признаюсь, похвалъ
И шумныхъ блесковъ удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебѣ актрисой быть дурной...
Но, Хлоя, ты мила собой!
Тебѣ вослѣдъ толпятся смѣхи,
Сулятъ любовникамъ утѣхи.
Итакъ, вѣнцы передъ тобой,
И несомнительны успѣхи.

Ты плѣнимъ зрителя ведешь,
Когда безъ такта ты поешь;

Недвижно стоя передъ нами,
Поешь, и часто не вполнадъ:
А мы усердными руками
Всѣ громко хлопаемъ. Кричатъ:
Bravo! bravissimo! чудесно!
Свистки сатириковъ молчатъ,
И всѣ покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Или поднимешь ихъ и снова
На грудь положишь не стыдясь;
Когда Милона молодова,
Леneча что-то не для насъ,
Въ любви, безъ чувства, увѣряешь
Или безъ памяти, въ слезахъ,
Холодный испуская «ахъ»,
Спокойно въ кресла упадаешь,
Красѣя и чуть-чуть дыша,
Всѣ шепчутъ: «ахъ, какъ хороша!»
Увы, другую бъ освистали:
Велико дѣло красота!
О Хлоя, мудрые солгали:
Не все на свѣтѣ суета.

Плѣняй же, Хлоя, красотою!
Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
Который нѣжно предъ тобою
Осмѣлясь о любви поетъ.
Въ стихахъ и прозою на сценѣ
Тебя клянется обожать.

Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ.
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой актрисой,
Жать руку ей, надѣясь быть
Еще блаженнѣй за кулисой.

ОПЫТНОСТЬ.

Кто съ минуту переможетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Бремя тягостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложитъ —
Тотъ не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудростью дружись!
Но съ разсудкомъ вновь заспоришь —
Радъ не радъ, а дверь отворишь,
Какъ проказливый Эротъ
Постучится у воротъ.

Испыталъ я самъ собою
Истину сихъ правыхъ словъ.
«Добрый путь! прости любовь!
За богинею слѣпою.
Не за Хлоей полечу.
Счастье, счастье ухвачу!»
Мнилъ я въ гордости безумной.
Вдругъ услышалъ хохотъ шумной,
Оглянулся.... и Эротъ
Постучался у воротъ.

Нѣтъ! мнѣ, видно, не придется
Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить,
И покамѣсть жизни нить
Старой Паркой тамъ прядется,
Пусть владѣетъ мною онъ:
Веселиться—мой законъ!
Смерть откроетъ гробъ ужасный,
Потемнѣютъ взоры ясны,
И не стукнется Эротъ
У могильныхъ ужъ воротъ.

БЛАЖЕНСТВО.

Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой,
Гдѣ, журча въ травѣ душистой,
Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
Ночью, на простой свирѣли
Пѣлъ влюбленный пастушокъ;
Томный гулъ уныль трели
Повторялъ въ глуши долинъ.

Вдругъ изъ глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Рѣзвыхъ Фавновъ господинъ,
Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ:
Розами рога обвиты,
Плющъ на черныхъ волосахъ;
Козій мѣхъ, виномъ налитый,
У Сатира на плечахъ.
Богъ лѣсовъ, въ дугу склонившись
Надъ искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушалъ, пѣсенки ночной
Въ ладъ качая головой.

Дни, протекшіе въ весельи
(Пѣлъ въ тоскѣ пастухъ младой),
Отчего, явясь мечтой,
Вы, какъ тѣнь, изъ глазъ исчезли
И покрылись вѣчной тьмой?
Ахъ! когда я въ мракѣ нощи,
При таинственной лунѣ
Въ темну сѣнь прохладной рощи,
Сладко спящей въ тишинѣ,
Медленно, рука съ рукою,
Съ нѣжной Хлоей приходилъ,
Кто сравниться могъ со мною?
Хлоѣ былъ тогда я милъ!
А теперь мнѣ жизнь — могила,
Бѣлый свѣтъ душѣ постылъ,
Грустенъ лѣсъ, потокъ уныль...
Хлоя другу измѣнила!...
Я для милой... ужъ не милъ!..

Звукъ исчезъ свирѣли тихой;
Смолкъ пѣвецъ, и тишина
Воцарилась въ рощѣ дикой;
Слышно, плещетъ лишь волна,
И колышетъ повиликой
Тихо-вѣющій зефиръ.
Древъ оставя сѣнь густую,
Вдругъ является Сатиръ.
Чашу дружбы круговую
Пѣнистымъ сребря виномъ,
Рекъ съ осклабленнымъ лицомъ:

«Ты унылъ, ты сердцемъ мраченъ;
Посмотри жъ, какъ сокъ прозраченъ

Блещетъ, освѣтясь луной!
Выпей чашу — и душой
Будешь такъ же чистъ и ясенъ.
Вѣрь мнѣ: стонъ въ бѣдахъ напрасенъ.
Лучше, лучше веселись.
Въ горѣ съ Бахусомъ дружись!»

И пастухъ, взявъ чашу въ руки,
Скоро выпилъ всю до дна.
О могущество вина!
Вдругъ сокрылись скорби, муки,
Мракъ душевный вмигъ исчезъ!
Лишь фіалъ къ устамъ поднёсъ,
Все мгновенно премѣнилось,
Вся природа оживилась:
Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужъ третью... но въ глазахъ
Видъ окрестный потемнился —
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, Сатиръ, меня,
Говоритъ пастухъ со вздохомъ,
«Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу счастливымъ быть?
Я не въ — силахъ вѣчно пить.»

— «Слушай, юноша любезный.
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
Мигъ блаженства вѣкъ лови;
Помни дружбы наставленья:

Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и счастья безъ любви:
Такъ поди жъ теперь съ похмелья,
Съ Купидономъ помирись,
Позабудь его обиды
И въ объятіяхъ Дориды
Снова счастьемъ насладись!»

ПИРУЮЩІЕ СТУДЕНТЫ.

Друзья, досужный часъ насталъ,
Все тихо, все въ покоѣ;
Скорѣе скатерть и бокалъ!
Сюда, вино златое!
Шипи, шампанское, въ стеклѣ!
Друзья, почто же съ Кантомъ
Сенека, Тацитъ на столѣ.
Фольянтъ надъ фоліантомъ?
Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ —
Мы полемъ овладѣемъ!
Подъ столъ ученыхъ дураковъ –
Безъ нихъ мы пить умѣемъ!

Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента?
На всякій случай изберемъ
Скорѣе президента.
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ, и грогъ душистой;
А вамъ, спартанцы, поднесетъ
Воды въ стаканѣ чистой.

Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ,[1] vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.
Главу вѣнками уберн,
Будь нашимъ президентомъ,
И будутъ самые цари
Завидовать студентамъ.

Дай руку, Дельвигъ! что ты спишь?
Проснись, лѣнивецъ сонный,
Ты не подъ кабедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни, здѣсь кругъ твоихъ друзей,
Бутыль виномъ налита;
За здравье нашей Музы пей,
Парнасскій волокита!
Острякъ любезный,[2] по рукамъ!
Полнѣй бокалъ досуга,
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга!

И ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса![3]
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее — завѣса!
Хотя студентъ, хотя я пьянъ,
Но скромность почитаю;

[1] Профессоръ русской словесности въ Лицеѣ.
[2] А. Д. Илличевскій.
[3] Гр. Брольо.

Придвинь же пѣнистый стаканъ:
На все благословляю.

Товарищъ милый, другъ прямой! [1]
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ —
И тотчасъ помиримся.

А ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышешь! [2]
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой тосуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою;
Наполни кружку до краевъ;
Разсудокъ — Богъ съ тобою!

А ты, повѣса изъ повѣсъ, [3]
На шалости рожденный,
Удалый хватъ, головорѣзъ,
Пріятель задушевный!
Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова,
Въ казачью шапку пуншъ нальемъ —
И пить давайте снова.

[1] П. П. Пущинъ.
[2] М. Л. Яковлевъ.
[3] П. В. Малиновскій.

Приближься, милый нашъ пѣвецъ,
Любимый Аполлономъ.[1]
Восной властителя сердецъ
Гитары тихимъ звономъ:
Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
Томленье звуковъ льется!
Но мнѣ ли страстью воздохнуть?
Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.

Не лучше ль, Роде записной,
Въ честь Вакховой станицы
Теперь скрипѣть тебѣ струной
Разстроенной скрипицы?
Запойте хоромъ, господа!
Нѣтъ нужды, что нескладно!
Охрипли... Это не бѣда!
Для пьяныхъ все вѣдь ладно.

Но что я вижу все вдвоемъ?
Двоится штофъ съ аракомъ,
Вся комната пошла кругомъ,
Покрылись очи мракомъ...
Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
Скажите, Вакха ради!
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради.

Писатель за свои грѣхи,
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе!
Вильгельмъ,[2] прочти свои стихи,
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе!

[1] П. А. Корсаковъ.
[2] В. К. Кюхельбекеръ.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ рѣзвый и пінтъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
Ужель и ты, мечтатель юной,
Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ
Межъ кудрей вьющихся златыхъ,
Подъ тѣнью тополовъ вѣтвистыхъ,
Въ кругу красавицъ молодыхъ,
Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный счастливымъ началомъ,
Цвѣтовъ парнасскихъ вновь не рвешь;
Не слышенъ нашъ Парнп россійскій.
Ной, юноша! Пѣвецъ тіосскій
Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.

Съ тобою твой прелестный другъ,
Лилета, красныхъ дней отрада:
Пѣвцу любви—любовь награда.
Настрой же лиру; по струнамъ
Летай игривыми перстами,
Какъ вешній зѣфиръ по цвѣтамъ;
И сладострастными стихами,
И тихимъ шопотомъ любви
Лилету въ свой шалашъ зови;
И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
Плывущихъ въ дальной вышинѣ,
Въ уединенномъ кабинетѣ,
Волшебной внемля тишинѣ.
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливецъ милый, орошай;
Но, упоенъ любовью страстной,
И нѣжныхъ музъ не забывай!
Любви нѣтъ болѣ счастья въ мірѣ;
Люби — и пой ее на лирѣ.

Когда жъ къ тебѣ въ досужный часъ
Друзья, знакомые сберутся,
И вина пѣнныя польются.
Отъ плѣна съ трескомъ свободясь,
Описывай въ стихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрытаго стола,
Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,
И стукъ блестящаго стекла;
И гости дружно стихъ весёлой,
Бокалъ въ бокалъ ударя въ ладъ,
Нестройнымъ хоромъ повторятъ.

Поэтъ, въ твоей предметы волѣ!
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ ной кроваву брань
И грозну смерть на ратномъ полѣ.
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
И ты, постигнутый судьбою,
Какъ россъ, питомцемъ славы палъ!
Ты палъ, и хладною косою
Едва, скошенный, не увялъ! [1]

Иль вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись сатиры жаломъ;
Подъ-часъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣивай порокъ;
Шутя, показывай смѣшное
И, если можно, насъ исправь;
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
Увы! довольно безъ него
Найдемъ безчисленныхъ поэтовъ:
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего.

Скажи, по милости, Грифону,
Ползкомъ ползущу къ Геликону,
Чтобъ пересталъ совсѣмъ писать
И бѣдныхъ насъ морить со скуки;
Скажи ему, что наши внуки
Не станутъ вздоръ его читать...
Все, все позволено поэту!

[1] Кому неизвѣстны «Воспоминанія на 1807 годъ».
Прим. Пушкина.

Скажи всему, коль хочешь, свѣту,
Что Висковатовъ [1] невпопадъ
Уродовъ выставилъ на сцену,
Визжать заставилъ Мельпомену;
Что Клитъ былъ добрый человѣкъ,
Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
Своимъ домкомъ тихонько правилъ
И жилъ безъ горя, безъ заботъ,
Покамѣстъ не печаталъ одъ,
Гдѣ здравый смыслъ вверхъ дномъ поставилъ,
Гдѣ мы навидѣлись всего.
Гдѣ «всѣ чудовища геенны —
На жертву агнцы обреченны»,
Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного.

Но что?... Цѣвницею моею,
Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
Я пѣсни продолжать не смѣю.
Прости, но помни мой совѣтъ:
Доколѣ, Музами любимый,
Ты Ніэридъ горишь огнемъ,
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты не снидешь домъ —
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя, младой Назонъ,
Эротъ и Граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.

[1] Плохой авторъ плохихъ трагедій.

КЪ Н. Г. ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный другъ, оставилъ
Надежну пристань тишины,
Челнокъ свой весело направилъ
По влагѣ бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣтятъ небеса.
Ладья крылатая пустилась —
Расправитъ Счастье паруса.
Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
Вблизи ты ужасъ не видалъ,
Чтобъ бурный вихорь не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды;
Дай Богъ, подъ-вечеръ, къ берегамъ
Тебѣ пристать благополучно
И отдохнуть спокойно тамъ
Съ Любовью, Дружбой неразлучно!
Нѣтъ, ты не можешь ихъ забыть!
Но что! не скоро, можетъ быть,
Увижусь я, мой другъ, съ тобою
Укромной хаты въ тишинѣ?
За чашей пунша круговою
Подъ-часъ воспомнишь обо мнѣ:
Когда жъ пойду на новоселье
(Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ).
Скажи: «дай Богъ ему веселье!
Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ.»

РОМАНСЪ.

Подъ-вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракѣ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ твореньѣ,
Вздохнувъ, остановила ихъ...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей,
Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери твоей!

«Ее манить напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный стыдъ — вина моя!

Меня навѣки ты забудешь...
Но не забуду я тебя!
Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
И скажутъ: «ты для насъ чужой!
Ты спросишь: «гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!

«Несчастный, будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокій...
Прости, прости тогда меня!

«Ты спишь!... позволь себя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Законъ неправедный, ужасный,
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! горькія печали
Не тронутъ дѣтства тихихъ дней!»

Но вдругъ за рощей освѣтила
Вблизи ей хижину луна.
Блѣдна, трепещуща, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она,
Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой;
Со страхомъ очи отвратила—
И скрылась въ темнотѣ ночной.

MON PORTRAIT.

(Барону Н. Ф. Гревенницу).

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature:
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

Oui! il ne fut de babillard,
Ni docteur de Sorbonne
Plus ennuyeux et plus braillard
Que moi-même en personne.

Ma taille, à celle des plus longs,
Las n'est point égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas.
Je haïs la solitude;
J'abhorre et noises, et débats.
Et tant soit peu l'étude,

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encore,
Si je n'étais au Lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie,
Ma foi, voilà Pouchkine.

ГОРОДОКЪ.

Къ ***.

Прости мнѣ, милый другъ,
Двухлѣтнее молчанье;
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ.
На тройкѣ принесенной
Изъ родины смиренной
Въ великій градъ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвая, веселился
Въ театрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ.
Какъ будто у налоя
Въ великій четвертокъ
Измученный дьячокъ.
Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу

Я выѣхалъ теперь;
Ужъ вытолкалъ за дверь
Заботы и печали,
Которыя играли —
Стыжусь — столь долго мной,
И въ тишинѣ святой
Философомъ лѣнивымъ,
Отъ шума вдалекѣ,
Живу я въ городкѣ,
Безвѣстностью счастливомъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ:
Съ диваномъ, съ камелькомъ
Три комнатки простыя;
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ;
Окошки — въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтутъ;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладну сѣнь даютъ;
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечетъ у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ
Живетъ благополучно;
Не ходитъ въ модный свѣтъ;
На улицѣ каретъ

Не слышитъ стукъ докучной;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка телега
Скрипитъ по мостовой.
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калитку постучится...

Блаженъ кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ.
Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
И маленькій Эротъ!
Блаженъ, кто на просторѣ
Въ укромномъ уголкѣ
Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ.
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
О гостѣ не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Лѣниться одному
Въ постели не мѣшаетъ;
Захочетъ — Аонидъ
Толпу къ себѣ созоветъ;
Захочетъ — сладко спитъ.
На Рѣномова склоняясь
И тихо забываясь.
Такъ я, мой милый другъ.
Теперь расположился;
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
Навѣки распростился;
Укрывшись въ кабинетъ,

Одинъ я не скучаю
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю,
Друзья мнѣ — мертвецы,
Парнасскіе жрецы.
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ;
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы —
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ пѣтъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ:
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжный другъ,
Арьоста, Тасса внукъ —
Скажу ль?... Отецъ Кандида!
Онъ — все: вездѣ великъ
Единственный старикъ.
На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга
Люблю ихъ отрывать.
Питомцы юныхъ грацій —

Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ.
И ты, пѣвецъ любезной,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный,
Ванюша Ляфонтенъ,
Ты здѣсь!... И Дмитревъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя.
Нашелъ пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя.
Но вотъ наперсникъ милой
Психеи златокрылой! [1]
О, добрый Ляфонтенъ,
Съ тобой онъ смѣлъ сразиться...
Коль можешь ты дивиться.
Дивись: ты побѣжденъ!
Воспитанны Амуромъ
Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ
(Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ;
Съ Мольеромъ-исполиномъ
Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,

[1] И. Ѳ. Богдановичъ.

Ихъ грозный Аристархъ
Является отважно
Въ шестнадцати томахъ.
Хоть странно стихоткачу
Лягарпа видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
На самой нижней полкѣ
Всѣ школьнически толки.
Лежащіе въ пыли:
Визгова сочиненья.
Глупона псалмопѣнья.
Извѣстныя творенья,
Увы, однѣмъ мышамъ!
Миръ вѣчный и забвенье
И прозѣ и стихамъ!
Но ими огражденну
(Ты долженъ это знать)
Я спряталъ потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свитокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбереженный,
Отъ члена русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата,
Я даромъ получилъ.
Ты, кажется, въ сомнѣньи?...
Не трудно отгадать;
Такъ, это сочиненья,
Презрѣвшія печать.

Хвала вамъ, чада славы,
Враги парнасскихъ узъ!
О князь, наперсникъ музъ,[1]
Люблю твои забавы:
Люблю твой колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ.
Въ сатирѣ — знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву остроту.
И ты насмѣшникъ смѣлый,[2]
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ адъ стихъ веселый
Поэтовъ раздражилъ.
Какъ, въ юношески лѣты,
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ потопилъ!
И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,[3]
Въ картинахъ толь богатый
И вкуса образецъ!
И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжалъ
Игривой Тальѣ далъ![4]
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпанируетъ
Такой оригиналъ?

[1] Кн. Д. И. Горчаковъ, авторъ сатиры «Святки».
[2] К. Н. Батюшковъ. Стих. «Видѣніе на берегахъ Леты».
[3] В. Л. Пушкинъ. Стих. «Опасный сосѣдъ».
[4] И. А. Крыловъ. Траги-комедія «Трумфъ»

Тутъ вижу я съ Чернавкой
Подщипа слезы льетъ:
Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
Въ трагическомъ смятеньи
Плѣненные цари,
Забывъ войну, сраженьи,
Играютъ въ кубари...
Но назову ль дѣтину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнилъ линь собой?...
О ты, высотъ Парнаса
Бояринъ небольшой,
Но пылкаго Пегаса
Наѣздникъ удалой!
Намаранныя оды—
Убранство чердаковъ—
Гласятъ изъ рода въ роды:
«Великъ, великъ Свистовъ!»[1]
Твой даръ цѣнить умѣю,
Хоть право не знатокъ;
Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать:
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать.

[1] Гр. Д. И. Хвостовъ.

О вы, въ моей пустынѣ
Любимые творцы,
Займите же отнынѣ
Безпечности часы!
Мой другъ, весь день я съ ними:
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.
Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ —
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной.
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.
Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтѣ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ
И слава громко грянетъ:
Безсмертенъ вѣкъ пѣтъ!

Но сю мнѣ ль гордиться,
Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?...

До слезъ я спорить радъ.
Не бьюсь лишь объ закладъ...
Какъ знать, и мнѣ, быть можетъ,
Печать свою наложитъ
Небесный Аполлонъ?
Сіяя горнимъ свѣтомъ,
Безтрепетнымъ полетомъ
Взлечу на Геликонъ.
Не весь я преданъ тлѣнью:
Съ моей, быть можетъ, тѣнью,
Полуночной порой,
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный
Бесѣдовать придетъ
И, мною вдохновенный,
На лирѣ воздохнетъ.

Покамѣстъ, другъ безцѣнный,
Каминомъ освѣщенный,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и съ перомъ;
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ....
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто жъ ея сестрой,
Любовію младой,
Напрасно пламенѣю?
Иль юности златой
Вотще даны мнѣ розы,
И литъ навѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ расцвѣлъ,

Мой горестный удѣлъ?...
Пѣвца сопутникъ милой,
Мечтанье легкокрыло,
О, будь же ты со мной!
Дай руку сладострастью,
И съ чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвенія тропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивый макъ
Покрестъ томны очи,
На вѣтреныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ тѣсной,
Тихонько постучись,
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись.
Мечта, въ волшебной сѣни
Мнѣ милую яви,
Мой свѣтъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви,
И блескъ очей небесный,
Льющихъ огнь въ сердца,
И Граціи станъ прелестный,
И снѣгъ ея лица:
Представь, что, на колѣняхъ
Покоясь у меня,
Въ порывистыхъ томленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устахъ;
Горитъ лицо прекрасной
И слезы на глазахъ!...

Почто стрѣлой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманетъ — и пропалъ
Бѣглецъ невозвратимой!
Не слышитъ плачъ и стонъ:
И гдѣ крылатый сонъ?
Исчезнетъ обольститель.
И въ сердцѣ грусть-мучитель!

Но все ли, милый другъ,
Быть счастья въ упоеньѣ?
И въ грусти томный духъ
Находитъ наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣть;
Люблю съ моимъ Мароном,
Подъ яснымъ небосклономъ,
Близъ озера сидѣть,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной,
Оставя злакъ прибрежной,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плыветъ во златѣ волнъ;
Или, для развлеченья,
Оставя книгъ ученье,
Въ досужный мнѣ часокъ
У добренькой старушки

Душистый нью чаёкъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не паркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ и вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ:
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,[1]
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала;
Ома свою хозяйку
Ни за что наказалъ.
Антошка балалайку.
Играя, разломалъ —
Старушка все разскажетъ;
Межъ тѣмъ, какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое.
А я сижу смиренно
Въ мечтаньяхъ углубленной,
Не слушая ее.
На рюмы удалова
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ.
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
Ахъ, видно Богъ ыталъ
Тогда мое терпѣнье!

[1] «Модная жена»—сказка И. И. Дмитріева.

Иль добрый мой сосѣдъ.
Семидесяти лѣтъ.
Уволенный отъ службы
Маіоромъ отставнымъ.
Зоветъ меня изъ дружбы
Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ развеселясь,
За дѣдовскою кружкой.
Въ прошедшемъ углубясь
Съ Очаковской медалью
На раненой груди.
Воспомнитъ ту баталью.
Гдѣ, роты впереди,
Летѣлъ навстрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ.
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашомъ.
Всегда я радъ душою
Съ нимъ время провождать.

Но, Боже, виноватъ!
Я каюсь предъ тобою:
Служителей твоихъ,
Поповъ я городскихъ
Боюсь, боюсь бесѣды.
И свадебны обѣды
Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ,
Какъ папа іудеевъ,
Я вовсе не люблю:
А съ ними крючковатый

Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И лбеды оплотъ.
Но, другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой.
Тогда, клянусь богами
(И слово ужъ сдержу),
Я съ сельскими попами
Молебенъ отслужу.

КОЗАКЪ.

Разъ полуночной порою.
Сквозь туманъ и мракъ.
Ѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой козакъ.

Черна шапка на бекренѣ,
Весь жупанъ въ пыли.
Пистолеты при колѣнѣ.
Сабля до земли.

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя.
Углубился вдаль.

Вотъ предъ нимъ двѣ-три избушки.
Выломанъ заборъ;
Здѣсь — дорога въ деревушки,
Тамъ — въ дремучій боръ.

«Не найду въ лѣсу дѣвицы,
Думалъ хватъ Денисъ;

Ужъ красавицы въ свѣтлицы
На ночь убрались.»

Шевельнулъ донецъ уздою,
Шпорой прикольнулъ,
И помчался конь стрѣлою —
Къ избамъ завернулъ.

Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица-краса.

Храбрый видитъ красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ;
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву —
Вотъ ужъ подъ окномъ.

«Ночь становится темнѣе.
Скрылася луна.
Выйдь, коханечка, скорѣе,
Напои коня.»

— Нѣтъ! къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти.
Страшно выйти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды.

«Ахъ, не бось, дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!
— Ночь красавицамъ опасна.
«Радость, не страшись!

«Вѣрь, коханечка, пустое;
Ложный страхъ отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, не бось!

«Сядь на борзаго: съ тобою
Въ дальній ѣду край;
Будешь счастлива со мною:
Съ другомъ всюду рай!»

Что же дѣвица?... Склонилась.
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась.
Счастливъ сталъ козакъ!

Поскакали, полетѣли...
Дружку другъ любилъ:
Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

Плыветъ—и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ:
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ, и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополомъ сплелась младая ива
И отразилася въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;

Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣпивою волной:
А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы Росской храмъ?

Не се ль Элизіумъ полнощный,
Прекрасный царскосельскій садъ,
Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отрадъ?
Увы, промчалися тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ Великія Жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія.
Цвѣтя подъ кровомъ тишины!

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ:
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ россъ вѣщаетъ:
«Исчезло все. Великой нѣтъ!»
И, въ думу углубленъ, надъ злачными брегами
Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:
Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеньи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшистою скалой
Вознесся памятникъ.[1] Ширяяся крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.

[1] Въ честь гр. А. Г. Орлова за побѣду подъ Чесмою, а въ слѣдующей строфѣ говорится о памятникѣ въ честь гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго за Кагульскую побѣду.

И цѣни тяжкія, и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились;
Кругомъ подножія шумя валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поносенъ
И славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы вовѣкъ, о, росски исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ!
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозные славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали!
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
И, вскорѣ, новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны:
Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;
Возсталъ вселенной бичъ—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна стень лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля.
И селы мирныя и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ;
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

Идутъ. Ихъ силѣ нѣтъ преноны:
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную неходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались. Идутъ въ дали туманной!...
Звучатъ кольчуги и мечи!

Страшись, о, рать иноплеменныхъ:
Россіи двинулись сыны!
Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ:
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря;
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за царя.

Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ;
За строемъ строй течетъ, всѣ местью, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ.
Летятъ на грозный иноъ, мечамъ добычи ищутъ,

И се — пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ,
И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились: русскій — побѣдитель,
И вспять бѣжитъ надменный галлъ:
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый:
О, Бородинскія кровавыя поля,
Не вы пенстовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ галлъ Кремля!

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я миценья вамъ и жизни.
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины теперь одни.
Москва! сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ!
Исчезли зданія вельможей и царей,
Все пламень истребилъ, вѣнцы затьмились башенъ,
Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала
Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,

Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи
Все мертво, все молчитъ...

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца!
Отяготѣла днесь на ихъ надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ — и въ тьмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣтаютъ,
А съ тыла гонитъ россовъ мечъ.

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы въ могилы пали...
О страхъ! о грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой.
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьѣ,
Москва въ унынiи, какъ стень въ полнощной мглѣ —
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье
И благотворный миръ землѣ.

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ.
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянской бардъ дружины,
Мой духъ восторгомъ не горитъ!
О, еслибъ Аполлонъ пѣтовъ даръ чудесной
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! тобою восхищенъ,
На лирѣ бъ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тьмѣ временъ!

О, скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей своихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой!
Да снова стройный гласъ Герою въ честь прольется
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца!

(Читано на экзаменѣ 4 и 8 января 1815).

ЭПИГРАММЫ.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Супругою твоей я такъ плѣнился,
Что еслибъ три въ удѣлъ достались мнѣ,
Подобныя во всемъ твоей женѣ,
То даромъ двухъ я бъ отдалъ сатанѣ,
Чтобъ третью лишь принять онъ согласился.

НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКАГО.

Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
Разумникъ получилъ вѣдь ленту голубую.
— Богъ съ нимъ! я недругъ никому:
Дай Богъ и царствія небеснаго ему.

НЕСЧАСТІЕ КЛИТА.

(На В. К. Кюхельбекера).

Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ нѣсенки пишетъ.
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышетъ:
Мѣра простая сія все портитъ, по мнѣнію Клита.
Смыслъ затьмеваетъ стиховъ, жаръ охлаждаетъ пінта.
Спорить о томъ я не смѣю; пусть онъ безвинныхъ поноситъ:
Ямбъ охладилъ ревмача, гекзаметры жъ онъ заморозитъ.

НА ПОЭМУ КН. С. А. ШИРИНСКАГО-ШИХМАТОВА.

«Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ,
Или спасенная Россія»—
Слогъ теменъ, важенъ, напыщенъ,
И тяжки словеса пустыя.

Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую,
Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
Что слезы зрителей рѣкою потекутъ...
Мы ждали драму золотую.
И что же? Дождались—и нечего сказать,
Достоинству ея нельзя убавить вѣсу:
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалостну піесу.

1815.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Послушай, Музъ невинныхъ
Лукавый клеветникъ!
Жилецъ полей пустынныхъ,
Природы ученикъ,
Поэтовъ грѣшныйликъ
Умножилъ я собою:
И я главой поникъ
Предъ милой суетою.
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ Музами сосваталъ.
Сначала я игралъ,
Шутя стихи маралъ,
А тамъ переписалъ,
А тамъ и напечаталъ.
И что же? Радъ не радъ,

Но вотъ уже я братъ
Тому, сему, другому,
Безтолкову, Пустому...
Что дѣлать! виноватъ!

Измѣнникъ! съ Аполлономъ
Ты, видно, заодно:
И мнѣ прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено:
Вездѣ бѣды застану.
Увы мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я?
Измѣнники-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ —
Бумагу убиваютъ!
Поэта окружаютъ
Съ улыбкой остряки:
«Признайтесь, намъ сказали,
Вы пишете стишки?
Увидѣть ихъ нельзя ли?
Вы въ нихъ изображали
Конечно ручейки.
Конечно васплёчекъ,
Лѣсочекъ, вѣтерочекъ,
Барашковъ и цвѣтки...»

О Дельвигъ, начертали
Мнѣ Музы мой удѣлъ:
Но ты ль мои печали

Умножить захотѣлъ?
Межъ лѣни и Морфея
Безпечный духъ лелѣя.
Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И негой насладиться:
Я, право, нѣги сынъ!
А тамъ, хоть нѣтъ охоты.
Но придутъ ужъ заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться...
Помилуй, Аполлонъ!

ЛИЦИНІЮ.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спесиво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летитъ по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ:
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья:
И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
Есть нѣкій памятникъ почетный и священной.
О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
Квириты гордые подъ иго преклонились.
Кому жъ, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ правитъ,

На Римъ простеръ яремъ, отечество безславитъ;
Ветулій римлянъ царь!... О стыдъ, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
Куда ты нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ?
«Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.
Лициній, добрый другъ! не лучше ли и намъ,
Смиренно поклонясь фортунѣ и мечтамъ,
Сѣдаго цинника примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проститься.
Гдѣ все продажное: законы, правота,
И консулъ, и трибунъ, и честь, и красота?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопытность другихъ въ наемну ловитъ сѣть!
Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣть;
Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ Корнелій
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ!
Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню принесемъ отеческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
Найти нетрудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,

Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
И тамъ расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ.
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.
О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падетъ, падетъ во прахъ вселенныя вѣнецъ.
Народы юные, сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани.
И горы, и моря оставятъ за собой
И хлынутъ на тебя кипящею рѣкой.
Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокой;
И путникъ, устремивъ на груды камней око,
Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.»

БОВА.

(Отрывокъ изъ поэмы).

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Еллинскія
И не смѣлъ осипымъ голосомъ.
Съ Шапеленомъ и съ Рюматовымъ,
Воспѣвать героевъ сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я нѣмца Клопштока,
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ:
Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до великаго.
За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крылъ парить,
Не дерзалъ въ стихахъ безсмысленныхъ
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю.

Иль святую Богородицу
Вмѣстѣ славить съ Афродитою:
Не бывалъ я грѣховодникомъ.
Но вчера, въ архивахъ роясь,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизисъ остроумія,
Словомъ—Жанну Орлеанскую,
Прочиталъ—и въ восхищеніи
Про Вову пою царевича.
О Вольтеръ, о мужъ единственный,
Ты, котораго во Франціи
Почитали богомъ нѣкіимъ.
Въ Римѣ дьяволомъ, антихристомъ,
Обезьяною въ Саксоніи,
Ты, который на Радищева
Кинулъ было взоръ съ улыбкою,
Будь теперь моею Музою!
Нѣтъ я тоже вознамѣрился,
Но сравняюсь ли съ Радищевымъ?

Не запомню, сколько лѣтъ спустя
Послѣ рождества Спасителя,
Царь Додонъ со славой царствовалъ,
Въ Свѣтомирѣ, сильномъ городѣ.
Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
Не прямой досталъ дорогою,
Но убивъ царя законнаго,
Бендокира Слабоумнаго.
Царь Додонъ не Слабоумнаго
Былъ достоинъ злаго прозвища,
Но тирана неусыпнаго

(Онъ однако не имѣлъ его).
Лѣнь мнѣ всѣ его достоинства
И пороки вамъ показывать:
Вы слыхали, люди добрые,
О царѣ, что̀ двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и не крещенаго
И, въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводитъ въ униженіи
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы императоромъ....
Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей Совѣтъ
(Безбородыхъ не любилъ Додонъ),
На престолѣ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ такую рѣчь:

«Вы, которые совѣтами
Облегчали тяжесть скипетра,
Услаждали участь царскую
(Не горька она была ему),
Мудрые друзья, сподвижники!
Къ вамъ прибѣгнуть я рѣшаюся:
Что мнѣ дѣлать нынѣ? Слушайте!»

Всѣ привстали, важно хмуряся,
Низко, низко поклонилися

И, поправя усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовыя.

«Вамъ извѣстно, продолжалъ Додонъ,
Что искусствомъ и неправдою
Я достигъ престола шаткаго
Бендокира Слабоумнаго.
Сочетался съ Милитрисою,
Милой женкой Бендокировой,
И въ темницу посадилъ Бову,
Принца крови, сына царскаго.
Легче, легче захватить было
Слабоумнаго златой вѣнецъ,
Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,
За собою удержать его.
Вотъ уже народъ безсмысленный,
Ходя въ праздники по улицамъ,
Межъ собой не разъ говаривалъ:
«Дай Богъ помочь королевичу!»
Вѣдь Бова уже не маленькій,
Не въ отца своей головушкой;
Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою:
Онъ моимъ опасенъ замысламъ.
Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ?»

Все собранье призадумалось,
Всѣ въ молчаньи потупили взоръ.
То-то, право, золотой Совѣтъ:
Не болтали здѣсь, а думали.
Арзаморъ, мужъ старый, опытный,
Ротъ открылъ было (совѣтовать,
Знать, хотѣлось посѣдѣлому),

Громко крякнулъ, но одумался
И въ молчаньи закусилъ языкъ.
Ко лбу персть приставя тщательно,
Лекарь, славный Эскулапа внукъ,
Эзельдорфъ, обритый весь, зѣвалъ,
Табакеркою поскрипывалъ,
Но молчалъ: своей премудрости
Онъ предъ всѣми не показывалъ.
Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею.
Стражи трона, славны рыцари,
Всѣ сидѣли будто вкопаны.
Громобурь, извѣстный силою,
Но умомъ непроницательный,
Думалъ, думалъ и нечаянно
Задремалъ и захрапѣлъ въ углу.
Что примѣра лучше дѣйствуетъ?
Что людьми сильнѣй ворочаетъ?
Вотъ зѣвнули подъ перчаткою
Храбрый Мировзоръ съ Иванкою,
И Полканъ, и Арзаморъ сѣдой
И ко груди приклонилися
Тихо головами буйными.
Глядь — съ Додономъ задремалъ Совѣтъ,
Захрапѣли многомыслящи!

Долго спать было совѣтникамъ,
Еслибъ нѣмцу не пришлось изъ рукъ
Табакерку на полъ выронить;
Табакерка покатилася
И о шпору вдругъ ударилась
Громобуря, крѣпко спавшаго,
Загремѣла, раздвоилася,

Отлетѣла въ разны стороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе;
Между тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу рыцаря подъемлется,
И чихнулъ герой съ досадою,
Такъ, что своды потрясаются,
Окна всѣ дрожатъ и сыплются,
И на петляхъ двери хлопаютъ.
Пробуждается собраніе.

«Что тутъ думать, закричалъ герой;
Царь, Бова тебѣ не надобенъ,
Ну, и къ чорту королевича!
Рѣшено—ему въ живыхъ не быть!
Послѣ, братцы, вы разсудите,
Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.»
Тѣмъ и кончилъ: храбры воины
Рѣчи любятъ лаконически.

«Ладно, мы тебя послушаемъ!
Царь промолвилъ, потянувшися;
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте всѣ домой.»

Оплошалъ Додонъ отсрочкою;
Не твердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ:
«Не откладывай до завтраго,
Что̀ сегодня можешь выполнить.»
Разошлися всѣ придворные.
Ночь межъ тѣмъ уже сгущалася;
Царь Додонъ въ постелю царскую

Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милитрисою,
Къ ней спиною повернувшися:
Въ эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотѣлося.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица
(Ангелъ станомъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою),
Съ госпожи снявъ платье шолково,
Юбку, чепчикъ, ленты, кружева,
Все подъ ключъ въ комодѣ спрятала
И пошла тихонько въ дѣвичью.
Тамъ она сама раздѣлася,
Подняла съ трудомъ окошечко,
И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милаго,
Свѣтозара, пажа царскаго:
Къ темной ночкѣ обѣщался онъ
Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату.
Ждетъ, пождетъ дѣвица красная —
Нѣтъ какъ нѣтъ все друга милаго.
Чу!... бьетъ полночь. Что же Зоинька?
Видитъ: входитъ къ ней въ окошечко —
Кто же? другъ ли сердца нѣжнаго?
Нѣтъ, совсѣмъ не то, читатели!
Видитъ Зоя привидѣніе:
Старичишка съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ вмѣсто мантіи,
Опоясанный мочалкою,
Видъ противный: глазъ на выкатѣ,

Ротъ разинутъ, зубы скалятся,
Уши длинныя, ослиныя
Надъ плечами громко хлопаютъ...
Зоя смотритъ и со трепетомъ
Узнаетъ она, читатели,
Бендокира Слабоумнаго.

Трепетна, смятенья полная,
Стала на колѣни Зонька.
Съединила ручку съ ручкою,
Потупила очи ясныя
Прочитала скорымъ шопотомъ
«Отче нашъ» и «Богородицу»
И тихохонько промолвила:
«Что я вижу? Боже, Господи,
О Никола, Савва мученикъ,
Осѣните беззащитную!
Ты ли это, царь нашъ батюшка?
Отчего, скажи, оставилъ ты
Нынѣ царствіе небесное?»

Страшнымъ смѣхомъ освѣтившися,
Тѣнь рекла прекрасной Зонькѣ:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой свѣтъ!
Не пугать тебя мнѣ хочется,
Не на то сюда явился я
Съ того свѣта привидѣніемъ.
Весело пугать живыхъ людей,
Но могу ли веселиться я,
Если сына Бендокирова,
Милаго Бову царевича,
На кострѣ изжарятъ завтра же?»

Бѣдный царь заплакалъ жалобно;
Больно стало доброй дѣвушкѣ.
— Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
Я во всемъ тебѣ покорствую.

«Вотъ что хочется мнѣ, Зоинька:
Изъ темницы сына выручи,
И сама въ жилище мрачное
Сядь на мѣсто королевича,
Пострадай ты за невиннаго;
Поклонюсь тебѣ низёхонько
И скажу: спасибо, Зоинька!

Зоинька тутъ призадумалась;
Это жестко ей казалося;
Но, имѣя чувства нѣжныя,
Зоя втайнѣ согласилася
На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракулъ Франціи,
Говоря, что жены, слабыя
Противъ стрѣлъ Эрота юнаго,
Всѣ имѣютъ душу добрую,
Сердце нѣжно-непритворное.

— Но скажи, о царь возлюбленный!
Зоя молвила покойнику,
Какъ могу — ну, посуди ты самъ —
Перенестись въ темницу мрачную,
Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ?
Пятьдесятъ отборныхъ воиновъ
Днемъ и ночью стерегутъ его.

Мнѣ ли, слабой, робкой женщинѣ,
Обмануть ихъ очи зоркія?

«Будь спокойна, случай найдется;
Поклянись лишь только, милая,
Не отвергнуть сего случая,
Если самъ тебѣ представится.»

— Я клянусь! сказала дѣвица.
Вмигъ исчезло привидѣніе.
Изъ окошка быстро вылетѣвъ.
Воздыхая тихо, Зонька
Опустила тутъ окошечко
И, въ постели успокоившись,
Скоро, скоро сномъ забылася...

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала.
Надъ мрачной Эльбою поспалась тишина:
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
Туманная луна;
Уже на западѣ, сѣдой одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ.
Одинъ во тьмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.
Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ,
И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Свирѣпо прошепталъ:

Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплываетъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой.
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О, скоро ли, напѣнясь подъ рулями,
Меня помчитъ покорная волна,
И спящихъ водъ прервется тишина?...

Волнуйся, ночь, надъ эльбскими скалами,
Мрачнѣе тьмись за тучами, луна!
Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины;
Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!
Ужъ міръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,
И гряну вновь погибельной грозой!
И вспыхнетъ брань! За галльскими орлами,
Съ мечомъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ,
И троны въ прахъ низвергну я громами
И сокрушу Европы дивный щитъ!...
Но вкругъ меня все мертвымъ сномъ почило.
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ.
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О счастье! злобный обольститель!
И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И вѣрный пѣстунъ съ юныхъ дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
Въ вѣнцахъ лавровое чело!
Давно ли съ трепетомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы.
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вкругъ меня.
И слава въ блескѣ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?...
Но туча грозная нависла надъ Москвою.

И грянулъ мести громъ!...
Полнощи царь младой, ты двигнулъ ополченья —
И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ.
Отозвалось могущаго паденье;
И миръ землѣ, и радость небесамъ,
А мнѣ — позоръ и заточенье!
И раздробленъ мой звонкій щитъ,
Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,
Въ прибрежномъ злакѣ мечъ забытъ
И тускнетъ на туманѣ.
И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье,
И стукъ блистающихъ мечей,
И падшихъ ярое стенанье.
Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадный слухъ:
Умолкъ сраженій кликъ знакомый.
Вражды кровавой гаснутъ громы,
И факелъ мщенія потухъ.
Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая!
Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
Кругомъ простерта мгла густая,
И взоромъ гибели сверкая.
Блѣдиѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.
Страшись, о Галлія! Европа, мщенье, мщенье!
Рыдай! твой бичъ возсталъ — и все падетъ во прахъ,
Все сгибнетъ — и тогда, въ всеобщемъ разрушеньѣ,
Царемъ возсяду на гробахъ!»

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
Дрожащій, слабый свѣтъ на западъ изливалъ.
Восточная звѣзда играла въ океанѣ,

И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ
Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ.
И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законные цари.
Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно тьма сокрыла
Лицо пылающей зари;
Простерлась тишина надъ бездною сѣдою.
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смокло... Трепещи! Погибель надъ тобою,
И жребій твой еще сокрытъ!

СТАРИКЪ.

(Изъ Марота).

Ужъ я не тотъ любовникъ страстной,
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младова!
Я твой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, еслибъ могъ родиться снова.
Ужъ такъ ли бъ я тебѣ служилъ!

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
Постой, кричалъ, прелестная, постой,
Скажи люблю — и бѣгать за тобой
Не стану я, клянуся въ томъ Кипридой.
«Молчи, молчи!» Разсудокъ говорилъ;
А плутъ Эротъ: «скажи, ты сердцу милъ!»

Ты сердцу милъ! пастушка повторила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись.
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ;
И страстный взоръ Дорида потупила!
«Бѣги, бѣги!» Разсудокъ ей твердилъ;
А плутъ Эротъ: «останься!» говорилъ.

Осталася, и трепетной рукою
Взялъ руку ей счастливый пастушокъ;
Взгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ
Тамъ обнялись подъ тѣнью лишъ густою.
«Бѣги, бѣги!» Разсудокъ повторилъ;
«Учись отъ нихъ!» Эротъ ей говорилъ.

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ устахъ,
И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала...
«Будь счастлива!» Эротъ ей прошепталъ;
Разсудокъ что жъ? Разсудокъ ужъ молчалъ.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи;
Холмъ одѣлся темнотой;
Ходитъ въ облачномъ сіяньи
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу: лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылой,
Будто лѣни голосъ милой,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почіетъ въ мирѣ
Сладострастія мудрецъ.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: «я сѣдъ и старъ,
Жизнью дайте жъ насладиться;
Жизнь, увы, не вѣчный даръ!»
Здѣсь, поднявъ на лиру длани
И нахмуря важно бровь,

Хочетъ нѣтъ онъ бога брани.
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь готовится природѣ
Долгъ послѣдній заплатить:
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ,
Жажду проситъ утолить.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупаго
Крадетъ нѣсколько минутъ
Вотъ и Музы, и Хариты
Въ гробъ любимца увели:
Плющемъ, розами увиты,
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
Онъ исчезъ, какъ наслажденье.
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный, вѣкъ твой привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови:
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубокъ наливай;
Страстью пылкой утомляйся,
И за чашей отдыхай!

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Хочу я завтра умереть
И въ міръ волшебный наслажденья,
На тихій берегъ водъ забвенья,
Веселой тѣнью полетѣть.
Прости навѣкъ очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приближьтесь, о друзья мои:
Благоговѣнье и вниманье!

Устройте завтра шумный ходъ,
Несите радостныя чаши
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши.
Зовите на послѣдній пиръ
Семелы радостнаго сына,
Эрота, друга нашихъ лиръ,
Боговъ и смертныхъ властелина.
Пускай веселье прибѣжитъ,
Махая рѣзвою гремушкой,
И насъ отъ сердца разсмѣшитъ

За полной, пѣнистою кружкой;
Пускай игривою толпой
Слетятъ родныя наши Музы:
Имъ первый кубокъ круговой:
Друзья, священны намъ ихъ узы!
До ранней утренней звѣзды,
До тихаго лучей разсвѣта,
Не выйдутъ изъ руки поэта
Фіалы братской череды.
Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
Мечтаній сладостныхъ пѣвницу,
Прижму къ восторженной груди
И брякнутъ перстни золотые
Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ.
Гдѣ вы, подруги молодыя?
Летите! дорогъ смерти часъ!
Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно,
Забуду вѣчность и друзей;
Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней!

Когда жъ востокъ озолотится
Во тьмѣ денницей молодой,
И бѣлый тополь озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте гроздъ Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона...
Простите, милые друзья!
Подайте руку, до свиданья,
И дайте, дайте обѣщанье:

Когда навѣкъ устроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье.
Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру!
Тебѣ дарю я лѣнь и лиру:
Да будутъ Музы надъ тобой!...
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущинъ, вѣтреный мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій миртовый вѣнецъ.
Друзья! вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней,
Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои стихи дарю забвенью.
Послѣдній вздохъ, о други — ей!...

На тихій праздникъ погребенья
Я васъ обязанъ пригласить.
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будетъ разносить.
Стекитесь рѣзвою толпою,
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою,
И пусть на гробѣ, гдѣ пѣвецъ
Исчезнетъ въ рощѣ Геликона,
Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
«Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ,
Питомецъ нѣгъ и Аполлона.»

ВОДА И ВИНО.

Люблю я въ полдень воспаленной
Прохладу черпать изъ ручья,
И въ рощѣ тихой, отдаленной
Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя.
Когда жъ вино въ края поскачетъ,
Напѣнясь въ чашѣ круговой,
Друзья, скажите: кто не плачетъ,
Заранѣ радуясь душой?

Да будетъ проклятъ дерзновенный,
Кто первый грѣшною рукой,
Нечестьемъ буйнымъ ослѣпленный,
О, страхъ!—смѣсилъ вино съ водой!
Да будетъ проклятъ родъ злодѣя,
Пускай не въ силахъ будетъ пить
Или, стаканами владѣя,
Ляфитъ съ цымлянскимъ различить!

ПОГРЕБЪ.

О, сжальтесь надо мною,
Товарищи, друзья!
Красоткой удалою
Въ-конецъ измученъ я.

Всечасно я тоскую:
Горька моя судьба!
Несите жъ круговую,
Откройте погреба.

Тамъ, тамъ во льду хранится
Бутылокъ гордый строй,
И портера тантся
Боченокъ выписной.

Нашъ Либеръ, запкаясь,
Къ нему покажетъ путь;
Пойдемте всѣ шатаясь
Подъ бочками заснуть.

Въ нихъ сердца утѣшенье,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенье,
И жаръ моихъ стиховъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

(Къ И. И. Пущину).

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ,
Мы топили горе наше
Въ чистомъ, пѣнистомъ винѣ?

Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво
Школьной стражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!

Вдругъ педанта гласъ ужасной
Намъ послышался вдали—

И бутылки вмигъ разбиты,
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.[1]

Убѣгаемъ торопливо...
Вмигъ исчезъ минутный страхъ:
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ,

Хохотъ чистаго веселья.
Неподвижный, тусклый взоръ—
Измѣнялн чадъ похмелья.
Сладкій Вакха заговоръ!

О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за столомъ
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминать его виномъ.

[1] Однажды начальство застало ихъ, и Пушкинъ потомъ написалъ отъ имени Малиновскаго куплеты:

Мы недавно отъ печали
Пущинъ, Пушкинъ, я, баронъ,
По бокалу осушали
И Ѳому прогнали вонъ и т. д.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ;
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ,
И свѣтлой Иппокреной
Съ издѣтства напоенный.
Подъ кровомъ вешнихъ розъ
Поэтомъ я возросъ.

Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ:
Въ дни рѣзвости златые
Мнѣ дудку подарилъ.
Знакомясь съ нею рано,
Дудилъ я безпрестанно:
Нескладно хоть игралъ,
Но Музамъ не скучалъ.

А ты, пѣвецъ забавы
И другъ Пермесскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,

Простясь съ Анакреономъ,
Спѣшилъ я за Марономъ,
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.

Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота — скудный даръ;
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ ларъ,
И съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать, не даромъ
Бреду своимъ путемъ:
«Будь всякій при своемъ!»

ЭПИГРАММЫ.

Бывало прежнихъ лѣтъ герой,
Окончивъ славну брань съ противной стороной,
Повѣситъ мечъ войны средь отческія кущи;
А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный бой,
Повѣсилъ уши.

Ахъ тошно, тошно! помогите!
«Да отчего же тошно вамъ?
Ужъ не отъ сладкаго ль, скажите?»
Такъ, такъ! отъ вашихъ эпиграммъ.

НА ПРОФЕССОРА ЧЕРНЯКА.

Могу тебя измѣрить разомъ,
Мой другъ Чернякъ!
Ты математикъ — минусъ разумъ,
Ты злой насмѣшникъ — плюсъ дуракъ.

КЪ И. И. ПУЩИНУ.

(4 мая).

Любезный именинникъ,
О Пущинъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынникъ
Съ открытою душой;
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчать не суетися
Съ парадная крыльца:
Онъ гость безъ этикета.
Не требуетъ привѣта
Лукавой суеты.
Прими жъ его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостямъ пирушку:
На столикъ вощаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой.
Старинный собутыльникъ.

Забудемся на часъ!
Пускай ума свѣтильникъ
Погаснетъ нынѣ въ насъ,
Пускай старикъ крылатый
Летитъ на почтовыхъ!
Намъ дорогъ мигъ утраты
Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный,
Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный,
Проходитъ день за днемъ,
И ты въ бесѣдѣ Граціи,
Не зная черныхъ бѣдъ,
Живешь, какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ.
Подъ кровомъ небогатымъ
Ты вовсе незнакомъ
Съ зловѣщимъ Гиппократомъ,
Съ нахмуреннымъ попомъ;
Не видишь у порогу
Толпящихся заботъ;
Нашли къ тебѣ дорогу
Веселость и Эротъ;
Ты любишь звонъ стакановъ
И трубки дымъ густой,
И демонъ метромановъ
Не властвуетъ тобой.
Ты счастливъ въ этой долѣ —
Скажи, чего же болѣ
Мнѣ другу пожелать?
Прійдется замолчать...

Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями
Встрѣчая сотый май,
Покрытый сѣдинами,
Сказалъ тебѣ стихами:
«Вотъ кубокъ, наливай!
Веселье, будь до гроба
Сопутникъ вѣрный нашъ,
И пусть умремъ мы оба
При звукѣ полныхъ чашъ!»

ПОСЛАНІЕ КЪ ЮДИНУ.

Ты хочешь, милый другъ, узнать
Мои мечты, желанья, цѣли,
И тихій гласъ простой свирѣли
Съ улыбкой дружества внимать.
Но можно ль рѣзвому поэту,
Невольнику мечты младой,
Въ картинѣ быстрой и живой
Изобразить въ порядкѣ свѣту
Все то, что̀ въ юности златой
Воображеніе мнѣ кажетъ?

Теперь, когда въ покоѣ лѣнь,
Укрывъ меня въ пустынну сѣнь,
Своею цѣпью чувства вяжетъ,
И вѣкъ мой тихъ, какъ ясный день:
Пустаго нѣги украшенья
Не видя въ хижинѣ моей,
Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
На пышность бѣдныхъ богачей
И, счастливый самимъ собою,
Не жажду горы серебра,

Не знаю завтра, ни вчера,
Доволенъ скромною судьбою
И думаю: къ чему пѣвцамъ
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирныя, пустыя вазы,
Драгія куклы по угламъ?
Къ чему имъ сукна Альбіона
И пышные чехлы Ліона
На модныхъ креслахъ и столахъ?
Какая нужда въ зеркалахъ,
И ложе шалевое въ спальной?
Не лучше ли въ деревнѣ дальной,
Или въ смиренномъ городкѣ,
Вдали столицъ, заботъ и грома
Укрыться въ мирномъ уголкѣ,
Съ которымъ роскошь незнакома,
Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть?
О, если бы когда нибудь
Сбылись поэта сновидѣнья!
Ужель отрадъ уединенья
Ему вкусить не суждено?

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово;[1] оно
Съ заборами — въ рѣкѣ волнистой —
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,

[1] Имѣніе бабушки Пушкина Марьи Алексѣевны. Отсюда его отвезли въ Лицей.

Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ клёновъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.
Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ.
Въ лугахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю —
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
Вотъ здѣсь подъ дубомъ наклоненнымъ
Съ Гораціемъ и Ляфонтеномъ
Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ;
Вблизи ручей шумитъ и скачетъ.
И мчится въ влажныхъ берегахъ,
И свѣтлый токъ съ досадой прячетъ
Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.

Но вотъ ужъ полдень. Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ;
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ.
Дымятся щи, вино въ бокалѣ,
И щука въ скатерти лежитъ.
Сосѣди шумною толпою
Взошли, прервали тишину.
Садятся; чашъ внимаемъ звону;
Всѣ хвалятъ Вакха и Помону
И съ ними красную весну.

Вотъ кабинетъ уединённый,
Гдѣ я, Москвою утомлённый,
Вдали обманчивыхъ красотъ,

Вдали нахмуренныхъ заботъ
И той волшебницы лукавой,
Которая весь міръ вертитъ,
Въ трубу немолчную гремитъ,
И — помнится — зовется славой.
Живу съ природной простотой,
Съ философической забавой
И съ музой рѣзвой и младой...
Вотъ мой каминъ. Подъ вечеръ темный,
Осенней бурною порой,
Люблю подъ сѣнію укромной
Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать.
Или въ минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потомъ свои творенья.
Вотъ здѣсь... Но быстро привидѣнья,
Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ;
Мечты находятъ, исчезаютъ.
Какъ тѣнь на утренней зарѣ.

Межъ тѣмъ какъ въ кельѣ молчаливой
Во плѣнъ отдался я мечтамъ.
Рукой безпечной и лѣнивой
Разбросивъ рюмы здѣсь и тамъ,
Я слышу топотъ, слышу ржанье;
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньѣ
Гусаръ промчался подъ окномъ...
И гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?

Среди воинственной долины
Ношусь на крыльяхъ я мечты:
Огни во станѣ догораютъ.
Межъ нихъ, окутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ усатымъ козакомъ
Лежу; вдали штыки сверкаютъ;
Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ,
Да изрѣдка грохочетъ громъ,
Летя съ высокаго раската...
Трепещетъ бранью грудь моя,
При блескѣ браннаго булата
Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь въ ряды враговъ орломъ
Несется съ грознымъ сѣдокомъ,
Съ размаха сыплются удары...
О вы, отеческіе лары,
Спасите юношу въ бояхъ!
Тамъ свищетъ саблей онъ зубчатой,
Тамъ киверъ зыблется пернатой;
Съ черкесской буркой на плечахъ
И молча преклонясь ко гривѣ,
Онъ мчитъ стрѣлой по скользкой нивѣ
Съ цыгарой дымною въ зубахъ...

Но, лаврами побѣдъ увиты,
Бойцы изъ чаши мира пьютъ;
Военной славою забытый,
Спѣшу въ смиренный мой пріютъ,
Нашедъ на полѣ битвъ и чести
Одинъ болѣзни, костыли,
Навѣкъ оставивъ саблю мести...

Ужъ вижу въ сумрачной дали
Мой тѣсный домикъ, рощи темны,
Калитку, садикъ, ближній прудъ —
И снова я, философъ скромный,
Укрылся въ милый мнѣ пріютъ.
И міръ забывъ, и имъ забвенный,
Покой души вкушаю вновь.

Скажи, о сердцу другъ безцѣнный:
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселѣ въ рѣзвости безпечной
Брели по розамъ дни мои;
Въ невинной ясности сердечной
Не зналъ мученій я любви.
Но быстро день за днемъ умчался —
Гдѣ жъ дѣтства ранніе слѣды?
Прелестный возрастъ миновался,
Увяли первые цвѣты!
Ужъ сердце въ радости не бьется
При миломъ видѣ мотылька,
Что въ воздухѣ кружитъ и вьется
Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка;
И въ безпокойствѣ непонятномъ
Пылаю, тлѣю, кровь горитъ,
И все языкомъ, сердцу внятнымъ,
О нѣжной страсти говоритъ.
Подруга возраста златаго,
Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Тебя ли вижу, взоровъ свѣтъ,
Другъ сердца, милая ***?
Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый:

Во тьмѣ полуночи унылой.
Въ часы денницы золотой.
То на концѣ аллеи темной
Вечерней, тихою порой,
Одну, въ задумчивости томной,
Тебя я вижу предъ собой.
Твой шалью станъ не покровенный.
Твой взоръ на груди потупленный.
Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...
Все тихо; брежжетъ лунный свѣтъ;
Нахмурясь тополь шевелится;
Ужъ сумракъ тусклой пеленой
На холмы дальніе ложится.
И завѣсъ рощицы струится
Надъ тихо спящею волной.
Осеребренною луной.
Одна ты въ рощицѣ со мною,
На костыли мои склонясь,
Стоишь подъ ивою густою.
И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
На снѣжну грудь прохладой дуетъ,
Играетъ локономъ власовъ
И ногу стройную рисуетъ
Сквозь бѣлоснѣжный твой покровъ...
То часомъ полночи глубокимъ,
Предъ теремомъ твоимъ высокимъ,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую—
Готовы сани; мракъ густой;
Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
Зову часовъ лѣнивый бой...
И шорохъ чудится глухой,

И вотъ ужъ шопотъ слышу сладкой,
Съ крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша, идетъ украдкой,
И дѣва друга обняла.
Помчались кони, вдаль пустились,
По вѣтру гривы распустились,
Несутся въ снѣжной глубинѣ.
Прижалась робко ты ко мнѣ,
Чуть-чуть дыша; мы обомлѣли...
Въ восторгахъ чувства онѣмѣли...
Но что! мечтанья отлетѣли!
Увы. я счастливъ былъ во снѣ...

Въ отрадной музамъ тишинѣ
Простыми звуками свирѣли,
Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
Мечту, младыхъ пѣвцовъ удѣлъ.
Питомецъ музъ и вдохновенья,
Стремясь фантазіи вослѣдъ,
Находитъ въ сердцѣ наслажденья
И на пути грозящихъ бѣдъ.
Минуты счастья золотыя
Пускай мнѣ Клооо не совьетъ,
Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
Судьбы всемощнѣе поэтъ.

КЪ А. И. ГАЛИЧУ.

Пускай угрюмый рифмотворъ,
Повитый макомъ и крапивой,
Холодныхъ одъ творецъ ретивой,
На скучный ладъ сплетая вздоръ,
Зоветъ обѣдать генерала;
О Галичъ, вѣрный другъ бокала
И жирныхъ утреннихъ пировъ,
Тебя зову, мудрецъ лѣнивой,
Въ пріютъ поэзіи счастливой,
Подъ отдаленный нѣги кровъ!
Давно въ моемъ уединеньи,
Въ кругу бутылокъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы твоей,
Подруги долгихъ наслажденій,
Остротъ и хохота гостей.
Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты;
Садись на тройку злыхъ коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети въ счастливый городокъ,

Зайди къ жиду Золотареву,[1]
Въ его всѣмъ общій уголокъ.
Мы тамъ, собравшися въ кружокъ,
Прольемъ вина струю багрову
И съ громомъ двери на замокъ
Запретъ веселье молодое,
И хлынетъ пиво золотое:
И гордый на столѣ пирогъ
Друзей стѣсненными рядами,
Сверкая свѣтлыми ножами,
Съ тобою храбро осадимъ,
И мигомъ стѣны разгромимъ;
Когда жъ, виномъ отягощенной,
Съ главой въ колѣни преклоненной,
Захочешь въ мирѣ отдохнуть,
И вдругъ, спускаясь на подушку,
Дабы спокойнѣе заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диванъ,
Тогда посланія, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты
Покинутъ скромный нашъ карманъ,
И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!...
Но рюмокъ звонъ тебя разбудитъ,
Ты вскочишь съ бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку
И въ кельѣ снова пиръ горой.

О Галичъ! время невозвратно,
И близокъ, близокъ грозный часъ.

[1] Матвѣй Алексѣевичъ—экономъ Лицея.

Когда, послыша славы гласъ,
Покину кельи кровъ пріятной,
Татарскій сброшу свой халатъ.
Простите, дѣвственныя музы!
Прости, пріютъ младыхъ отрадъ!
Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!
О Галичъ, Галичъ, поспѣшай!
Тебя зовутъ и сонъ лѣнивый,
И другъ ни скромный, ни спесивый,
И кубокъ, полный черезъ край!

СЛЕЗА.

(К. П. Бакуниной).

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча, съ дикою тоскою,
На дальній путь глядѣлъ.

«Скажи, что смотришь на дорогу?»
Гусаръ мой вопросилъ:
«Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводилъ.»

Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро прошепталъ:
«Гусаръ, ужъ нѣтъ ея со мною!...»
Вздохнулъ—и замолчалъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ.
«Стыдись! ты ль плачешь о дѣвицѣ!»
Съ упрекомъ закричалъ.

«Оставь, гусарь! ахъ! сердцу больно —
Ты, знать, не горевалъ!
Увы, одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокалъ!»

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
На холмѣ тьма сѣдѣетъ,
На воды пала тишина,
Съ долины вѣтеръ вѣетъ;
Молчитъ пѣвица вешнихъ дней
Въ пустынѣ темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тихъ полетъ полнощи.

И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
И свѣчка нагорѣла;
Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ
Въ кивотѣ небогатомъ
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,

Я въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтаньи,

И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожатъ златыя струны:
Въ глухой, безмолвный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;
Исполненъ тайною тоской,
Молчаньемъ вдохновенной,
Летаетъ рѣзвою рукой
На лирѣ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
Въ мольбахъ не проситъ счастья!
Ему Зевесъ — надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.

Пускай, ударя въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавой
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой!

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнной;
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила.
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла
И, горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей младой
До самыхъ вратъ могилы!
Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Расправя легки крылы!
Гони ты мрачную печаль,
Плѣняй ты умъ обманомъ,
И милой жизни свѣтлу даль
Кажи ты за туманомъ!

И тихъ мой будетъ поздній часъ;
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
«Пора въ жилище тѣней!...»

Такъ въ зимній вечеръ сладкій сонъ
Приходитъ въ мирны сѣни,
Вѣнчанный макомъ и склоненъ
На посохъ томной лѣни...

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

(Подражаніе Парни).

Дитя харитъ и вдохновенья,
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши:

Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты;

Вкругъ тонкаго Гебеи стана
Венеринъ поясъ повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи;

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно бы вздохнуть;

Представь мечту любви стыдливой—
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя напишу.

РОЗА.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари!...
Не говори:
«Такъ вянетъ младость!»
Не говори:
Вотъ жизни радость!»
Цвѣтку скажи:
«Прости, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.

ПОСЛАНІЕ КЪ А. И. ГАЛИЧУ.

Гдѣ ты, лѣнивецъ мой,
Любовникъ наслажденья?
Ужель уединенья
Не милъ тебѣ покой?
Ужели мнѣ съ тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать,
И больше не видать
Парнасскаго бродяги?
На Пиндѣ мой сосѣдъ,
И ты отъ музъ укрылся;
Минутный домосѣдъ,
Съ пенатами простился.
Ужъ темный уголокъ
И садикъ опустѣли,
Гдѣ мы подвечерокъ
За рюмками шумѣли,
Гдѣ Комъ насъ угощалъ
Форелью, пирогами,
И пѣнистый бокалъ

Намъ Бахусъ подавалъ.
Бѣгутъ ужъ дни за днями
Безъ дружескихъ собраній;
Веселыхъ пированій
Веселые сыны
Съ тобой разлучены;
И шумныя бесѣды
И долгіе обѣды
Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣсной,
Вечерней тишиной,
Хочу, мудрецъ любезной,
Бесѣдовать съ тобой.
Ужъ темна ночь объемлетъ
Брега спокойныхъ водъ,
Мурлыча въ кельѣ дремлетъ
Спесивый старый котъ.
Покамѣстъ сонъ прелестной,
Подъ сѣнью тихихъ крылъ,
Въ обители безвѣстной
Меня не усыпилъ,
Морфея въ ожиданьѣ
Въ постели я лежу,
И бѣглое посланье,
Безъ строгаго старанья,
Предателю пишу.

Далече той станицы,
Гдѣ Фебовы сестрицы
Мнѣ съ нѣгой вьютъ досугъ,
Скажи, среди столицы

Чѣмъ занятъ ты, мой другъ?
Ужель пріютъ поэта
Теперь средь вихря свѣта,
Вдали родныхъ полей,
И ближнихъ, и друзей?
Ужель въ театрѣ шумномъ,
Гдѣ дюжій Аполлонъ
Партеромъ полоумнымъ
Прославленъ, оглушонъ.
Измученный напѣвомъ
Безсмысленныхъ стиховъ.
Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ
Актеровъ и смычковъ?
Или — мудрецъ придворной —
Съ улыбкою притворной
Предъ лентою цвѣтной
Поникнувъ головой.
Съ вертушкою слѣпой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаешь?...
Нѣтъ, добрый Галичъ мой,
Поклону ты не сроденъ!
Другъ мудрости прямой —
Правдивъ и благороденъ;
Онъ любитъ тишину,
Судьбѣ своей послушной,
На царскую казну
Взираетъ равнодушно;
Рублямъ откупщика
Смѣясь веселымъ часомъ,

Не сниметъ колпака
Философъ предъ Мидасомъ.
Пускай не друженъ онъ
Съ Фортуною коварной,
Но Вакхомъ награжденъ
Философъ благодарной.
Когда сей богъ младой,
Вечернею порой,
Ляфитъ и грогъ янтарной
Съ улыбкой на устахъ
Въ стеклѣ ему подноситъ
И каплю выпить проситъ,
Качаясь на ногахъ.
Мечтанье обнимая.
Любовь его ведетъ.
И дружба молодая
Вѣнки ему плететъ.
И счастливъ онъ, признаться,
На дѣлѣ, не въ мечтахъ,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылахъ,
Когда друзья-поэты
Съ утра до ночи съ нимъ
Шумятъ, поютъ куплеты,
Пьютъ мозель разогрѣтый,
Пріятелямъ своимъ
Посланія читаютъ.
И трубку разжигаютъ
Безпріомнымъ лихимъ!
Оставь же городъ скучной,
Съ друзьями съединись
И съ ними неразлучно

Въ пустынѣ оживись.
Бѣги, бѣги столицы,
О, Галичъ мой, сюда!
Здѣсь розовой денницы
Не видя никогда,
Лѣнясь подъ одѣяломъ
Съ Тибурскимъ мудрецомъ,
Мы часто за бокаломъ
Проснемся — и заснемъ.
Смотри, тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу,
И стансы винограду,
И къ лиліи куплетъ —
И полонъ становится
Твой малый, тѣсный домъ.
Вотъ съ милымъ острякомъ
Нашъ пѣсельникъ тащится
По лѣстницѣ съ гудкомъ,[1]
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ —
И снова каждый день
Стихами, прозой станемъ
Мы гнать печали тѣнь.
Подруги молодыя
Насъ будутъ посѣщать;
Намъ жизни дни златые
Не страшно расточать.
Подѣлимся съ забавой
Мы вѣкомъ остальнымъ.
Съ волшебницею-славой
И съ Вакхомъ молодымъ.

[1] А. Д. Илличевскій и М. Л. Яковлевъ.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

(30 августа).

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ нѣтухами,
И напыщёнными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ,
Я пѣть пустаго не умѣю
Высоко, тонко и хитро,
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо.
Нѣтъ, нѣтъ, любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить;
Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ стихи *на именины!..*

Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
Желать отъ чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Дѣтей, любезную супругу,
Или богатства, громкихъ дней,
Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ путь кровавой,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ,
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, вездѣ летала вслѣдъ?
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣсенкой поздравитъ...
Онъ лучше музъ навѣкъ оставитъ...
Дай Богъ Любви, чтобъ ты свой вѣкъ,
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
Провелъ межъ Вакха и Амура!
А тамъ, когда стигійскій брегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленьи,
Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньи
Ты, съ томной сладостью въ очахъ,
Изъ рукъ младаго Купидона,
Вступая въ мрачный челнъ Харона,
Уснулъ... Елены на грудяхъ.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

(Н. Ѳ. Копанскому).

Помилуй, трезвый Аристархъ
Моихъ бакхическихъ посланій!
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ!
Плоды веселаго досуга
Не для безсмертья рождены,
Но развѣ такъ сбережены
Для самого себя, для друга,
Да для Темиры молодой.
Помилуй, сжалься надо мной!

Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой.
Я знаю самъ свои пороки.
Конечно, бѣденъ геній мой:
За рифмой часто холостой,
На зло законамъ сочетанья.
Бѣгутъ трехстопные толпой
На *аю*, *аетъ* и на *ой*.

Еще немногія признанья:
Я ставлю (кто же безъ грѣха?)
Для мѣры — часто восклицанья,
Для смысла — лишнихъ три стиха;
Нехорошо!... но оправданья
Позволь мнѣ скромно принести:
Мои летучія посланья
Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?
Не думай, цензоръ мой угрюмой,
Что я бѣсnуюсь по ночамъ,
Объятый стихотворной думой;
Что лѣнью жертвую стихамъ,
Что, засвѣтивъ свою лампаду,
Едва дыша, нахмуря взоръ,
За вѣрный столъ кряхтя засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу трехстопный вздоръ...
Такъ пишетъ (молвить не въ укоръ)
Копюшій дряхлаго Пегаса
Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
Служитель старенькій Парнаса,
Родитель старенькихъ стиховъ,
И одъ неслишкомъ громозвучныхъ,
И сказочекъ довольно скучныхъ!...

Люблю я праздность и покой,
И мнѣ досугъ совсѣмъ не бремя;
И днемъ найду себѣ я время,
Когда нечаянной порой
Стихи кропать найдетъ охота
На славу дружбы иль Эрота:
Я мигомъ трудъ окончу свой.

Сижу ли съ добрыми друзьями,
Лежу ль въ постелѣ пуховой,
Брожу ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На рѳмахъ вдругъ заговорю,
И никого ужъ не морю
Моими тайными стихами.
Но если я когда-нибудь,
Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
Расположусь передъ камиюмъ
Одинъ, свободнымъ господиномъ.
Поймаю прежнюю мысль мою
И не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И ихъ въ полголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Какъ я бесѣдую съ тобой?
Безпечный Пинда посѣтитель,
Я съ музой нѣжусь молодой...
Ужъ утра яркое свѣтило
Поля и рощи озарило;
Давно пропѣли пѣтухи.
Въ полглаза дремля и зѣвая,
Шанеля въ нѣсняхъ призывая,
Пишу короткіе стихи
Среди пріятнаго забвенья,
Склонясь въ подушку головой,
И въ простотѣ, безъ украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.

Подъ сѣнью лѣни неизвѣстной
Такъ нѣжился пѣвецъ прелестной,
Когда Веръ-Вера воспѣвалъ[1]
Или съ улыбкой рисовалъ,
Въ непринужденномъ упоеньи,
Уединенный свой чердакъ.
Въ такомъ лѣнивомъ положеньи
Стихи текутъ и такъ и сякъ.
Возможно ли въ свое творенье,
Унявъ веселыхъ мыслей шумъ.
Тогда вперять холодный умъ,
Отдѣлкой портить небылицы,
Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ,
И сокращать свои страницы?

Нашъ другъ Ляфаръ, Шольё, Парни,
Враги труда, заботъ, печали,
Не такъ, бывало, въ прежни дни
Своихъ любовницъ воспѣвали.
О вы, любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнивой,
Давно вамъ отданы вѣнцы
Отъ музы праздности счастливой,
Но не блестящіе дары
Поэзіи трудолюбивой!
На верхъ Ѳессальскія горы
Вели васъ тайные извивы;
Веселыхъ граціи перстъ игривый
Младыя лиры оживлялъ.

[1] Грессе. Поэма переведена В. С. Курочкинымъ, подъ заглавіемъ «Попугай».

И ваши челы обвивалъ
Дѣтей пафосскихъ рой шутливый,
И я, неопытный поэтъ,
Небрежный вашихъ ризмъ наслѣдникъ,
За вами крадуся вослѣдъ...
А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
Поди, кричи, брани другаго,
И брось лѣнивца молодаго,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ. Онъ съ музой молодою,
Съ любовью, лѣностью провелъ веселый вѣкъ;
Не дѣлалъ добраго, однакожъ былъ душою,
Ей Богу, добрый человѣкъ.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА

въ 1815 году.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ:
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!... Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впереди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости, вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою —
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ.
Содрогся счастья сынъ и, брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжитъ — и мести громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!

Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтарёмъ,
Ты браней мечъ извлекъ, и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей, и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали;
«Къ мечамъ!» раздался кликъ—и вихремъ понеслись;
Знамена, восшумѣвъ, по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку.
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!...
А я, вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталъ безпечной, безмятежной.
Увы, мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ!
Сыны Бородина, о Кульмскіе герои,
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи,
Душой восторженной за братьями спѣшилъ!
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на спльнаго съ сынами устремился;
И, челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали

И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
Ужель свободны мы?... Ужели грозный палъ?...
Кто смѣлый? Кто въ громахъ на сѣверѣ возсталъ?...
И ветхую главу Европа преклонила.
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой.
И власть мятежная исчезла предъ тобой.

И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается:
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины:
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о русскій царь! оставь же шлемъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ, ограду нашу:
Излей предъ Іисусомъ священну мира чашу
И, брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!...
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ славянъ

Спокойной праздности съ досадой предадутся
И, молча, нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ: и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальный боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними.
Словами истины, свободными, простыми,
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя,
Вечерняя тихо потухла заря:
Темнѣетъ долина глухая.
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
Лѣнивой грядою идутъ облака
И съ ними луна золотая.

Недвижныя латы на холмѣ лежатъ.
Въ стальной рукавицѣ забвенный булатъ,
И щитъ подъ шеломомъ заржавымъ;
Вонзились шпоры въ увлаженный мохъ,
Копье раздробленно, и мѣсяца рогъ
Покрылъ ихъ сіяньемъ кровавымъ.

Вкругъ холма обходитъ другъ сильнаго конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
Онъ бранную голову клонитъ.
Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ,
И смотритъ на латы конь вѣрный одинъ
И дико трепещетъ и стонетъ.

Во тьмѣ заблудившись, пришелецъ идетъ:
Невольную робость онъ въ сердцѣ несетъ;
Склонясь надъ дорожной клюкою,
Заботливо смотритъ въ невѣрную даль,
Приблизился къ латамъ и звонкую сталь
Толкаетъ усталой ногою.

Хладѣетъ пришелецъ: кольчуги звучатъ,
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучатъ,
По камнямъ шеломъ покатился,
Скрывался въ немъ черепъ... При звукѣ глухомъ
Заржалъ конь ретивый—скокъ лѣтомъ на холмъ,
Взглянулъ... и главою склонился.

Ужъ путникъ далече въ тьмѣ бродитъ ночной;
Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой;
Но утро денница выводитъ—
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
И латы недвижны, и шлемъ не стучитъ,
И конь вкругъ погибшаго ходитъ.

КЪ БАРОНЕССѢ М. А. ДЕЛЬВИГЪ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было.
И я считалъ когда-то восемь лѣтъ:
Они прошли. Въ судьбѣ своей унылой
Богъ знаетъ какъ. я нынѣ сталъ поэтъ.
Не возвратить уже того, что̀ было:
Уже я старъ, мнѣ незнакома ложь:
Такъ вѣрьте мнѣ—мы спасены лишь вѣрой.
Послушайте, Амуръ, какъ вы, хорошъ;
Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ:
Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ,
Всевышней благостью Зевеса.
И столько же краснорѣчивъ,
Я напишу вамъ, баронесса,
Въ латинскомъ вкусѣ мадригалъ,
Чудесный, вовсе безъ искусства—
Не много истинныхъ похвалъ.
Но много истиннаго чувства.
Скажу я: «ради вашихъ глазъ,

О баронесса! ради баловъ,
Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
Взгляните на меня хоть разъ
Въ награду прежнихъ мадригаловъ.»
Когда къ Амуру и Гименей
Въ прелестной Маріи моей
Поздравятъ молодую даму,
Удастся ль мнѣ подъ старость дней
Вамъ посвятить эпиталаму?

22 декабря.

1816.

КЪ МАШѢ.

(Бар. М. А. Дельвигъ).

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты рѳмы набросать,
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать.

Спѣшу исполнить приказанье.
Года не смѣютъ погодить:
Еще семь лѣтъ—и обѣщанье
Ты не исполнишь, можетъ быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будете сидѣть,
И жертвуя богинѣ скуки,
Съ воксала въ маскарадъ летѣть,

И ужъ не вспомните поэта...
О Маша, Маша, поспѣши,
И за четыре мнѣ куплета
Мою награду напиши!

У С Ы.

Философическая ода.

Глаза скосивъ на усъ кудрявой,
Гусаръ съ улыбкой величавой
На палецъ завитки моталъ:
Мудрецъ съ обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усачу сказалъ:

«Гусаръ, нѣтъ вѣчнаго въ природѣ!
Какъ ода вслѣдъ похвальной одѣ,
Проходятъ царства и вѣка.
Скажи, гдѣ стѣны Вавилона?
Гдѣ драмы тощія Клеона?
Умчала все временъ рѣка.

«За уши усъ твой закрученный
Вшомъ и ромомъ окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знаетъ бритвы, выписною

Опъ вѣчно лоснится сурьмою,
Расправленъ гребнемъ и рукой.

Чтобы не смять уса лихова,
Ты къ ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь,
И утромъ вновь его завьешь.

На долгихъ ужинахъ весёлыхъ,
Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ
И черноусыхъ удальцовъ,
Веселый гость, любовникъ пылкій,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавицъ и усовъ!

Сраженья страшный часъ настанетъ,
Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ;
А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,
Разсудка, памяти не тратишь:
Сперва кудрявый усъ ухватишь,
А саблю вѣрную потомъ.

Окованный волшебной силой,
Наединѣ съ красоткой милой
Ты нѣжишься; одной рукой
Въ восторгахъ нѣги сладострастной
Летаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.

«Гордись, гусаръ, но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно:

Летятъ губительны часы!
Румяны щеки пожелтѣютъ.
И черны кудри посѣдѣютъ,
И старость выбѣлитъ усы.»

Писано 8 марта.

ЖЕЛАНІЕ.

(В. Л. Пушкину. Въ Св. Воскресенье 9 апрѣля).

Христосъ воскресъ, питомецъ Феба!
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ—
Онъ что-то. кажется. исчезъ...
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина;
Чтобъ въ академіи почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель;
Чтобы, Шихматову на зло,
Воскреснулъ новый Буало.
Расколовъ, глупостей свидѣтель,
А съ нимъ побольше серебра
И золота, et caetera.
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ!
Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,

Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный,
И непокойный графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено.
То-есть, и хладно, и темно,
Что очень стыдно и грѣшно.

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

Картины (Подражаніе Парни).

I. ПАСТУШКА.

Съ пятнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею,
Красавица цвѣтетъ:
Все въ ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоровъ томный свѣтъ,
И груди трепетанье,
И розы нѣжный цвѣтъ.
Все юность измѣняетъ!
Ужъ Лилу не плѣняетъ
Веселый хороводъ:
Одна у сонныхъ водъ
Въ лѣсахъ она таится,
Вздыхаетъ и томится,
И съ нею тамъ Эротъ.
Когда же, ночью темной,
Ее въ постели скромной

Застанетъ тихій сонъ.
Въ полуночномъ молчаньѣ,
При мѣсячномъ сіяньѣ.
Слетаетъ Купидонъ
Съ волшебною мечтою.
И тихою тоскою
Исполнитъ сердце онъ—
И Лила въ сновидѣньѣ
Вкушаетъ паслажденье
И шепчетъ: «О Филонъ!

II. ПЕЩЕРА.

Кто тамъ въ пещерѣ темной,
Вечернею порой,
Окованъ лѣнью томной,
Покоится съ тобой?
Итакъ узнъ ты вкусила
Всѣ радости любви:
Ты чувствуешь, о Лила,
Волненіе въ крови,
И съ трепетнымъ смятеньемъ,
Съ пылающимъ лицомъ,
Ты дышешь упоеньемъ
Амура подъ крыломъ.
О, жертва страсти нѣжной,
Въ безмолвіи гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари!
Для васъ потокъ игривый
Угрюмой тьмой одѣтъ.
И мѣсяцъ молчаливый

Туманный свѣтъ лiетъ;
Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ,
И вѣтры притаились,
Гдѣ царствуетъ любовь...

III. ФАВНЪ.

Но кто тамъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадой онъ глядитъ;
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога:
Надъ грустными очами
Нависли два рога.
То Фавнъ, угрюмый житель
Лѣсовъ и горъ крутыхъ,
Докучливый гонитель
Пастушекъ молодыхъ.
Любимца Купидона—
Прекраснаго Филона
Давно соперникъ онъ...
Въ пріютѣ сладострастья
Онъ слышитъ вздохи счастья
И нѣги томный стонъ.
Въ безмолвiи несчастной
Страданья чашу пьетъ,
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льетъ.
Но вотъ ночей царица
Скатилась за лѣса,

И тихая денница
Румянитъ небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжитъ сокрыть печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV. РѢКА.

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро ль, мракъ ночной,
Съ прекрасною луной
Ты небомъ овладѣешь?
О, скоро ль, темный лѣсъ,
Въ туманахъ заснѣешь
На западѣ небесъ?»
Но шорохъ за кустами
Ей слышится глухой,
И вдругъ сверкнулъ очами
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вешній вѣтерочекъ,
Летитъ она въ лѣсочекъ;
Онъ гонится за ней—
И трепетная Лила
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньемъ вѣтерка,
И стройная нога

Невольно обнажилась.
Порхая надъ травой,
Пастушка робко дышетъ;
Къ рѣкѣ летя стрѣлой,
Бѣгъ Фавна за собой
Все ближе, ближе слышитъ.
Отчаянья полна,
Ужъ чувствуетъ она
Огонь его дыханья...
Напрасны всѣ старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Рѣка—ея могила...
Нѣтъ, Лила спасена!

V. ЧУДО.

Эроты златокрылы
И нѣжный Купидонъ
На помощь юной Лилы
Летятъ со всѣхъ сторонъ;
Всѣ бросили Цитеру,
И мирныхъ селъ Венеру
По трепетнымъ волнамъ
Несутъ они въ пещеру—
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужъ тамъ...
И вотъ уже съ Филономъ
Веселье пьетъ она.
И страсти тихимъ стономъ
Прервалась тишина.

Спокойно дремлетъ Лила
На розахъ нѣгъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI. ФІАЛЪ.

Поникнувъ головою,
Несчастный богъ лѣсовъ
Одинъ съ вечерней тьмою
Бродилъ у береговъ:
«Прости, любовь и радость!»
Со вздохомъ молвилъ онъ:
«Въ печали тратить младость
Я рокомъ осужденъ!»
Вдругъ изъ лѣсу румяный,
Шатаясь, передъ нимъ
Сатиръ явился пьяный
Съ кувшиномъ круговымъ;
Онъ мутными глазами
Пути домой искалъ,
И козьими ногами
Едва переступалъ;
Шелъ, шелъ, и натолкнулся
На Фавна моего.
Со смѣхомъ отшатнулся,
Склонился на него...
«Ты ль это, братъ любезной?»
Вскричалъ Сатиръ сѣдой:
«Въ какой странѣ безвѣстной
Я встрѣтился съ тобой?»
— Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло:

Завяли дни мои!
Все, все мнѣ измѣнило.
Несчастенъ я въ любви!
«Что слышу? Отъ Амура
Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бѣдокура
И ты боготворишь?
Возможно ль? Такъ забвенье
Въ кувшинѣ почерпай,
И чашу въ утѣшенье
Наполни черезъ край!»
И пѣна засверкала
И на краяхъ шипитъ,
И съ перваго фіала
Амуръ уже забытъ.

VII. ИЗМѢНА.

Кто жъ дерзостный владѣетъ
Твоею красотой?
Невѣрная, кто смѣетъ
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать,
И съ Лилою прекрасной
Въ восторгахъ умирать?
Итакъ, ты измѣнила?
Красавица, плѣняй,
Спѣши любить, о Лила,
И снова измѣняй!

VIII. ОЧЕРЕДЬ.

Что, Лила, что съ тобою?
Въ пещерной глубинѣ,
Сокрытая тоскою,
Ты плачешь въ тишинѣ;
Грустишь уединенно,
И свѣтъ тебѣ постылъ!
Гдѣ жъ сердца другъ безцѣнной?
Увы, онъ измѣнилъ!
Прошли восторги, счастье,
Какъ съ утромъ легкій сонъ;
Гдѣ тайны сладострастья?
Гдѣ нѣжный Полемонъ?
О Лила! вянутъ розы
Минутныя любви:
Познай же грусть и слезы
И нынѣ терпи рви!

IX. ФИЛОСОФЪ.

Въ губительномъ стремленьи
За годомъ годъ летитъ,
И старость въ отдаленьи
Красавицѣ грозитъ.
Амуръ уже съ поклономъ
Разстался съ красотой,
И вслѣдъ за Купидономъ
Веселья скрылся рой.
Въ лѣсу пастушка бродитъ
Печальна и одна:
Кого же тамъ находитъ?

Вдругъ Фавна зритъ она.
Философъ козлоногій
Подъ липою лежалъ,
И пѣнистый фіалъ,
Вѣнкомъ украсивъ роги,
Лѣниво осушалъ.
Хоть Фавнъ и не находка
Для Лилы прежнихъ лѣтъ
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сѣть:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взоръ
И, слышалъ я, клонила
Къ развязкѣ разговоръ.
Но Фавнъ съ улыбкой злою,
Напѣня свой фіалъ,
Качая головою,
Красавицѣ сказалъ:
«Нѣтъ, Лила, я въ покоѣ:
Другихъ, мой другъ, лови!
Есть время для любви,
Для мудрости другое.
Бывало, я тобой
Въ безуміи плѣнялся;
Бывало, восхищался
Коварной красотой,
И сердце, тлѣя страстью,
Къ тебѣ меня влекло.
Бывало... но, по счастью,
Что было—то прошло.»

АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

Сказка.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпаго мальчика съ повязкой?
Слѣпаго?.. Вотъ? Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:
Но шалуну пришла жъ охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело.
Безуміе ведетъ Эрота;
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затѣю:
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею...
А что такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ;

А впрочемъ добрый человѣкъ,
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый:
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
И караулилъ супостата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умнѣй!
Забудь, товарищъ мой любезный,
Раздоръ смѣшной и безполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми жъ повязку въ память, милый,
А мнѣ фонарь свой подари!»
И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затянулъ.
Гимена скучные дозоры
Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотамъ;
Спокоенъ онъ, но братъ коварный,
Шутя надъ честью и надъ нимъ,
Войну ведетъ, неблагодарный,
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаетъ

И самъ счастливца провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ;
Самъ отъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняетъ тайну дверь...
Пойми меня, мой другъ Елена.
И мудрой повѣсти повѣрь!

ФІАЛЪ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
Ходилъ я въ дальній Пафосъ,
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіалъ Анакреона.
Виномъ онъ былъ наполненъ;
Кругомъ висѣли розы,
Зеленый плющъ и мирты,
Сплетенныя рукою
Царицы наслажденій;
На красшкѣ я видѣлъ
Печальнаго Амура;
Смотрѣлъ онъ, пригорюнясь,
На пѣнистую влагу.
«Что смотришь ты, проказникъ,
На пѣнистую влагу?»
Спросилъ я Купидона.
«Скажи, что такъ утихнулъ?
Не хочешь ли зачёрпнуть,
Да ручкой не достанешь?»

— Нѣтъ! отвѣчалъ малютка:
Играя, въ это море
Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
Я уронилъ, и факелъ
Погасъ въ волнахъ багряныхъ.
Вонъ, вонъ — на днѣ блистаютъ!
Я плавать не умѣю:
Охъ, жалко мнѣ; послушай,
Достань мнѣ ихъ оттуда!
«О, нѣтъ! сказалъ я богу:
Спасибо, что упали;
Пускай тамъ остаются.»

ПОСЛАНІЕ ЛИДѢ.

(Подражаніе Парни).

Тебѣ, наперсница Венеры,
Тебѣ, которой Купидонъ
И дѣти рѣзвыя Цитеры
Украсили цвѣтами тронъ,
Которой нѣжные примѣры,
Улыбка, взоры, нѣжный тонъ
Краснорѣчивѣй, чѣмъ Вольтеры,
Намъ проповѣдуютъ законъ
И Аристипповъ, и Глицеры.—
Тебѣ привѣтливый поклонъ,
Любви вѣнокъ и лиры звонъ!...
Презрѣвъ Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасенъ.
И сталъ апостолъ мудрой вѣры
Анакреоновъ и Нинонъ.
Всего... но лишь извѣстной мѣры:
Я вижу, хмурится Зенонъ,
И вся его сѣдая свита....
И мудрый другъ вина Катонъ.

И скучный рабъ Эпафродита,
Сенека, даже Цицеронъ
Кричатъ: «ты лжешь, профанъ, мученье—
Прямое смертныхъ наслажденье!»
Друзья, согласенъ! плачъ и стонъ
Стократъ, конечно, лучше смѣха:
Терпѣть—великая утѣха;
Совѣтъ вашъ вовсе не смѣшонъ:
Но мнѣ онъ, слышите ль, не нуженъ,
Затѣмъ, что слишкомъ онъ мудрёнъ.
Дороже мнѣ хорошій ужинъ
Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ:
Я вами, право, не прельщенъ.
Соборъ угрюмый разсержонъ;
Но пусть кричатъ на суностата,
Ихъ споръ—лишь времени утрата:
Кто ихъ примѣромъ обольщенъ?
Люблю я добраго Сократа:
Онъ въ мірѣ жилъ, онъ былъ уменъ;
Съ своею важностью притворной
Любилъ пиры, театры, женъ;
Онъ, между прочимъ, былъ влюбленъ,
И у Аспазіи въ уборной
(Тому свидѣтель самъ Платонъ),
Невольникъ робкій и покорной,
Вздыхалъ частёхонько въ хитонъ,
И ей съ улыбкою придворной
Шепталъ: «все призракъ, ложь и сонъ —
И мудрость, и народъ, и слава.
Что жъ истинно? Одна забава,
Повѣрь, одна любовь не сонъ!»
Такъ ладанъ жегъ прекрасной онъ,

И ею... бѣдная Ксантиппа!
Твой мужъ, совмѣстникъ Аристиппа,
Бывалъ до неба вознесенъ.
Межъ тѣмъ, на милыхъ грозно лая,
Злой циникъ, нѣгу презирая,
Одинъ, всѣхъ радостей лишенъ,
Дышалъ отъ міра отлученъ;
Но съ бочкой странствуя пустою
Вослѣдъ за мудростью слѣпою,
Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ —
И, воду черпая рукою,
Не могъ зачѐрпнуть счастья онъ.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Шиллера).

Силы четыре,
Соединясь,
Жизнь образуютъ,
Міръ создаютъ.

Влажно-зернистый
Вымжи лимонъ:
Ѣдкая сила —
Жизни зерно.

Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Ѣдкой струи.

Влагою грѣтой
Воду налей:
Міръ весь объемлемъ
Тихо водой.

Примѣсью рома
Все освятн:
Ромъ одаряетъ
Жизнію жизнь.

Только кипучій
Ключъ утолитъ:
Прежде, чѣмъ стихнетъ,
Черпай его!

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ тяжёлой
Полонъ давно.
Пѣною бѣлой
Блещетъ вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно.
Ну, за кого же
Выпью вино?

Здравіе славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья.
Это веселье
Не веселитъ:
Дружбы похмелье
Грома бѣжитъ.

Жители неба,
Феба жрецы,

Здравіе Феба,
Пейте, пѣвцы!
Рѣзвой Камены
Ласки — бѣда!
Токъ Ипокрены —
Просто вода!

Пейте за радость
Юной любви!
Скроется младость,
Дѣти мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно;
Я, благодарный,
Пью за вино!

ИСТИНА.

Издавна мудрые искали
Забытыхъ истины слѣдовъ,
И долго, долго повторяли
Пустые толки стариковъ;
Твердили: «истина нагая
Въ колодезь убралась тайкомъ!»
И дружно воду вынивая,
Кричали: «здѣсь ее найдемъ!

Но кто-то, смертныхъ благодѣтель
(И чуть ли не старикъ Силенъ),
Ихъ важной глупости свидѣтель,
Водой и крикомъ утомлёнъ,
Оставилъ невидимку нашу,
Подумалъ первый о винѣ
И, осушивъ до капли чашу,
Увидѣлъ истину на днѣ.

НАѢЗДНИКИ.

Ужъ полемъ всадники летятъ,
Дубравы кровъ оставя зыбкій,
Коней ласкаютъ и смирятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи.
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Унылъ, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно преклоненной,
Съ укрытой горестью въ груди,
Печальной думой увлеченной,
Онъ ѣдетъ молча впереди.
«Пѣвецъ печальный, что съ тобою?
Одинъ предъ боемъ ты унылъ,
Поникъ безстрашною главою,
Бразды и саблю опустилъ.
Ужель, невольникъ праздной нѣги,
Отрадней миръ твоихъ полей,
Чѣмъ наши бурные набѣги
И ночью бранный стукъ мечей?

Тебя мы зрѣли подъ мечами
Съ спокойнымъ дерзостнымъ челомъ,
Всегда межъ первыми рядами,
Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ.»

Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебалъ.

«Глубокій сонъ въ долинѣ бранной:
Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной:
Предчувствую конецъ желанной;
Меня зоветъ послѣдній бой.
Расторгну цѣпь судьбы жестокой:
Влечу я съ братьями въ огонь;
Ударъ падетъ — и одинокой
Въ долину выбѣжитъ мой конь!...
Но для пѣвца никто не дышетъ.
Его настигнетъ тишина;
Эльвина смерти вѣсть услышитъ.
И не вздохнетъ объ томъ она.
А вы, хранимые судьбами
Для сладостныхъ любви наградъ,
Любви безцѣнными слезами
Благословится вашъ возвратъ!
Въ минуты сладкаго спасенья,
О братья, вспомните пѣвца,
Его любовь, его мученья
И славу грознаго конца!...»

ПОСЛАНІЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной;
Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравной,
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной?
Съ надеждами во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравной,
И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливый, и славной;
Моя стезя печальна и темна.
И нѣжная краса тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора!
Спѣши любить и, счастливый вчера,

Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
Амуръ велитъ — и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу вѣнчай...
О, сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
Измѣны другъ и вѣтреный любовникъ,
Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!...

А мой удѣлъ... но пасмурнымъ туманомъ
Зачѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
И счастья тѣнь, забывшись, обнимать!
Вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья.
Двѣ, три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
Онѣ прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навѣкъ,
На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
Которымъ я такъ весело протекъ —
Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря — заря весны прекрасной;
Моя жъ, мой другъ! — осенняя заря.
Я зналъ любовь, но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забылъ.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ, съ тоской, явлюсь я, гость угрюмой,
Явлюсь на часъ и одинокъ умру.

И не придетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть.
И не придетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть.
Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не вѣдая что̀ радость?
Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ—
Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ,
И счастія какой возьму вѣнецъ?

Но что! стыжусь!... Нѣтъ, ропотъ—униженье!
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье:
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье!
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастіе друзей!

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ.
Тушился мечъ окровавленной.
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось!... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву—
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира.

Повлекся, мглою окруженъ,
Притекъ—и буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткій тронъ
И палъ, отторженъ отъ вселенной.

Утихло все. Не мчится громъ.
Не блещетъ мечъ окровавленной,
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша-герой!
Съ героемъ дивнымъ Альбіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лиліи Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли вослѣдъ щиты кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блистанье славы.

Его текла младая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести.
Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
Достойный былъ онъ воинъ мести!

СОНЪ.

(Отрывокъ).

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой;
Мнѣ страшенъ свѣтъ: проходитъ вѣкъ мой темной
Въ безвѣстности, заглохшею тропой.
Пускай пѣвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.
Пускай любовь Овидіи поютъ,
Мнѣ не дастъ покоя Цитерея;
Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не вьютъ:
Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея,
И научу, какъ должно въ тишинѣ
Покопться въ пріятномъ, крѣпкомъ снѣ.

Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
Готово все для гостьи молодой.

Все тихо здѣсь: докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось полотно.
И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной.
Вотъ мой диванъ—приди жъ въ обитель мира.
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой!
Учи меня, води моей рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно бъ сонъ спокойный предпочли—
О мудрецы! дивиться вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
Поэзіи цвѣтами обовью.
Для васъ однихъ блаженство воспою.
Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ,
Хотите ли забыться каждый разъ,
Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
Тамъ можно жить и праздно и безпечно.
Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.
Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день
Съ прелестницей ловить веселья тѣнь;
Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ;

На балѣ въ ночь вертѣться на паркетѣ;
Но можно ли вкушать отраду сновъ?
Настала тѣнь, уснуть лишь я готовъ,
Обманутый призраками ночными—
И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
На бѣшеной четверкѣ лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится спесь подъ окнами моими.
Я вновь дремлю, вновь улица дрожитъ
На скучный балъ разсѣянье летитъ...
О Боже мой! ужели здѣсь ложатся,
Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
Еще стучатъ, а тамъ уже свѣтло,
И гдѣ мой сонъ? Не лучше ли въ село?
Тамъ рощица листочковъ трепетаньемъ,
Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ,
Златыхъ полей, долины тишина—
Въ деревнѣ все къ томленью клонитъ сна!
О, сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
Одинъ пѣтухъ, зарею пробужденный,
Свой рѣзкій крикъ подыметъ, можетъ быть;
Опасенъ онъ, онъ можетъ разбудить.
Итакъ, пускай, въ сераляхъ удалённы,
Султаны куръ гордятся заключённы
Иль поселянъ сзываютъ на поля—
Мы спать хотимъ, любезные друзья!
Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайте вы даромъ насладиться
Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
Что жъ надобно? Движенье, господа!

Похвальна лѣнь, но есть всему предѣлы:
Смотрите: Клитъ, въ подушкахъ посѣдѣлый,
Размученный, изнѣженный, больной,
Весь вѣкъ сидитъ съ подагрой и тоской!
Наступитъ день — несчастный, задыхаясь,
Крехтя, ползетъ съ постели на диванъ;
Весь день сидитъ; когда жъ ночной туманъ
Подернетъ свѣтъ, во мракѣ разстилаясь,
Съ дивана Клитъ къ постели поползетъ:
И какъ же ночь несчастный проведетъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
Нѣтъ! сонъ ему — не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроетъ томны очи,
И медленной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу, какъ общій другъ, Бершу,
Предписывать вамъ тяжкія движенья:
Упрямый плугъ, охоты наслажденья;
Нѣтъ, въ рощи я лѣнивца приглашу.
Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой;
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
Друзья мои, возьмите посохъ свой,
Идите въ лѣсъ, бродите по долинѣ,
Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ —
И въ долгу ночь глубокъ вашъ будетъ сонъ.
Какъ только тѣнь одѣнетъ небосклонъ,

Пускай войдетъ отрада жизни нашей,
Веселья богъ съ широкой, полной чашей—
И царствуй, Вакхъ, со всѣмъ дворомъ своимъ!
Умѣренно пируйте, други, съ нимъ:
Стакана три шипящими волнами
Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
Но толстый Комъ съ надутыми щеками
Не приходи стучаться у дверей;
Я радъ ему, но только за обѣдомъ,
И дружески я въ полдень уберу
Его дары; но, право, ввечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.
Не ужинать—святой тому законъ,
Кому всего дороже легкій сонъ.
Бреглтесь вы, о дѣти мудрой лѣни,
Обманчивой успокоенья тѣни!
Не спите днемъ: о горе, горе вамъ.
Когда дремать привыкли по часамъ!
Что̀ вашъ покой? Безчувствіе глубоко;
Сонъ истинный отъ васъ уже далеко;
Не знаете веселой вы мечты;
Вашъ цѣлый вѣкъ—несносное томленье,
И скученъ сонъ, и скучно пробужденье,
И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но сжели въ глуши, близъ водопада,
Что подъ горой клокочетъ и кипитъ,
Прелестный сонъ, усталости награда,
При шумѣ волнъ на дикій брегъ слетитъ,
Покроетъ взоръ туманной пеленою,
Обниметъ васъ и тихою рукою
На мягкій мохъ преклонитъ, осѣнитъ:

О, сладостно близъ шумныхъ водъ забвенье!
Пусть долѣе продлится вашъ покой—
Завидно мнѣ счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго, при позднемъ, тихомъ свѣтѣ,
Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
Все тихо вкругъ; березы больше нѣтъ;
Часъ отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
На потолкѣ какой-то призракъ бродитъ;
Блѣдиѣетъ уголь—и синеватый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу вiясь уходитъ.
И вотъ жезломъ невидимымъ своимъ
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣетъ взоръ; «Кандидъ» изъ вашихъ рукъ,
Закрывшися, упалъ въ колѣни вдругъ;
Вздохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете; надъ вами мира кровъ:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель.
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
И ты жреца давно благословилъ!
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда въ углу подвечеръ притаясь,
Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болтливости своей;
Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,

Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины,
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало—
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
И въ вымыслахъ носился юный умъ...

Но вы прошли, о ночи безмятежны,
И юности ужъ возрастъ наступилъ.
Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны!
И я мечту младой любви вкусилъ.
И гдѣ жъ она? Восторгами родилась,
И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась.
Проснулся я, ищу на небѣ день,
Но все молчитъ; луна во тьмѣ сокрылась,

И вкругъ меня глубокой ночи тѣнь.
Но сонъ мой тихъ: безпечный сынъ Парнаса,
Въ ночной тиши я съ риѳмою не бьюсь,
Не вижу ввѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ музъ.

Я не герой, но лаврамъ не тоскую,
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой;
Я не богачъ, и лаемъ пёсъ привратной
Не возмущалъ мечты моей пріятной;
Я не злодѣй, съ волненьемъ и тоской
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
Убійственныхъ дѣтей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ
Не хмурится угрюмо въ-головахъ.

*
* *

Любовь одна—веселье жизни хладной!
Любовь одна—мученіе сердецъ!
Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадной,
А горестямъ не виденъ и конецъ.
Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету;
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонитъ красоту.

Но кто любви не жертвовалъ собою?
Вы, чувствами свободные, нѣвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы пѣли страсть—и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.
Слѣпой Амуръ, жестокій и пристрастный,
Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
Съ Пермесскими царицами согласный,
Инымъ изъ васъ на радость указалъ,
Другихъ навѣкъ печалями связалъ,
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни.
Вы знаете безцѣнной жизни сладость!
Какъ утра лучъ, сіяютъ ваши дни.
Пѣвцы любви, младую пойте радость!
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
Стихи любви тихонько воздыхайте!...
Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви, вы вѣдали печали!
И ваши дни по терніямъ текли;
Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;
Пришелъ конецъ—и въ жизненной дали
Не зрѣли вы минутную забаву;
Но, не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрѣтили, по крайней мѣрѣ, славу
И мукою безсмертны вы своей!

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тьмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу унылъ и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ,
Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
Но ропотъ волнъ стенаніямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.

Прервется ли души холодной сонъ,
Поэзіи зажжется ль упоенье—
Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
Безплодное проходитъ вдохновенье.

Пускай она прославится другимъ;
Одинъ люблю — онъ любитъ и любимъ!...
Люблю, люблю!... Но къ ней ужъ не коснется
Страдальца гласъ; она не улыбнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пустынному зефиру
Ужъ навсегда покинутую лиру —
И слабый даръ какъ легкій скрылся дымъ.

ОКНО.

Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушной?
Мнѣ настоящій опустѣлъ!
На все взираю равнодушно:
Дышать унынъемъ — мой удѣлъ.
Напрасно лѣтнею порою
Любовникъ рощицъ и луговъ
Колышетъ розой полевою,
Летя съ тѣнистыхъ береговъ;

Напрасно поздняя зарница
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,
Иль день багряный вечеръетъ
И тихо тьмится неба сводъ,
И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣетъ,
Склонясь на берегъ спящихъ водъ...

Недавно, темною порою,
Когда пустынная луна

Текла туманною стезею,
Я видѣлъ: дѣва у окна
Одна задумчиво сидѣла;
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь;
Она съ волненіемъ глядѣла
На темный подъ холмами путь.

«Я здѣсь!» шепнули торопливо;
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо.
Луна покрылась темнотой...
Счастливецъ! молвилъ я съ тоскою,—
Тебя веселье ждетъ одно!
Когда жъ вечернею порою
И мнѣ откроется окно?

НАСЛАЖДЕНІЕ.

Въ неволѣ скучной увядаетъ
Едва развитый жизни цвѣтъ,
Украдкой младость отлетаетъ,
И слѣдъ ея—печали слѣдъ.
Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ.

Съ порога жизни въ отдаленье
Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
Тамъ, тамъ—мечталъ я—наслажденье;
Но я за призракомъ летѣлъ.
Златыя крылья развивая,
Волшебной, нѣжной красотой
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.

Я вслѣдъ... но цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!...

Когда жъ, весельемъ окрыленной,
Настанетъ счастья быстрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ.

Съ благоговѣйною душой
Приближься, путникъ молодой,
Любви къ пустынному пріюту!
Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ,
Въ восторгѣ сладостномъ погасъ.
И время самое для насъ
Остановилось на минуту.

ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣсть. за что философы, піиты
На *твой* и *мой* давнымъ-давно сердиты.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
Но потакать и вѣрить имъ не смѣю.
Что ежели бъ ты не была *моею?*
Что ежели бъ я не былъ. Ниса. *твой?*

КЪ МОРФЕЮ.

(Подражаніе Парни).

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви!
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки страшный приговоръ!
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когда жъ умчится ночи мгла
И сонъ мои покинетъ очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Мечты, мечты,
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ.
И одинокой
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ...
Кругомъ постели
Нѣмая ночь.
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловитъ сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:

Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья;
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Не пробужденный.

КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди безчувственной коснется:
Быть можетъ, милые друзья,
Быть можетъ, сердце вновь забьется.

ЖЕЛАНІЕ.

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увяднемъ сердцѣ множитъ
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожитъ.
Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью — мнѣ слезы утѣшенье:
Моя душа, объятая тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тьмѣ, пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру — любя!

КЪ НЕЙ.

Эльвина, милый другъ, приди, подай мнѣ руку!
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ.
Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
Любовникъ осужденъ?

Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ,
Иль вѣчной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда насъ утро не застанетъ
Въ объятіяхъ любви?

Эльвина! почему въ часы глубокой ночи
Я не могу тебя съ весельемъ обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать,

И въ радости нѣмой, въ блаженствѣ упоенья,
Твой шопотъ сладостный и томный стонъ внимать,
И тихо въ скромной тьмѣ для нѣги пробужденья
Близъ милой засыпать?

МѢСЯЦЪ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки сквозь окна
Сіянье тусклое наводишь?
Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
Ты будишь грустныя мечтанья,
Любви напрасныя страданья
И гордымъ разумомъ моимъ
Чуть усыпленныя желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Ужъ не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сіянье
Твоихъ таинственныхъ лучей
Сквозь темный завѣсъ проницало
И блѣдно, блѣдно озаряло
Красу возлюбленной моей.
Почто, минуты, вы летѣли
Тогда столь быстрой чередой.

И тѣни легкія рѣдѣли
Предъ неожиданной зарей?
Зачѣмъ ты, мѣсяцъ, укатился
И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
Зачѣмъ лучъ утренній блеснулъ?
Зачѣмъ я съ милою простился?...

УНЫНІЕ.

Мой милый другъ, разстался я съ тобою;
Душой уснувъ, безмолвно я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною,
Я все тебя, далекій другъ, ищу:
Одну тебя вездѣ воспоминаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь—невольно призываю,
Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ.

И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой
И лишь тоски ты голосъ не забыла...
О вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ унынie любви,
И, слушая бряцанія твои,
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы.

ПѢВЕЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тьмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
Встрѣчали ль вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули ль вы?

ЭЛЕГІЯ.

Подражаніе.

Я видѣлъ смерть; она сидѣла
У тихаго порога моего.
Я видѣлъ гробъ; открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетѣла...
Умру—и младости моей
Никто слѣдовъ пустынныхъ не замѣтитъ,
И взора милаго не встрѣтитъ
Послѣдній взоръ моихъ очей.
. . . . . .

Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
Надъ бездной для меня лежала,
Гдѣ жизнь меня не утѣшала,
Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
Небесъ лазурная завѣса,
Любимые холмы, ручья веселый гласъ,
Ты, утро—вдохновенья часъ,
Вы, тѣни мирныя таинственнаго лѣса,
И все—прости въ послѣдній разъ!

ЭЛЕГІЯ.

Счастливъ, кто въ страсти самъ собѣ
Безъ ужаса признаться смѣетъ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣетъ,
Кого луны туманный лучъ
Ведетъ въ полночи сладострастной,
Кому тихонько вѣрный ключъ
Отворитъ дверь его прекрасной!

Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
Отрады тайныхъ наслажденій;
Увялъ надежды ранній цвѣтъ;
Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій.
Печально младость улетитъ,
И съ ней увянутъ жизни розы...
Но я, любовью позабыть,
Любви не позабуду ль слезы?

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ; свирѣлью полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ милою любви моей мечтой
Послѣднее исчезло сновидѣнье.
Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь,
Взошла заря, сіяетъ блѣдный день,
А вкругъ меня глухое запустѣнье...
Ужъ нѣтъ ея... Я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясной;
У берега, на зелени луговъ
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Нигдѣ не встрѣтилъ я прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее—лишь гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ откликнулся вдали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной:
Его струи медлительно текли
Не трепеталъ въ нихъ образъ несравненной.
Ужъ нѣтъ ея!... До сладостной весны

Простился я съ блаженствомъ и съ душою;
Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и лишъ обнажены;
Она шумитъ въ дубравахъ опустѣлыхъ;
Тамъ день и ночь кружится мертвый листъ,
Стоитъ туманъ на нивахъ пожелтѣлыхъ
И слышится мгновенный вѣтра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы,
Хранители священной тишины,
Свидѣтели моей тоски, забавы,
Забыты вы... до сладостной весны!

КЪ НАТАШѢ.

(Горничной княжны Волконской).

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни,
Стелется туманъ ненастной
Ночи въ дремлющей тѣни;
Опустѣли злачны нивы,
Хладенъ ручеекъ игривый,
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ,
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зритъ?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлить?
Ни надъ озеромъ волнистымъ,
Ни подъ кровомъ липъ душистымъ
Ранней, поздней порой
Не встрѣчаюсь я съ тобой.

Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ;

Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ;
Не увижу я прелестной,
И какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ

(которую въ потьмахъ поцѣловалъ вмѣсто Наташи).

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon:
Mais pour une Grâce—oh, mon Dieu, non.

ЭЛЕГІЯ.

Опять я вашъ, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки,
И брату вновь простерлись ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
Все тѣ же вы, но время ужъ не то же:
Уже не вы душѣ всего дороже,
Ужъ я не тотъ... Невидимой стезей
Ушла пора веселости безпечной,
Навѣкъ ушла, и жизни скоротечной
Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной;
Отверженный судьбой несправедливой,
И ласки музъ, и радость, и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой
Покровъ лежитъ надъ юною главой.
Чтобъ отогнать угрюмыя страданья,
Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Минувшихъ дней погасnули мечтанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
Передъ собой одну печаль я вижу:
Мнѣ скученъ міръ, мнѣ страшенъ дневный свѣтъ;

Иду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу;
Во мнѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
Опали вы, листы вчерашней розы,
Не доцвѣли до завтрашнихъ лучей!
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы! невольно льются слезы,
И вяну я на темномъ утрѣ дней.

О, дружество, предай меня забвенью!
Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи.
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

А. А. ШИШКОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни?
Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотою:
Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ;
Но, милый, сжалься надо мною,
Не требуй отъ меня стиховъ!
Не вѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьи:
Докучной истины я поздній вижу свѣтъ,
По добротѣ души я вѣрилъ въ упоенье
Мечтѣ, шепнувшей: ты поэтъ,
И презря мудрые угрозы и совѣты,
Съ небрежной лѣностью нанизывалъ куплеты,
Игрушкою себя невинной веселилъ;

Угодникъ Бахуса, я трезвый межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
Мечтательныхъ Дорид'ъ и славилъ и бранилъ,
Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвало
И сонные стихи въ просонкахъ величало.
Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
Душѣ наскучили Парнасскія забавы;
Недолго снились мнѣ мечтанья музъ и славы:
И строгимъ опытомъ невольно пробужденъ,
Уснувъ межъ розами, на терпахъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не генія печать
Охота смертная на ріомахъ лепетать;
Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся:
И полно мнѣ писать!

БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ.

(Къ празднованію 19 октября).

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!

Тамъ—громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь—безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ

Вѣрная длань;
Гласъ умиленія,
Благодаренія.
Сердца стремленія—
Вотъ наша дань!

ЭЛЕГІЯ.

Я думалъ, что любовь погасла навсегда,
Что въ сердцѣ злыхъ страстей умолкнулъ гласъ мятежной.
Что дружбы наконецъ отрадная звѣзда
Страдальца довела до пристани надежной.
Съ безпечной думою покоясь у береговъ,
Ужъ издали смотрѣлъ, указывалъ рукою
На парусъ бѣдственныхъ иловцовъ,
Носимыхъ гибельной грозою.
Я говорилъ: «стократъ блаженъ,
Чей вѣкъ, свободою прекрасной,
Какъ вѣкъ весны, промчался ясной
И страстью не былъ омраченъ,
Кто не страдалъ въ любви напрасной,
Кому невѣдомъ страстный плѣнъ.
Блаженъ! но я счастливѣй болѣ.
Я цѣпь мученій разорвалъ,
Опять я дружбѣ... я на волѣ,
И жизни сумрачное поле
Веселый блескъ очаровалъ!»

О, что я говорилъ, несчастный!
Минуту я заснулъ въ невѣрной тишинѣ,
Но мрачная любовь таилася во мнѣ.
Не угасалъ мой пламень страстный...
Весельемъ позванный въ толпу друзей моихъ,
Хотѣлъ на прежній ладъ настроить рѣзву лиру,
Хотѣлъ еще воспѣть прелестницъ молодыхъ,
Веселье, Вакха и Дельфиру...
Напрасно!... Я молчалъ; усталая рука
Лежала томная на лирѣ непослушной;
Я все еще горѣлъ и въ грусти равнодушной
На игры младости взиралъ издалека...
Любовь, отрава нашихъ дней,
Бѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній!
Не сожигай души моей,
Огонь мучительныхъ желаній!
Летите, призраки!... Амуръ, ужъ я не твой!
Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой...
Брось одного меня въ безчувственной природѣ
Иль дай еще летать надежды на крылахъ,
Позволь еще заснуть, и въ тягостныхъ цѣпяхъ
Мечтать о сладостной свободѣ.

СЛОВО МИЛОЙ.

(Маріи Смитъ).

Я Лилу слушалъ у клавира:
Она пріятнѣе поетъ.
Чѣмъ соловей близъ тихихъ водъ
Или полунощная лира.
Упали слезы изъ очей.
И я сказалъ пѣвицѣ милой:
«Прелестенъ голосъ твой унылой;
Но слово милыя моей
Прелестнѣй томныхъ пѣсенъ Лилы.»

ЛИЛѢ.

(Ей же).

Лила, Лила, я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю.
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила: ты прекрасна
И безчувственной красой.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

(Ей же).

Лила, другъ мой неизмѣнный!
Почему сквозь легкій сонъ,
Наслажденьемъ утомленный,
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, когда сгораю
Въ нѣгѣ пламенной любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои?
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей...
О, безцѣнная подруга!
Все ли слезы проливать?
Все ли мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Безпробуденъ хладный сонъ;
Имъ не милъ ужъ голосъ милый,

Не прискорбенъ скорби стонъ.
Не для нихъ надгробны розы,
Сладость утра, шумъ пировъ,
Дружбы искренніе слезы
И любовницъ робкій зовъ!
Рано другъ твой незабвенный
Вздохомъ встрѣтилъ смертный часъ
И, блаженствомъ упоенный,
На груди твоей погасъ.
Спитъ увѣнчанный счастливецъ!
Вѣрь любви: невинны мы.
Нѣтъ, разгнѣванный ревнивецъ
Не придетъ изъ вѣчной тьмы!
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И завистливая тѣнь
Близъ любовника не станетъ,
Вызывая спящій день.

ПИСЬМО КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ *сосѣдъ*
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный *Вотъ!*
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ—
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ
Отъ рюмъ бакхическихъ, шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы дядя мой и на Парнасѣ.

Итакъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ здѣшняго міра, можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я! конечно, передъ вами
Совѣмъ не правъ пустынникъ риѳмоплетъ:
Онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами;
Онъ виноватъ и прозой и стихами.
Но *старое* забудьте въ *новый* годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ—*объяснительныя* и *извинительныя:* первыя въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій: это мнѣ кажется непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми нѣсенями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухаго варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить бѣднаго Ослова[1]
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова[2]
Клеймить единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать.
Скажите искренно: ужели
Вы не умѣете прощать?

Напомню о себѣ моимъ незабвеннымъ: не имѣю больше времени; но... надобно ли еще объяснять? Простите вы всѣ, которыхъ любитъ мое сердце, и которые любите еще меня.

Шолье Андреевичъ,[3] конечно,
Меня забылъ давнымъ-давно:

[1] А. С. Шишковъ. [2] Кн. Шаховской. [3] Князь Вяземскій.

Но я люблю его сердечно,
За то, что любитъ онъ безпечно
И пѣть и пить свое вино.
И надъ всемірными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Смѣется, право, пресмѣшно.

(Конецъ декабря).

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

*
* *

Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи,
Какъ безпокоюсь я! три ночи,
Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ!
«Да, слышалъ, слышалъ: въ банкъ игралъ.»

НАДПИСЬ НА МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета:
Онъ скоро съ рукъ сойдетъ, хоть я не генералъ.
Къ чему лишь говорить, что онъ портретъ поэта?
Карикатурой ты давно бъ его продалъ.

НА ЛИЦЕЙСКАГО ДЯДЬКУ,
ОКАЗАВШАГОСЯ УБІЙЦЕЙ.

Заутра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ.
Мой другъ! остался я живымъ.
Но былъ ужъ смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель—лекаремъ моимъ!

ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю
Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ;
Обиды, пѣсни—все прощаю,
А мнѣ пускай долги простятъ.

ЭКСПРОМТЪ НА АГАРЕВУ.

Въ молчаньѣ предъ тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того ужъ вѣрно не скажу,
Что̀ говорить воображенье.

ОНА.

«Печаленъ ты; признайся, что съ тобой?»
Люблю, мой другъ! «Но кто жъ тебя плѣнила!
Она. «Да кто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лила?»
О, нѣтъ! «Кому жъ ты жертвуешь душой?»
Ахъ, ей! «Ты скроменъ, другъ сердечный!
Но почему жъ ты столько огорченъ?
И кто виной? Супругъ, отецъ, конечно...
Не то, мой другъ! «Но что жъ?» Я *ей* не *онъ!*

НА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

Вотъ Виля—онъ любовью дышетъ,
Онъ пѣсни пишетъ зло:
Какъ Геркулесъ сатиры пишетъ,
Влюбленъ, какъ Буало.

НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

* * *

Скажи, что новаго?»—Ни слова.
Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?
О братецъ! отвяжись: я знаю только то,
Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

НА Е. И. ПУЧКОВУ.

I.

Пучкова, право, не смѣшна:
Иеромъ содѣйствуетъ она
Благотворительнымъ газетъ недѣльныхъ видамъ.
Хоть въ смѣхъ читателямъ, да въ пользу инвалидамъ.

II.

Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва,
На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
О, вижу я, пѣвица Ева,
Хлопочешь ты о женихѣ.

III.

Зачѣмъ объ инвалидной долѣ
Моя Пучкова такъ тужитъ?
Она сама въ прелестномъ полѣ
Вѣдь заслуженный инвалидъ.

1817.

ТОРЖЕСТВО ВАККА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?
Кого, куда зовутъ и бубны, и тимпанъ?
Что значатъ радостные лики
И пѣсни поселянъ?
Въ ихъ кругѣ свѣтлая свобода
Пріяла праздничный вѣнокъ.
Но двинулись толпы народа...
Онъ приближается... Вотъ онъ, вотъ сильный богъ!
Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!
Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!
О радость! полныя тобой
Дрожатъ, готовы грянуть струны
Нелицемѣрною хвалой.
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадный!
Державный тирсъ въ его рукахъ;
Вѣнецъ желтѣетъ виноградный
Въ чернокудрявыхъ волосахъ...
Течетъ. Его младые тигры
Съ покорной яростью влекутъ;
Кругомъ летятъ эроты, игры
И гимны въ честь ему поютъ.
За нимъ тѣснится козлоногій
И фавновъ, и сатировъ рой,
Плющомъ опутаны ихъ роги;
Бѣгутъ смятенною толпой
Вослѣдъ за быстрой колесницей:
Кто съ тростниковою цѣвницей,
Кто съ вѣрной кружкою своей;
Тотъ оступившись упадаетъ,
И бархатный коверъ полей
Виномъ багровымъ обливаетъ
При дикомъ хохотѣ друзей.
Тамъ далѣ вижу дивный ходъ:
Звучатъ веселые тимпаны;
Младыя нимфы и сильваны.
Составя шумный хороводъ,
Несутъ недвижнаго Силена...
Вино струится, брызжетъ пѣна,
И розы сыплются кругомъ;
Несутъ за спящимъ старикомъ
И тирсъ, символъ побѣды мирной,
И кубокъ тяжко-золотой,
Вѣнчанный крышкою сапфирной,
Подарокъ Вакха дорогой.

Но воетъ берегъ отдаленный.
Власы раскинувъ по плечамъ,
Вѣнчанны гроздьемъ, обнаженны,
Бѣгутъ вакханки по горамъ.
Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
Промчалися, летятъ, свиваются руками,
Волшебной пляской топчутъ лугъ;
И младость пылкая толпами
Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя дѣвы;
Ихъ сладострастные напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
Ихъ перси дышатъ вожделѣньемъ;
Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
Сказали: счастіе лови!
Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милаго смятенья.
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость наслажденья.
Но вотъ разсыпались по хо̀лмамъ и полямъ;
Махая тирсами несутся;
Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ имъ вторитъ по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Неспте свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

СНОВИДѢНІЕ.

(Изъ Вольтера).

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
Мечталось, я любилъ тебя,
И сердце билось наслажденьемъ.
Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъявлялъ...
Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только царство потерялъ.

СТАНСЫ.

(Изъ Вольтера).

Ты мнѣ велишь пылать душою:
Отдай же мнѣ минувшіе дни;
И мой разсвѣтъ соедини
Съ моей вечернею зарею.

Мой вѣкъ невидимо проходитъ:
Изъ круга смѣховъ и харитъ
Ужъ время скрыться мнѣ велитъ
И за руку меня выводитъ.

Предъ нимъ смириться должно намъ:
Кто примѣняться не умѣетъ
Къ своимъ премѣнчивымъ годамъ,
Тотъ горесть ихъ одну имѣетъ.

Счастливцамъ рѣзвымъ, молодымъ
Оставимъ страсти заблужденья;
Живемъ мы въ мірѣ два мгновенья —
Одно разсудку отдадимъ.

Ужель навѣкъ вы убѣжали,
Любовь, мечтанья первыхъ дней,
Вы, услаждавшія печали
Минутной младости моей?

Намъ должно дважды умирать.
Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ —
Вотъ смерть, ужасная страданьемъ!
Что̀ значитъ послѣ — не дышать?

На сумрачномъ моемъ закатѣ,
Среди вечерней темноты,
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ сладостной мечты!

Тогда на голосъ мой унылой
Мнѣ дружба руку подала:
Она любви подобна милой
Въ одной лишь нѣжности была.

Я ей принесъ увядши розы
Веселыхъ юношества дней
И вслѣдъ пошелъ... но лилъ я слезы.
Что могъ идти *вослѣдъ* лишь ей!

ПИСЬМО КЪ ЛИДѢ.

(Подражаніе Парни).

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ
Надъ нами тихій свой покровъ,
И время дважды передвинетъ
Стрѣлу медлительныхъ часовъ,
Въ счастливой тишинѣ природы,
Когда не спитъ одна любовь,
Тогда моей темницы вновь
Покину я нѣмые своды...
Летучихъ остальныхъ минутъ
Мнѣ слишкомъ тягостна потеря;
Но скоро Аргусы заснутъ,
Замкамъ предательнымъ повѣря,
И я въ обители твоей!...
Но скорой поступи моей,
Но сладострастному молчанью,
Но смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,
Но воспаленному дыханью

И жаркимъ ласковымъ устамъ
Узнай любовника... Настали
Восторги, радости мои!
О Лида, если бъ умирали
Съ восторговъ нѣги и любви!

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

(Изъ Парни).

Давайте пить и веселиться.
Давайте жизнію играть!
Пусть черпь слѣпая суетится:
Не намъ безумной подражать.
Пусть наша вѣтреная младость
Потонетъ въ пѣснѣ и въ винѣ:
Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ.
Когда же юность легкимъ дымомъ
Умчитъ веселость юныхъ дней.
Тогда у старости отымемъ
Все, что̀ отымется у ней.

ИМЕНИНЫ.

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ добрый часъ:
Дружба, грація и младость
Именинницы у насъ.
Между тѣмъ дитя крылато,
Васъ привѣтствуя, друзья,
Втайнѣ думаетъ: когда-то
Именинникъ буду я?

НАДПИСИ И ЭПИГРАММЫ.

КЪ БАБОЛОВСКОМУ ДВОРЦУ.

Баронессѣ Софіи Вельо.[1]

Прекрасная! пускай восторгомъ насладится
Въ твоихъ объятіяхъ россійскій полубогъ.
Что съ участью твоей сравнится?
Весь міръ у ногъ его—здѣсь у твоихъ онъ ногъ.

К. П. БАКУНИНОЙ.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже.
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумавъ, я скажу все то же.

[1] Подсмѣиваясь надъ встрѣчами С. С. Есакова въ царскосельскомъ саду съ дѣвицами Вельо, гулявшими съ гувернанткой Шредеръ, Пушкинъ сказалъ однажды:

И останешься съ вопросомъ
Посреди замерзлыхъ водъ:
Мадамъ Шредеръ съ краснымъ носомъ
Милыхъ Вельо не ведетъ?

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Онъ вышней волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской:
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ,
А здѣсь онъ—офицеръ гусарской.

КЪ ПОРТРЕТУ Н. И. КАВЕРИНА.

Въ немъ пуншъ и войны кипитъ всегдашній жаръ.
На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель.
Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель.
И всюду онъ гусаръ.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ.

Пройдетъ любовь, умрутъ желанья,
Разлучитъ насъ холодный свѣтъ;
Кто вспомнитъ тайныя свиданья.
Мечты, восторги прежнихъ лѣтъ?...
Позволь въ листахъ воспоминанья
Оставить имъ свой легкій слѣдъ.

ПОРТРЕТЪ.

Вотъ каранузикъ нашъ, монахъ.
Поэтъ, писецъ и воинъ,
Всегда, за все, во всѣхъ мѣстахъ
Крапивы онъ достоинъ.
Съ Мартыномъ — попъ онъ записной,
Съ Фроловымъ — математикъ;
Вступаетъ Энгельгардтъ-герой —
И вмигъ онъ дипломатикъ.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносенъ Фирсъ ученый
Педантъ надутый и мудреный:
Онъ важно судитъ обо всемъ,
Всего онъ знаетъ понемногу.
Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ, и слава Богу!

ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свисть;
Маракъ онъ единымъ духомъ
Листъ:
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ: и въ Лету
Бухъ!

КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ.
Минутной рѣзвости нескромные стихи:
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые грѣхи.
Все чередой идетъ опредѣленной.
Всему пора, всему свой мигъ:
Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшонъ и юнона степенной.
Пока живется намъ, живи,
Гуляй въ мое воспоминанье,
Усердствуй Вакху и любви,
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киферой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

ДЕЛЬВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью;
Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.
Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
Его баюкаютъ камены молодыя,
И съ пѣрстомъ на устахъ хранятъ его покой.
О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я лирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ.
Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
Непзъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ.
Какъ рано завпсти привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!

Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть христіанинъ православный.
Душа безсмертна, слова нѣтъ;
Моимъ стихамъ удѣлъ неравный:
И пѣсни музы своенравной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
Погибнутъ смертію забавной,
И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертію души моей
Безсмертіе своихъ твореній!
Не властны мы въ судьбѣ своей:
По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Сей плодъ небрежный вдохновенья,
Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ,
На скромныхъ дружества листкахъ,
Уйдетъ отъ общаго забвенья.

Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
Твоею дружбой оживленный;
Мои стихи пускай умрутъ:
Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживутъ.

31 мая.

ВЪ АЛЬБОМЪ И. И. ПУЩИНУ.

Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней.
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья.
Печали, радости, мечты души твоей.
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.[1]
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ!

---

[1] Надъ постелью больнаго Пущина Пушкинъ написалъ:

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ —
Судьба его неумолима!
Носите прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви неизлечима.

РАЗЛУКА.

(В. К. Кюхельбекеру).

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
Прошли лѣта соединенья,
Разорванъ опъ, нашъ вѣрный кругъ.
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!
Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надежды, восторговъ, упоенья.
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

Лицей. 9 іюля 1817.

ТОВАРИЩАМЪ.

(Передъ выпускомъ).

Промчались годы заточенья;
Недолго, милые друзья,
Намъ видѣть кровъ уединенья
И царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порогу;
Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,
И всякъ избралъ свою дорогу
Съ волненьемъ гордыхъ юныхъ думъ.
Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ,
Въ крещенской утренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зритъ себя.
Лишь я, судьбѣ своей послушный,

Счастливой лѣни вѣрный сынъ,
Всегда безпечный, равнодушный,
Я тихо задремалъ одинъ.
Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера;
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассесора.
Друзья, немного снисхожденья!
Оставьте мирный мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ іюлѣ распахнуть жилетъ.

ПОСЛАНІЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Скажи, парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонъ Аполлону даромъ,
За честь не смѣетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ,
И, если можно, города?
Беллона, музы и Венера —
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца:
Я плюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса храбреца,[1]
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоскаго пѣвца;
Не нужно мнѣ его примѣра!
Ты скажешь: «перестань, болтунъ,
Будь человѣкъ, а не драгунъ!

[1] Д. В. Давыдовъ.

Парады, караулъ, ученье —
Все это оды не внушитъ,
А только душу изсушитъ,
И къ Маршу[1] для награжденья,
Быть можетъ, прямо за Коцитъ
Пошлетъ читать его творенья.
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Оемидѣ,
Ты съ дипломатикой косой!
Кропай, мой другъ, посланье къ Лидѣ...
Оставь военные грѣхи
И въ сладостяхъ успокоенья
Нини сенатскія рѣшенья
И пятистопные стихи;
И не съ гусарскаго корнета
Возьми примѣръ съ того поэта,
Съ того, котораго рука
Нарисовала Ермака
Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта,
И плѣнъ могучаго Махмета,
И *мужа модные* рога;
Который, милостію Бога
Министръ и сладостный пѣвецъ,
Былъ строгой чести образецъ.
Какъ образецъ онъ будетъ слога...[2]
Все такъ, почтенный дядя мой.
Почтенъ, кто глупости людской
Рѣшитъ запутанные споры;
Уменъ, кто хитрости рукой
Перелетаетъ межъ собой

[1] Посредственный поэтъ, извѣстный своими сатирами.
[2] И. И. Дмитріевъ.

Дипломатическіе вздоры
И править нашею судьбой.
Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ,
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ «Святкахъ»[1] онъ достоинъ.
Но что̀ прелестнѣй и живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
И что̀ завидней бранныхъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ.
Вдали забавъ и нѣтъ, и грацій.
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что̀ скука, страхъ;
Даютъ обѣды и сраженья.
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала,
Кто славитъ Марса и Темиру,
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы, враги трудовъ и славы!
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вамъ на-ухо: вы правы,
И съ вами соглашаюсь я.

[1] Сатира кн. Д. П. Горчакова.

Богъ создалъ для себя природу,
Свой рай и счастіе глупцамъ,
Злословіе, мужчинъ и моду,
Конечно, для забавы дамъ;
Заботы — знатному народу.
Дурачество — для всѣхъ; а намъ —
Уединенье и свободу.

БЕЗВѢРІЕ.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
Считая мрачное безвѣріе порокомъ,
Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ!
Смирите гордости жестокой изступленье:
Имѣетъ онъ права на ваше снисхожденье.
Съ душою тронутой внемлите брата стонъ!
Несчастный — не злодѣй; собою страждетъ онъ.
Кто въ мірѣ усладитъ души его мученья?
Увы, онъ перваго лишился утѣшенья!

Настигнетъ ли его глухихъ судебъ ударъ,
Отымется ли вдругъ минутный счастья даръ,
Въ любви ли, въ дружествѣ ль обманетъ онъ измѣну
И ихъ почувствуетъ обманчивую цѣну—
Лишенный всѣхъ опоръ, отпадшій вѣры сынъ
Ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
Напрасно, въ пышности свободной красоты.
Природы передъ нимъ открыты красоты:

Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водитъ:
Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.

Несчастія, страстей и немощей сыны,
Мы всѣ на страшный гробъ, родясь, осуждены:
Всечасно бренныхъ узъ готово разрушенье;
Нашъ вѣкъ — невѣрный день, всечасное волненье;
Когда, холодной тьмой объемля грозно насъ,
Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ,
Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ раскованной душой,
О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И, ободренную, съ надеждой отпускаешь.
Но, други, пережить ужаснѣе друзей!...
Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
Живитъ унылый духъ и сердца ожиданье:
«Настанетъ — говоритъ — назначенно свиданье.»

А онъ, слѣпой мудрецъ, при гробѣ стонетъ онъ;
Съ усладой бытія несчастный разлученъ,
Надежды сладкаго не внемлетъ онъ привѣта:
Подходитъ къ гробу онъ, взываетъ... нѣтъ отвѣта!

Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣетъ прахъ?...
Видали ль вы его надъ хладною могилой,
Гдѣ нѣжной Деліи таится пепелъ милой?
Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой;
Въ слезахъ отчаянья, въ слезахъ ожесточенья.

Въ молчаньѣ ужаса, въ безумствѣ изступленья
Рыдаетъ!... И межъ тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
У гроба матери колѣна преклонивъ,
Тамъ дѣва юная, въ печали безмятежной,
Возводитъ къ небу взоръ болѣзненный и нѣжной.
Одна, туманною лупой озарена,
Какъ ангелъ горести является она,
Вздыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ...
Все тихо вкругъ его, а кажется внимаетъ.
Несчастный на нее въ безмолвіи глядитъ,
Качаетъ головой, трепещетъ и бѣжитъ.
Спѣшитъ онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродитъ.

Во храмъ ли Вышняго съ толпой онъ молча входитъ,
Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
При пышномъ торжествѣ священныхъ алтарей,
При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ,
Тревожится его безвѣрія мученье.
Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зритъ;
Съ померкшею душой святынѣ предстоитъ;
Холодный ко всему и чуждый умиленью,
Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью.
«Счастливцы!» мыслитъ онъ: «почто не можно мнѣ,
Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
Забывъ о разумѣ, и немощномъ и строгомъ,
Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ?»
Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не суждено
Ему блаженство знать! Безвѣріе одно
По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождь унылый,
Влечетъ несчастнаго до вѣчныхъ вратъ могилы.
И что̀ зоветъ его въ пустынѣ гробовой —
Кто вѣдаетъ? Но тамъ лишь впдитъ онъ покой.

КЪ НЕЙ.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ,
Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
Съ дарами юности мой геній отлеталъ,
И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
Васъ вновь я призывалъ, о дни моей весны,
Вы, пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
Когда, поэзіи поклонникъ безмятежной,
На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, унынье разлуки —
И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки.
Напрасно! я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
Въ дремоту хладную невольно погружался,
Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ
И — слезы на глазахъ — со славою прощался.
Но вдругъ, какъ молніи стрѣла,
Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость;
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвѣло! я жизнью трепеталъ;

Природы вновь восторженный свидѣтель.
Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ.
Сильнѣй плѣнила добродѣтель...
Хвала любви, хвала богамъ!
Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный.
И съ звонкимъ трепетомъ воскресшія струны
Несу къ твоимъ ногамъ.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни.
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій выпулъ Фебъ — и лира мой удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго паденья,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый.[1]
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный старецъ нашъ, царей нѣвецъ избранный,
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,[2]
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
А ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священный?

[1] Карамзинъ. [2] Державинъ.

Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молненной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла!
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья,
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья!
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И, мнится, геній вашъ промчался надо мной.

Но что? Подъ грозною парнасскою скалою
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины,
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
Сидятъ безсмысленцы дружины боевыя.[1]
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой:
Варяжскіе стихи визжитъ варяговъ строй;
Смѣхъ общій — имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами
Во мглѣ два призрака склонилися главами:
Одинъ[2] на груды сѣлъ и прозы и стиховъ,
Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы.
Съ улыбкой внемлетъ вой стопосложитель хилый:
Предъ нимъ растерзанный стенаетъ Телемахъ;
Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
Спондеи жосткіе и дактили тугіе.
Ретивой музою прославленный пѣвецъ,
Гордись! ты Мевія надутый образецъ.

[1] Бесѣда любителей русскаго слова. [2] Тредьяковскій.

Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
Торжественной хвалы къ нему несется шумъ:
Онъ, онъ подъ рифмою попралъ и вкусъ и умъ!
Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
Ему ль, карлику, тягаться съ исполиномъ?
Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
Веселье россіянъ, полуночное диво?[1]
Нѣтъ, въ тихой Летѣ онъ потопетъ молчаливо!
Ужъ на челѣ его забвенія печать.
Предбудущимъ вѣкамъ что̀ могъ онъ передать?
Страшилась граціи циническої свирѣли,
И персты грубые на лирѣ костенѣли.
Пусть будетъ Мевіемъ въ *рѣчахъ* превознесенъ:
Явится Депрео — исчезнетъ Шапеленъ.
И что жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное:
Невѣжду нѣстуетъ невѣжество слѣпое;
Оно сокрыло ихъ во мрачный свой пріютъ.
Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы.
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ:
Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую музу,

[1] Ломоносовъ.

Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ:
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ.
Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ
При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ...
И маковый вѣнецъ Өеспису ими свитъ.
Всѣ, руку положивъ на томъ Телемахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь, возстаютъ неистовой толпой.
Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ:
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И *рѣчи* сыплются дождемъ на супостата.

И вы возстаньте же, парнасскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы!
Въ счастливой ереси и вкуса и ученья,
Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
Отмститель геній, другъ истины — поэтъ!
Лющая съ небесъ и жизнь, и вѣчный свѣтъ,
Стрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиѳона.
Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.
Летите на враговъ — и Фебъ и музы съ вами!
Разите варваровъ кровавыми стихами:
Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ.

Спесивыхъ риторовъ безграмотный соборъ!...
Но, вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно
И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
Гоненія терпѣть—ужель и мой удѣлъ?
Что̀ нужды? Смѣло вдаль дорогою прямою!
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ! Что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
Пускай *бесьдуютъ* отверженные Феба:
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава—имъ же стыдъ, творенья—смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

ПРОЩАНІЕ СЪ ТРИГОРСКИМЪ.

Простите, вѣрныя дубравы!
Прости, безпечный миръ полей,
И легкокрылыя забавы
Столь быстро улетѣвшихъ дней!
Прости, Тригорское, гдѣ радость
Меня встрѣчала столько разъ!
На то ль узналъ я вашу сладость,
Чтобъ навсегда покинуть васъ?
Отъ васъ беру воспоминанье,
А сердце оставляю вамъ.
Быть можетъ (сладкое мечтанье!),
Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
Приду подъ липовые своды
На скатъ Тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы,
Веселыхъ грацій и ума.

10 сентября.

Е. С. ОГАРЕВОЙ,

которой м....ть прислалъ плодовъ изъ своего сада.

М....ть, хвастунъ безстыдной,
Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ:
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ богъ садовъ.

Чему дивиться тутъ? Харита
Улыбкой святость побѣдитъ,
Съ ума сведетъ М....та
И пылъ желанья въ немъ родитъ,

И онъ, твой встрѣтя взоръ волшебный,
Забудетъ о своемъ крестѣ,
И нѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.

А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Тургеневъ, вѣрный покровитель
Поповъ, евреевъ и скопцовъ,
Но слишкомъ счастливый гонитель
И езуитовъ, и глупцовъ,
И лѣности моей безплодной,
Всегда безпечной и свободной,
Подруги благодатныхъ сновъ!
Къ чему смѣяться надо мною,
Когда я слабою рукою
По лирѣ съ трепетомъ вожу
И лишь изнѣженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
Въ струнахъ незвонкихъ нахожу?
Душой предавшись наслажденью
Я сладко-сладко задремалъ.

Одинъ лишь ты—съ глубокой лѣнью
Къ трудамъ охоту сочеталъ;
Одинъ лишь ты, любовникъ страстной
И Соломирской, и креста,[1]

[1] Креста, спрѣчь не Анпинскаго и не Владимірскаго, а честнаго и животворящаго. *А. П.*

То ночью прыгаешь съ прекрасной,
То проповѣдуешь Христа.[1]
На свадьбахъ и въ Библейской залѣ,
Среди веселій и заботъ,
Роняешь Лунину на балѣ,
Подъемлешь трепетныхъ сиротъ;
Лѣнивецъ милый на Парнасѣ,
Забывъ любви своей печаль,
Съ улыбкой дремлешь въ Арзамасѣ
И спишь у графа де-Ляваль.
Нося мучительное бремя
Пустыхъ и тяжкихъ должностей,
Одинъ лишь ты находишь время
Смѣяться лѣности моей.

Не вызывай меня ты болѣ
Къ навѣкъ оставленнымъ трудамъ,
Ни къ поэтической неволѣ.
Ни къ обработаннымъ стихамъ.
Что̀ нужды, если и съ ошибкой,
И слабо иногда пою?
Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь безпечную мою
Воспламенитъ и успокоитъ!
А трудъ и холоденъ и пустъ:
Поэма никогда не сто̀итъ
Улыбки сладострастныхъ устъ.

8-го ноября.

[1] Кстати приводимъ начало стиховъ Пушкина къ Тургеневу, 1819 г.

Въ себѣ всѣ блага заключая,
Ты наконецъ къ ключамъ отъ рая
Привѣсилъ каммергерскій ключъ.

КЪ***.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкій жизни сонъ.
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.

27-го ноября.

КН. ЕВД. ИВ. ГОЛИЦЫНОЙ.

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: «въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно-свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?...»
Отечество почти я ненавидѣлъ;
Но я вчера Голицыну увидѣлъ—
И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

30-го ноября.

Н. И. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой;
Мы жъ утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядемъ на порогъ,
У Пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой пальемъ сосудъ,
И толпою напи тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ.
Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтелъ,
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкій пепелъ
Въ урны праздныя пировъ.

Декабрь.

1818.

ДРУГУ ОТЪ ДРУГА.

(Н. И. Кривцову, при посылкѣ Вольтеровой поэмы).

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебѣ даритъ,
На скучный путь и на разлуку,
Святую библію харитъ?
Амуръ напелъ ее въ Цитерѣ,
Въ архивѣ шалости младой:
По ней молись своей Венерѣ
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреецъ мой!
Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
Лети во мрачный Альбіонъ!
Да сохранитъ тебя въ чужбинѣ
Христосъ и вѣрный Купидонъ!
Неси въ чужой предѣлъ пената;
Но, помня прежни дни свои,
Люби недѣвственнаго брата,
Страдальца чувственной любви...

Марта 2.

СКАЗКИ (NOËL).

(Отрывокъ).

Отъ радости въ постелѣ
Запрыгало дитя:
«Неужто въ самомъ дѣлѣ?
Неужто не шутя?
А мать ему: «Бай-бай. закрой свои ты глазки;
Пора уснуть ужъ наконецъ,
Послушавши, какъ нашъ отецъ
Разсказываетъ сказки».

Мартъ 1818.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

ЖУКОВСКОМУ.

(На изданіе книжекъ его: «Для немногихъ»).

Когда къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ:
Ты правъ, творишь ты *для немногихъ*,
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбитъ счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

НА ПЕРЕВОДЪ ЖУКОВСКАГО: «ТЛѢННОСТЬ».

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: «что̀ если это проза,
Да и дурная?»

НА М. Т. КАЧЕНОВСКАГО.

Безсмертною рукой раздавленный зоилъ,
Позорнаго клейма ты вновь не заслужилъ!
Безчестью твоему нужна ли перемѣна?
Нашъ Тацитъ на тебя захочетъ ли взглянуть?
Уймись — и прежнимъ ты стихомъ доволенъ будь,
Плюгавый выползокъ изъ г.... Дефонтена.

КЪ Ѳ. Ф. ЮРЬЕВУ.

Любимецъ вѣтреныхъ Лансъ,
Прелестный баловень Киприды,
Умѣй спосить, мой Адонисъ,
Ея минутныя обиды!
Она дала красы младой
Тебѣ въ удѣлъ очарованье:
И черный усъ, и взглядъ живой,
Любви улыбку и молчанье.
Съ тебя довольно, милый другъ!
Пускай, желаній нылкихъ чуждый,
Ты поцѣлуями подругъ
Не наслаждаешься—что̀ нужды?
Въ чаду веселій городскихъ
На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры,
Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
Летятъ задумчивые взоры...
Увы! языкъ любви нѣмой,
Сей вздохъ души краснорѣчивой,
Быть долженъ сладокъ, милый мой,
Безпечности самолюбивой:
И счастливъ ты своей судьбой!

А я — повѣса вѣчно праздный,
Потомокъ негровъ безобразный,
Взращенный въ дикой простотѣ,
Любви не вѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыдными бѣшенствомъ желаній...
Съ невольнымъ пламенемъ ланитъ
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядитъ.

МЕЧТАТЕЛЮ.

(В. К. Кюхельбекеру).

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
Тебѣ пріятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе таить:
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!
О, если бы тебя, ушлыхъ чувствъ искатель,
Постигло страшное безуміе любви,
Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови,
Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,
На ложѣ медленно терзаемый тоской,
Ты звалъ обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:
Повѣрь, тогда бъ ты не питалъ
Неблагодарнаго мечтанья.
Нѣтъ, нѣтъ! въ слезахъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,

Дрожащій, блѣдный, изступленный,
Тогда бъ воскликнулъ ты къ богамъ:
«Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возьмите отъ меня сей образъ роковой:
Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой!...»
Но мрачная любовь и образъ незабвенный
Остались вѣчно бы съ тобой.

ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

(Штейнгель).

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
Умильнымъ голосомъ и взоромъ
Младое сердце распалять
И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
Къ побѣдѣ легкой вызывать?
Къ чему обманчивая нѣжность,
Стыдливости притворный видъ,
Движеній томная небрежность,
И трепетъ устъ, и жаръ ланитъ?
Напрасны хитрыя старанья:
Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...
Невольный хладъ негодованья
Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владѣлъ во тьмѣ ночной?
Скажи: у двери оцѣненной
Твоей обители презрѣнной
Кто смѣлой не стучалъ рукой?

Нѣтъ, нѣтъ, другому свой завялый
Неси, прелестница, вѣнокъ;
Ласкай неопытный порокъ,
Въ твоихъ объятіяхъ усталый;
Но гордый замыселъ забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательскую грудь.
Неси другимъ наемны узы,
Своей любви постыдный торгъ,
Корысти хладныя лобзанья,
И принужденныя желанья,
И златомъ купленный восторгъ!

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Я. СОСНИЦКОЙ.

Вы съединить могли съ холодностью сердечной
Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей.
Кто любитъ васъ, тотъ очень глупъ, конечно;
Но кто не любитъ васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

ПРО СЕБЯ.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь;
Я много обѣщаю,
Исполню ли—Богъ вѣсть.

* * *

Есть въ Россіи городъ Луга,
Петербургскаго округа;
Хуже не было бъ сего
Городишки на примѣтѣ,
Если бъ не было на свѣтѣ
Новоржева моего.

КЪ ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ.
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

НАБРОСКИ.

*
* *

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть;
Скучая жизнію, томимый суетою,
Я жажду близъ тебя свободно отдохнуть...
Ты помнишь, милая: зарею нашихъ лѣтъ,
Младенцы, мы [уже] любить умѣли...
Какъ быстро наши лѣта улетѣли!
Въ кругу чужихъ, въ немилой сторонѣ,
Я мало жилъ и наслаждался мало.
И дней моихъ печальное начало
Наскучило, давно постыло мнѣ...
Къ чему мнѣ жить? Я не рожденъ для счастья,
Я не рожденъ для дружбы, для заботъ;
Я хладно пилъ изъ чаши сладострастья...

---

*
* *

И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ
Одною дружбою прекрасенъ,
Что безъ нея отрады нѣтъ,

Что жизни бъ путь намъ былъ ужасенъ,
Когда бъ не тихій дружбы свѣтъ...
Но слушай, чувство есть другое:
Оно и нѣжитъ и томитъ.
Въ трудахъ, заботахъ и въ покоѣ
Всегда не дремлетъ, а горитъ;
Оно мучительно, жестоко,
Коль язвы пламенной, глубокой
Елей надежды не живитъ.
Вотъ страсть, которой я страдаю,
Которой вяну и дышу,
Которую въ душѣ ношу
И ни на что не промѣняю...

*
* *

Какъ сладостно, но—боги!—какъ опасно
Тебѣ внимать, твой видѣть милый взоръ!
Забуду ль я улыбку, взоръ прекрасный
И огненный, волшебный разговоръ?
Волшебница, зачѣмъ тебя я видѣлъ?
Узнавъ тебя, блаженство я позналъ
И счастіе мое возненавидѣлъ...

ЗАПИСКИ КЪ ЖУКОВСКОМУ.

I.

Раевскій, *молоденецъ* прежній,
А тамъ уже *отважный сынъ*,
И Пушкинъ, школьникъ неприлежный
Парнасскихъ дѣвственницъ-богинь,
Къ тебѣ, Жуковскій, заѣзжали,
Но, къ неописанной печали,
Поэта дома не нашли
И, увѣнчавшись кинарисомъ,
Съ французской повѣстью *Борисомъ*
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведетъ Жуковскаго со мной?
Скажи, не будешь ли сегодня
Съ Карамзинымъ, съ Карамзиной?
На всякій случай—ожидаю,
Тронися просьбою моей,
Тебя зоветъ на чашку чаю
Раевскій, слава нашихъ дней.

II.

Штабсъ-капитану, Гёте, Грею,
Томпсону, Шиллеру привѣтъ!
Имъ поклониться честь имѣю,
Но сердцемъ истинно жалѣю,
Что никогда ихъ дома нѣтъ.

(1818—1819).

1819.

ОТВѢТЪ НА ВЫЗОВЪ

НАПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

На лирѣ скромной, благородной,
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, подъ Геликономъ,
Гдѣ Касталійскій токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елизавету втайнѣ пѣлъ.
Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой

Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой —
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

КЪ КАГУЛЬСКОМУ ПАМЯТНИКУ.

Элегія.

Воспоминаньемъ упоенный,
Съ благоговѣньемъ и тоской
Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный!
Не смѣлый подвигъ россіянъ,
Не слава, даръ Екатеринѣ,
Не Задунайскій великанъ
Меня воспламеняютъ нынѣ...
. . . . . .

30 mars 1819.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
Или невѣрное то было сновидѣнье,
Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
Ты ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
Въ одеждѣ воина съ неловкостью пріятной?
Такъ! видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной:
И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
Но вновь въ умѣ моемъ тѣснились мрачны грезы:
Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...
Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огнь по сердцу пробѣжалъ!
Я закипѣлъ, затрепеталъ:
И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ:
Приди, меня мертвитъ любовь!
Въ молчаньи благосклонной ночи

Явись, волшебница: пускай увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,
И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенныя ноги...
Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой,
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова ниспослали боги.
А съ нимъ и сладкія тревоги
Любви таинственной и шалости младой.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
Уже лопаткою смиренной
Себѣ могилу старецъ рылъ,
И лишь о смерти вожделѣнной
Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣтомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу.
Дубровы дѣлались черней;
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяцъ въ облакахъ
Тихонько по небу катился.
На воды сталъ глядѣть монахъ.

Глядитъ, невольно страха полный;
Не можетъ самъ себя понять...
И видитъ: закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опять...

И вдругъ... легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходитъ женщина нагая,
И молча сѣла у береговъ.

Глядитъ на стараго монаха
И чешетъ влажные власы.
Святой монахъ дрожитъ со страха
И смотритъ на ея красы.
Она манитъ его рукою,
Киваетъ быстро головой....
И вдругъ падучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмой
И не молился цѣлый день:
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубровы вновь одѣлись тьмою;
Пошла по облакамъ луна,
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ, прелестна и блѣдна.

Глядитъ, киваетъ головою,
Цѣлуетъ издали шутя,
Играетъ, плещется волною,
Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ...
«Монахъ, монахъ! ко мнѣ, ко мнѣ!...»
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ:
И все въ глубокой тишинѣ.

На третій день отшельникъ страстной
Близъ очарованныхъ береговъ
Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
А тѣнь ложилась средь дубровъ...
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду сѣдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

ЭПИГРАММЫ.

НА КАРАМЗИНА.

1.

«Послушайте: я вамъ скажу про старину,
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ, про время золотое,
И наконецъ про Грознаго Царя.»
— Эхъ, бабушка, затѣяла пустое:
Окончи лучше намъ Илью-богатыря.

2.

Въ его «Исторіи» изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Вотъ Хвостовой покровитель,
Вотъ холопская душа,
Просвѣщенія губитель,
Покровитель Бантыша.
Напирайте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!...
Не попробовать ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

НА ФОТІЯ.

Полуфанатикъ, полуплутъ;
Ему орудіемъ духовнымъ
Проклятье, мечъ и крестъ, и кнутъ.
Попли намъ, Господи, грѣховнымъ,
Поменьше пастырей такихъ —
Полублагихъ, полусвятыхъ.

НА А. М. КОЛОСОВУ.

(Впослѣдствіи Каратыгина).

Все плѣняетъ насъ въ Эсонри:
Упоительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ,
Голосъ нѣжный, взоръ любови,
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И огромная нога!

НА Н. И. ГНѢДИЧА.

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
Что жосткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю:
Я руку наложилъ,
Погладилъ — занозилъ.

ТЫ И Я.

(На Ал. П.).

Ты богатъ, я очень бѣденъ,
Ты прозаикъ, я поэтъ;
Ты румянъ, какъ маковъ цвѣтъ,
Я какъ смерть и тощъ и блѣденъ.
Ты не знаешь вѣкъ заботъ,
Ты живешь въ огромномъ домѣ;
Я жъ, средь горя и хлопотъ,
Провожу дни на соломѣ.
Спишь ты сладко, цѣлый день
Тянешь вина на свободѣ,
И тебѣ нерѣдко лѣнь
Нужный долгъ отдать природѣ;
Я же съ черстваго куска,
Отъ воды сырой и прѣсной,
Сажень за сто съ чердака
.... бѣгу ....
Окруженъ рабовъ толпой,
Съ грознымъ деспотизма взоромъ....
. . . . . .

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ,
Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
Гдѣ, красоты безпечный обожатель,
Я провожу незнаемый досугъ.
Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
Опасною прельщенный суетой,
Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорѣлъ въ чаду большаго свѣта —
И отдохнуть убрался я домой.
И, признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
И гдѣ мы всѣ—прекраснаго друзья,
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,
Гдѣ Бутурлинъ невѣждъ законодатель,
Гдѣ Шепинингъ — царь, а скука — предсѣдатель,

Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
Злыхъ безъ ума, безъ гордости спесивыхъ,
И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ.
Когда въ кругу Лансъ благочестивыхъ
Затянутый невѣжда-генералъ
Красавицамъ изношеннымъ и сонным
Съ трудомъ острить французскій мадригалъ,
Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ.
И всѣ вокругъ и дремлютъ и молчатъ,
Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ,
Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ,—
Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
Свобода, Вакхъ и музы угощаютъ.
Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
Политики смѣшнаго лепетанья,
Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ,
И мистика придворнаго кривлянья.
И ты, харитъ любовникъ своевольный,
Пріятный лжецъ, язвительный болтунъ,
По прежнему острякъ небогомольный,
По прежнему философъ и шалунъ,
И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ—
И милый кругъ друзей моихъ умножь!

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

Я люблю вечерній пиръ,
Гдѣ веселье предсѣдатель,
А свобода, мой кумиръ,
За столомъ законодатель;
Гдѣ до утра слово «пей»
Заглушаетъ крики пѣсенъ,
Гдѣ просторенъ кругъ гостей.
А кружокъ бутылокъ тѣсенъ.

КЪ Ѳ. Ф. ЮРЬЕВУ.

Здорово, Юрьевъ именинникъ!
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ!
Сегодня для тебя пустынникъ
Осушитъ пѣнистый стаканъ.

Здорово, рыцари лихіе
Любви, свободы и вина!
Для васъ, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.

Здорово, Юрьевъ именинникъ!
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ!
Сегодня для тебя пустынникъ
Осушитъ пѣнистый стаканъ.

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубокъ и .....
Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ сладострастье
Ведетъ насъ пьяныхъ . . . . . .

Здорово, Юрьевъ именинникъ!
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ!
Сегодня для тебя пустынникъ
Осушитъ пѣнистый стаканъ.

П. Б. МАНСУРОВУ.

Мансуровъ, закадышный другъ,
Надѣнь вѣнецъ терновой,
Вздохни и рюмку выпей вдругъ
За здравіе Крыловой!

Повѣрь, она вѣрна тебѣ,
Какъ дѣвственница Лассп,
Она покорствуетъ судьбѣ
И госпожѣ Казассп.

. . . . . .

НАДЕНЬКѢ.

Съ тобой пріятно удѣлить
Часокъ—два—три уединенью:
Одинъ желаньямъ посвятить,
А два послѣднихъ наслажденью.

* * *

Она тогда ко мнѣ придетъ,
Когда весь міръ угомонится,
Когда все доброе ложится,
И все недоброе встаетъ.

СТАНСЫ Я. Н. ТОЛСТОМУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ,
И на лампаду Эпиктета
Златой Горація фіалъ.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины заботъ
И безполезныхъ размышленій.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки:
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!

До капли наслажденье пей,
Живи безпеченъ, равнодушенъ!
Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей!

В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣетъ надо мной.
Здоровье, легкій другъ Пріапа,
И сонъ, и сладостный покой,
Съ Кипридой посѣтили снова
Мой уголъ тѣсный и простой.
Утѣшь и ты полубольнаго!
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Свободы, Вакха вѣрный сынъ,
Венеры набожный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,
Отъ скуки, столь разнообразной,
Я ѣду въ даль! Простите, дамы,

Актрисы, франты, доктора,
Шумящи игры, вечера,
Гдѣ льются пуншъ и эпиграммы!
Меня зовутъ поля, луга,
Тѣнисты липы огорода,
Озеръ пустынныхъ берега
И деревенская свобода.
Дай руку мнѣ — пріѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября:
Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря,
На счетъ глупца, вельможи злаго,
На счетъ холопа записнаго,
На счетъ небеснаго царя,
А иногда на счетъ земнаго.

А. Ѳ. ОРЛОВУ.

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной
(Хотя и русскій генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенной;
О ты, который, съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верхомъ
Преподаешь царей науку,
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача!
Орловъ, ты правъ: я забываю
Свои гусарскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
«Мундиръ и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ;
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;

Но онъ придворный: обѣщанья
Ему не стоятъ ничего.
Смиривъ немирныя желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или въ травѣ густыхъ луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ.
Я буду пѣть моихъ боговъ,
И буду ждать. Когда жъ возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей
И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда покину миръ полей.
Питомецъ пламенный Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,
Орловъ, я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ!
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечомъ и съ лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

Іюль 1819.

ВЪ АЛЬБОМЪ М. А. ЩЕРБИНИНУ.

Житье тому, любезный другъ,
Кто страстью глупою не боленъ,
Кому влюбиться недосугъ,
Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
Кто Наденьку подвечерокъ
За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ,
И жирный страсбургскій пирогъ
Виномъ душистымъ запиваетъ;
Кто, удаливъ заботы прочь,
Какъ вѣрный сынъ пафосской вѣры,
Проводитъ набожную ночь
Съ младой монахиней Цитеры.
Поутру сладко дремлетъ онъ,
Читая листикъ «Инвалида»;
Весь день веселью посвященъ,
А ночью царствуетъ Киприда!
И мы не такъ ли дни ведемъ,
Щербининъ, рѣзвый другъ забавы,
Съ Амуромъ, шалостью, виномъ,
Покамѣстъ молоды и здравы?

Но дни младые пролетятъ,
Веселье, нѣга насъ покинутъ,
Имъ чувства наши измѣнятъ,
Сердца изсохнутъ и остынутъ.
Тогда, безъ пѣсенъ, безъ подругъ,
Безъ милыхъ, вѣтреныхъ желаній,
Найдемъ отраду, милый другъ,
Въ туманномъ снѣ воспоминаній!
Тогда, качая головой,
Скажу тебѣ у двери гроба:
«Ты помнишь Фанни, милый мой?»
И тихо улыбнемся оба.

ДЕРЕВНЯ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.

Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ.
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ:
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца:
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,

Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенной
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

ДОМОВОМУ.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой малый садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью!

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ.
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгомъ угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сіи небесныя черты?

Ты, геній!... Но любви страданья
Его сразили. Взоръ нѣмой
Вперилъ онъ на свое созданье,
И гаснетъ пламенной душой.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуёй;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

ДОРИДѢ.

(Подражаніе А. Шенье).

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая—харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

(Отрывокъ).

Ужъ я не тотъ! мои златые годы,
Безумства жаръ, веселость, острота,
Любовь стиховъ, любовь моей свободы —
Проходитъ все, какъ легкая мечта.
Такъ иногда за чашей ликованья
Найдешь меня, объятаго тоской,
Задумчивымъ, съ поникшей головой —
И ты поймешь души моей страданья!...

II. ПЛАТОНИЗМЪ.

(Изъ Парни).

Я знаю, Лидинька, мой другъ,
Кому въ задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досугъ,
Кому ты жертвуешь украдкой
Отъ подозрительныхъ подругъ.
Тебя страшитъ проказникъ милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебѣ несносенъ Гименей:
Ты молишься другому богу:
Своей покорствуя судьбѣ,
Восторги пылкіе къ тебѣ
Нашли пустынную дорогу.
Я понялъ слабый жаръ очей,
Я понялъ взоръ полуоткрытый,
И поблѣднѣвшія ланиты,
И томность поступи твоей ..
Твой богъ не полною отрадой
Своихъ поклонниковъ даритъ,

Его таинственной наградой
Младая скромность дорожитъ;
Онъ любитъ сны воображенья,
Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ,
Онъ другъ стыдливый наслажденья,
Онъ братъ любви — но одинокъ.
Когда безсонницей унылой
Во тьмѣ ночной томишься ты,
Онъ оживляетъ тайной силой
Твои неясныя мечты,
Вздыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой
И гонитъ тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкій, дѣвственный покой.
Въ уединенномъ упоеньи
Ты мыслишь обмануть любовь!
Напрасно — въ самомъ наслажденьи
Томишься и вздыхаешь вновь!
Амуръ ужели не заглянетъ
Въ неосвященный твой пріютъ?
Твоя краса какъ роза вянетъ,
Минуты юности бѣгутъ...
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступныя мечты —
Не вѣчно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты!

Н. В. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы!
Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ на яву
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, шушунѣ,
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,

Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмелье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ-рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держася моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
Ан холодная струя;
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ; задорный кубокъ
Обходитъ ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой!
Ихъ изступленныя движенья,
Огонь неистовыхъ очей
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепетъ упоенья....
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;

Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой,
Тихонько плачетъ подъ окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ опротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.
Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младаго сладострастья,
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

27 ноября 1819.

НАБРОСКИ.

* * *

Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утанть
Тоскующей души холодное волненье.
Ты поняла меня: проходитъ упоенье,
Перестаю тебя любить!
Исчезли навсегда часы очарованья,
Пора прекрасная прошла,
Погасли юныя желанья,
Надежда въ сердцѣ умерла...

(Изъ Фауста. Подражаніе).

Скажи, какія заклинанья
Имѣютъ надъ тобою власть?
— Всѣ хороши; на всѣ призванья
Готовъ я какъ бы съ неба пасть;
Довольно одного желанья —
Я, какъ догадливый холопъ:
Въ ладоши по-турецки хлопъ,

Присвистни, позвони и мигомъ
Явлюсь. Что дѣлать! Я служу,
Живу, кряхчу подъ вѣчнымъ игомъ,
Какъ нянька бѣдная, хожу
За вами, слушаю, гляжу...

---

*
* *

Все призракъ, суета,
Все дрянь и гадость;
Стаканъ и красота—
Вотъ жизни сладость....
Любовь и вино
Намъ нужны равно:
Безъ нихъ человѣкъ
Зѣвалъ бы весь вѣкъ.
Къ нимъ лѣнь еще прибавлю:
Лѣнь съ ними заодно;
Любовь я съ нею славлю,
Она мнѣ льетъ вино....

1820.

ДОРИДА.

Въ Дориде нравятся и локоны златые,
И блѣдное лицо, и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались;
Я таялъ: но среди невѣрной темноты
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

ОЛЕНЬКѢ.

(Массонъ).

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Какъ же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцѣлуемъ сладострастья —
Соблазнительнаго счастья
Назначаешь тайный часъ;
Мы съ горячкою любовной
Прибѣгаемъ въ часъ условной,
Въ дверь стучимъ, но въ сотый разъ
Слышимъ твой коварный шопотъ,
И служанки сонный ропотъ,
И насмѣшливый отказъ.
Ради рѣзваго разврата,
Пріапическихъ затѣй,
Ради нѣги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли нашъ влюбленный плачъ —
День восторговъ, день забвенья
Намъ навѣрное назначь.

*
* *

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтѣ лѣтъ, свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

ОДА ВОЛЬНОСТЬ.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза ....
Свободы грозная пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру,
Хочу воспѣть я вольность міру,
.... поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго галла,[1]
Кому сама средь грозныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтреной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы — мужайтесь и внемлите,
Возстаньте, падшіе рабы!

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,

[1] А. Шенье.

Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слёзы;
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій;
Вездѣ неволи грозный геній
И къ славѣ роковая страсть.

Лишь тамъ . . . . . .
Не слышится людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
Гражданъ надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ,

И преступленья съ-высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни къ злату алчностью, ни страхомъ.
. . . . . .

. . . . . .
Тебя въ свидѣтели зову,
О, мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавныхъ,
Сложившій царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовикъ,
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.

Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
И лишь главу снесла сѣкира,
Какъ самовластная порфира
На галлахъ скованныхъ лежитъ...

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Съ жестокой радостью я вижу.
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы;
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Когда . . . . . .
Звѣзда полуночи сверкаетъ,
И беззаботную главу
Спокойно сонъ къ себѣ склоняетъ,
Глядитъ задумчивый пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана —
Забвенью брошенный дворецъ.

Онъ слышитъ Кліи страшный гласъ
Надъ сими мрачными стѣнами,
Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами...
. . . . . .
. . . . . .

НА АРАКЧЕЕВА.

I.

Всей Россіи притѣснитель,
Губернаторовъ мучитель,
И Совѣта онъ учитель,
А царю — онъ другъ и братъ.
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести —
Кто жъ онъ, «преданный безъ лести»?[1]
Просто фрунтовой солдатъ.

II.

Холопъ . . . . . .
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавровъ Герострата,
Иль смерти нѣмца Коцебу;
. . . . . .

[1] Девизъ Аракчеева: «Безъ лести преданъ».

*
* *

Подражаніе Байрону.

Погасло дневное свѣтило:
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,

Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потеряшная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края;
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ...

Черное море. 1820 сентябрь.

ЭЛЕГІЯ.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой?
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей:
Недолго радовать собою
Счастливый кругъ семьи своей,
Безпечной, милой остротою
Бесѣды наши оживлять,
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать.
Спѣшу, въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ унынiе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

Юрзуфъ. 1820.

*
* *

Подражаніе турецкой пѣснѣ.

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

*
* *

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной!
Мнѣ васъ не жаль, о таинства ночей,
Воспѣтыя цѣвницей сладострастной!

Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья,
Вѣнки пировъ и чаши круговыя;
Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя!
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.

Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины,
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?...
Придите вновь, года моей весны!

Юрзуфъ. 20 октября.

ЧААДАЕВУ.

Съ морскаго берега Тавриды.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эвмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла;
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.

. . . . . .

Чадаевъ, помнишь ли былое?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

ФОНТАНУ

Бахчисарайскаго дворца.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ быль...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
И я твой мраморъ вопрошалъ:
Хвалу странѣ прочелъ я дальной,
Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтпло блѣдное гарема!
И здѣсь ужель забвенно ты?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

НЕРЕИДА.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Таврпду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Каменка.

*
* *

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ:
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ таврическія волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ—подругамъ называла.

Каменка.

ВИНОГРАДЪ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачной,
Какъ персты дѣвы молодой.

Кишиневъ.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза Луны, свободы вопиъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ,
Братоубійствомъ изощренной.
Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
Онъ, молча, надъ твоей невинной колыбелью
Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью!
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиренной жизнію предъ небомъ искупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій онміамъ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

Кишиневъ. 5 октября.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Молдавская пѣсня.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей;
Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья,
Тебѣ жъ измѣнила гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

ЭПИГРАММЫ.

НА КАЧЕНОВСКАГО.

Хавроніосъ! ругатель закоснѣлый,
Во тьмѣ, въ пыли, въ презрѣньи посѣдѣлый,
Уймись, дружокъ! къ чему журнальный шумъ
И пасквилей томительная тупость?
«Затѣйникъ золъ!» съ улыбкой скажетъ глупость;
«Невѣжда глупъ!» зѣвая, скажетъ умъ.

* * *

Когда бъ писать ты началъ съ-дуру,
Тогда бъ навѣрно ты пролѣзъ
Сквозь нашу тѣсную цензуру,
Какъ внидешь въ царствіе небесъ.

НА ѲЕД. ИВ. ТОЛСТОГО.

Въ жизни мрачной и презрѣнной
Былъ онъ долго погруженъ;
Долго всѣ концы вселенной
Осквернялъ развратомъ онъ.
Но, исправясь понемногу,
Онъ загладилъ свой позоръ,
И теперь онъ, слава Богу,
Только что картежный воръ.

* * *

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
Разсчетъ коротокъ мой съ тобой:
Ну, такъ! я празденъ, я безъ дѣла;
А ты — бездѣльникъ дѣловой.

* * *

«Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный,
Эмилій человѣкъ *пустой*.»
Да ты чѣмъ *полонъ*, шутъ нарядный?
А, понимаю: самъ собой!
Ты полонъ дряни, милый мой!

НАБРОСКИ.

*
* *

Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой,
За ланью быстрой и пугливой
Стремится дикій Актеонъ.
Уже на чистый небосклонъ
Восходитъ блѣдная Діана—
И въ сумракѣ пускаетъ онъ
Стрѣлу послѣднюю колчана...

---

*
* *

На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный,
Твое я имя повторялъ;
Тамъ часто я бродилъ уединенный
И въ даль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

---

*
* *

И чувствую, душа (моя)
Твоей любви, тебя достойна;
Зачѣмъ же не всегда (она)
Чиста, печальна и покойна?...

---

*
* *

Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенной,
Безъ томной робости твой ловитъ свѣтлый взоръ,
Движенья милыя, игривый разговоръ,
И слѣдъ улыбки незабвенной.

1821.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

Идиллія Мосха.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ,
Заботъ и думъ слагая грузъ;
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ;
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:

Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый—
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надёжной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

8 февраля. Кіевъ.

ДІОНЕЯ.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ и неразъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя,
Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ,
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лицо твое хранитъ.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

ДѢВА.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
Пылаетъ близъ нея задумчивая младость;
Любимцы счастія, наперсники судьбы
Смиренно ей несутъ влюбленныя мольбы:
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

1821 г. февраля 14.

ЭЛЕГІЯ.

(Изъ поэмы «Кавказъ»).

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

Каменка. 22 февраля.

ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубровы и луга,
Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ высокія вершины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи,
Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манитъ,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.

Повсюду трудъ веселый и прилежной
Сады татаръ и нивы богатитъ,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ, все тамъ—очей отрада:
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златаго Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и свѣта суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
И ты, моя задумчивая лира,
Ты, вѣрная пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдешь ли вновь утраченные звуки?

И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Утихнутъ ли волненья жизни бурной?
Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?...

КЪ АГЛАѢ.

(Давыдовой).

И вы повѣрить мнѣ могли,
Какъ семилѣтная Агнеса?
Въ какомъ романѣ вы нашли,
Чтобъ *умеръ отъ любви* повѣса?
Послушайте. Вамъ тридцать лѣтъ:
Да, тридцать лѣтъ—не многимъ болѣ;
Мнѣ за двадцать. Я видѣлъ свѣтъ,
Кружился долго въ немъ на волѣ:
Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
Проказы утомить успѣли;
Вамъ также съ вашей стороны
Тревоги сердца надоѣли;
Умы давно въ насъ охладѣли,
Некстати намъ учиться вновь!
Мы знаемъ: вѣчная любовь
Живетъ едва ли три недѣли!
Я вами точно былъ плѣненъ,
Къ тому же скука... мужъ ревнивый...
Я притворился, что влюбленъ,

Вы притворились, что стыдливы...
Мы поклялись... потомъ... увы!
Потомъ забыли клятву нашу:
Себѣ гусара взяли вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись. До этихъ поръ
Все хорошо, благопристойно:
Могли бы мы безъ глупыхъ ссоръ
Жить мирно, дружно и спокойно;
Но нѣтъ! въ трагическомъ жару
Вы мнѣ сегодня поутру
Сѣдую воскресили древность:
Вы проповѣдуете вновь
Покойныхъ рыцарей любовь,
Учтивый жаръ, и грусть, и ревность...
Помилуйте, нѣтъ, право нѣтъ,
Я не дитя, хоть и поэтъ.
Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,
Вы—старшей дочери своей,
Я—своему меньшому брату.
Имъ можно съ жизнію шалить
И слезы впредь себѣ готовить;
Еще пристало имъ любить,
А намъ уже пора злословить.

Февраль — мартъ.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ,
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувши годы
У береговъ кастальскихъ водъ
Любилъ марать поэмы, оды:
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все *для иныхъ не Русью пахнетъ;*
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.

Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богинеи, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ:
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ
И, чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуку вашихъ лиръ...
Такъ точно, позабывъ сегодня
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша сводня
На шашни молодыхъ [людей].

Кишиневъ. 23 марта 1821.

КЪ ГНѢДИЧУ.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ молдаванъ.
Все тотъ же я, какъ былъ и прежде,
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ;
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію—въ слѣпой надеждѣ—
Молебновъ лести не пою,
И дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;

О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера музу намъ явилъ
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ,[1]
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца—
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны:
Онъ музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ,
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Кишиневъ. 24 марта 1821.

[1] Гнѣдичъ началъ продолжать переводъ «Иліады» Кострова александрійскими стихами съ риомами, но потомъ перешелъ къ гекзаметрамъ.

П. А. КАТЕНИНУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной? [1]
Талантовъ обожатель страстной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.
Погибни, злобы мигъ единой,
Погибни, лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селименой и Мнимой.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поноситъ;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ.

5 апрѣля

[1] А. М. Колосовой, впослѣдствіи Каратыгиной (см. выше, стр. 324).

СѢТОВАНІЕ.

(Д. В. Давыдову).

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ Наъздника читалъ,[1]
И даже ясно понималъ
Его искусные доводы;
Узналъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога,
И перевертывалъ листы,
И, признаюсь, роптalъ на Бога,
И думалъ: вѣтреный пѣвецъ!
Перебѣсилась наконецъ
Твоя проказливая лира
И, сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,
Ты видно сталъ, въ угоду міра,
Благоразумный человѣкъ!
О горе! молвилъ я сквозь слезы,
Кто далъ Давыдову совѣтъ
Оставить лавръ, оставить розы?
Какъ могъ унизиться до прозы
Вѣнчанный музою поэтъ,
Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
И тѣни Бурцова угрозы?

[1] Такъ Пушкинъ назвалъ «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія». *Давыдова.*

КИНЖАЛЪ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаёнными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...

Ты Кесаря сразилъ — и, мертвъ, объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Несчадье мятежа подъемлетъ злобный крикъ.
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ.[1]

Апостолъ гибели, усталому Анду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ;
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву-Эвмениду...[2]

О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ,[3] твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.

Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ подписи кинжалъ.

[1] Маратъ.

[2] Шарлотта Корде, убившая Марата.

[3] Студентъ Карлъ Зандъ, убившій въ 1819 г. Августа Коцебу, писателя, считавшагося въ Германіи русскимъ шпіономъ

ЧААДАЕВУ.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ.
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независтнымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный, вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;

Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но, просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?[1]
Ораторъ Лужниковъ,[2] никѣмъ не замѣчаемъ,
Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О ленетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ
И сплетней разбирать игривую затѣю,
Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою,
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,

[1] Гр. О.-П. Толстой.
[2] М. Т. Каченовскій.

Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я: но только, ради Бога,
Гони ты Шёпшина отъ нашего порога.

Кишиневъ, 6 апрѣля 1821 г.

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ однообразной
Тобой украсилъ я.
Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмелья
И праздничный бокалъ!
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ,
И музу призывалъ
На пиръ воображенья.
Прозрачный, легкій дымъ
Носился надъ тобою,
И съ трепетомъ живымъ
Въ немъ быстрой чередою
. . . . . .
. . . . . [1]

[1] Въ рукописи недостаетъ листка.

Сокровища мои
На днѣ твоемъ таятся.
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга,
И съ лѣнью примирилъ:
Она—твоя подруга!
Съ тобой успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстный...
Завѣтный твой кристалъ
Хранитъ огонь небесный;
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ вялаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То правды слогъ суровой,
То странность рѣомы новой,
Неслыханной дотоль. [1]
Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймилъ

[1] Далѣе зачеркнуто:

Любовница свободы,
Ты съ нею заодно
Прославила вино
И прелести природы;
Ты смѣху обрекла
Пустыхъ любимцевъ моды
И рѣчи и дѣла.

Зопла и невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ...
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости пѣной,
Ни ядомъ клеветы —
И сердца простоты
Ни лестью, ни измѣной
Не замарала ты.
Но здѣсь, на лонѣ лѣни,
Я слышу нѣжны пѣни
Заботливыхъ друзей...
Ужели ихъ забуду,
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль, и хореи,
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Унынiе разлуки,
Всегдашнiя мечты,
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай...
Болтливостью небрежной
И вѣтреной, и нѣжной
Ихъ сердце утѣшай...
Безпечный сынъ природы,
Пока златые годы
Въ забвенiи трачу я,
Со мною неразлучно

Живи благополучно,
Наперсница моя!

Когда же берегъ ада
Навѣкъ меня возьметъ,
Когда со мной заснетъ
Перо, моя отрада,
И ты, въ углу пустомъ
Оспротѣвъ, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихій домъ,—
Тебя возьметъ унылый
Чадаевъ, другъ мой милый.
Послѣдній будь привѣтъ
Любимцу прежнихъ лѣтъ!
Изсохшая, пустая,
Межъ двухъ его картинъ
Останься вѣкъ немая,
Укрась его каминъ.
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай,
Но вѣрнаго поэта
Друзьямъ напоминай. [1]

Кишиневъ. 11 апрѣля 1821.

[1] На стр. 404-й въ стихѣ 3-мъ слѣдуетъ поправить:

Мой вѣкъ разнообразной.

* * *

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ,
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, какъ легкій сонъ.
Ты отрока безпечнаго любила,
Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посѣтила.
Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась,
Какимъ огнемъ улыбка оживилась,
Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!

Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной:
Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
Прелестная глава благоухала:
Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала!...

Н. С. АЛЕКСѢЕВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты:
Я позабылъ любви призывы
И плѣнъ опасной красоты;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
Вздыхать—неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить—безразсудно,
Мужей обманывать—грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ!
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій, я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нѣжной?

Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Вдали штыковъ и барабановъ
Такъ точно старый инвалидъ
Встрѣчаетъ молодыхъ улановъ
И имъ о битвахъ говоритъ.
Когда любовникъ изступленной,
Тоскуя, плачетъ предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянетъ ревниваго супруга
Или докучливую мать:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И помнутнымъ повтореньямъ
Люблю съ участіемъ внимать;
Я льщу слѣпой его надеждѣ,
Я молодъ юностью чужой,
И говорю: такъ было прежде,
Во время оно, и со мной.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

(При извѣстіи о смерти Корсакова).

. . . . . Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревъ
Онѣ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
«И мы любили хороводы,
Блистали также въ насъ умы;
Но погоди, приспѣютъ годы,
И будешь то, что нынѣ мы;

Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постылетъ бѣлый свѣтъ:
Теперь играй...» Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ...
Къ чему?

Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьей
Подъ наклоненными крестами,
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ:
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой...

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?

Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ
И день великій, неизбѣжный
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на миръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ—при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ россъ—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара:
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!

Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Іюль 1821.

ЭЛЕГІЯ.

(Кн. Марьѣ Арк. Голицыной).

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстной;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
«Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.»

23 августа 1821.

КЪ***

(Къ ней же).

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пускай я радости вкушаю не вполнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцѣлуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься:
Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.

Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!

24—25 августа, въ ночь.

ВОЙНА.

Война!... Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ.
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: простая тѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье,
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Роднишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,

Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?... Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
Ничто ни заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла...
Что жъ медлитъ ужасъ боевой?
Что жъ битва первая еще не закипѣла?...

29 ноября 1821.

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ.
Твой безотрадный плачъ мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеньѣ
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ нѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѳіи свирѣпые сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ,
И по льду звучному безтрепетно идутъ.

Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой,
И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ;
Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
«О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ:
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
Чье сердце хладное, презрѣвшее харитъ,
Твое уныніе и слезы укоритъ?
Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сіи элегіи, послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
На скоскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ: а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній:
И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!...
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
Береговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

1821, декабря 26.

ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ СОЛОМОНА.

1.

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена;
Лобзай меня, твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной
И да почію безмятежной,
Пока дохнетъ веселый день
И двигнется ночная тѣнь.

(Гл. I, ст. 1—3).

2.

«Вертоградъ моей сестры,
Вертоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.»

— У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣетъ аквилонъ,
И закапаютъ ароматы.

(Гл. IV, ст. 12—17).

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Добра чужаго не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;
Но мѣру силъ моихъ ты знаешь—
Мнѣ ль нѣжнымъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю
И не хочу его села,
Не нужно мнѣ его вола:
На все спокойно я взираю.
Ни домъ его, ни скотъ, ни рабъ—
Не лестна мнѣ вся благостыня...
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи, я слабъ!
Но ежели его подруга
Мила, какъ ангелъ во-плоти—
О Боже праведный, прости
Мнѣ зависть ко блаженству друга!...

Кто сердцемъ могъ повелѣвать,
Кто рабъ усилій безполезныхъ?

Какъ можно не любить прелестныхъ?
Какъ райскихъ благъ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгій долгъ умѣю чтить:
Страшусь желаньямъ сердца льстить,
Молчу... но втайнѣ я страдаю.

КЪ ПОРТРЕТУ КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ,
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

Г-ЖѢ. ЭЙХФЕЛЬДТЪ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья
Не могутъ васъ обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну васъ плѣнить.
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня;
Одна моя надежда—Зоя:
Женюсь и буду вамъ родня...

ВАС. ЛЬВ. ДАВЫДОВУ.

Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ,[1]
Обритый рекрутъ Гименея,
Священной страстью пламенѣя,
Подъ мѣрку подойти готовъ;
Межъ тѣмъ, какъ ты, проказникъ умной,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
За ужиномъ съ бутылками Ап
Сидятъ Раевскіе мои;
Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой распустила грязь,
И съ горя на брегахъ Дуная
Бушуетъ нашъ безрукій князь,[2]
Тебя, Раевскихъ и Орлова
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя...
На этихъ дняхъ, среди собора,
М....ъ, сѣдой обжора,

[1] Мих. Оедор., тогда женихъ К. Н. Раевской.
[2] Александръ Ипсиланти.

Передъ обѣдомъ невзначай
Велѣлъ жить долго всей Россіи....
. . . . . .
. . . . . .
Я сталъ уменъ, и лицемѣрю:
Пощусь, молюсь и твердо вѣрю,
Что Богъ проститъ мои грѣхи,
Какъ государь мои стихи.
Говѣетъ Инзовъ, и намедни
Я промѣнялъ Вольтера бредни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣдни,
Да на сушеные грибы.
Однакожъ гордый мой разсудокъ
[Меня порядочно] бранитъ,
А мой непабожный желудокъ
. . . . . вовсе не варитъ....
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемля сатанѣ,
А все невольно вспоминаю.
Давыдовъ, о твоемъ винѣ...
. . . . . .
Когда и ты и милый братъ,
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенья чашу наполняли
Безпѣнной, мерзлою струей

И за здоровье *тѣхъ* и *той*
До дна, до капли выпивали....
Но *тѣ* въ Неаполѣ шалятъ,
А *та* едва ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ.
Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но,—нѣтъ!—мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся
И я скажу: Христосъ воскресъ!

Кишиневъ. Начало апрѣля.

ЭПИГРАММЫ.

НА КАЧЕНОВСКАГО.

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ.
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

---

*
* *

Лизѣ страшно полюбить—
Полно, нѣтъ ли тутъ обмана?
Берегитесь: можетъ быть,
Эта новая Діана
Притаила нѣжну страсть
И стыдливыми глазами
Ищетъ робко между вами:
Кто бы ей помогъ упасть.

---

*
* *

Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много, умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.

---

*
* *

Составленъ онъ изъ подлой спеси;
Я не видалъ негоднѣй смѣси:
Въ сраженіи онъ трусъ, въ трактирѣ онъ бурлакъ,
Въ передней онъ подлецъ, въ гостиной онъ дуракъ.

---

*
* *

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ!
Ты боленъ: это не мечты.
И то-то, братецъ, будешь съ носомъ,
Когда безъ носу будешь ты.

НАБРОСКИ.

* * *

Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ,
Что [упражняюся] стихами,
Играю смѣхомъ и слезами;
Не тѣмъ горжусь, что иногда
Мои коварные напѣвы
Смиряли въ мысляхъ юной дѣвы
Порывы страха и стыда;
Не тѣмъ, что у столба сатиры
Разврать и злобу я казнилъ,
И что разящій голосъ лиры
Виновныхъ въ ужасъ приводилъ;
Не тѣмъ, что пламеннымъ волненьемъ,
И бурями души моей,
И жаждой воли, и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межъ людей;
Иная, высшая награда
Была мнѣ рокомъ суждена·
Самолюбивыхъ думъ отрада,
Мечтанья неземнаго сна....

*
* *

Вотъ муза, рѣзвая болтунья,
Которую ты такъ любилъ.
Она раскаялась, шалунья:
Придворный тонъ ее плѣнилъ.

*
* *

Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный,
Я прихожу въ послѣдній разъ.
Любви, счастливой, безмятежной
Дѣлю съ тобой послѣдній часъ.
Впередъ одна въ надеждѣ томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первыхъ утреннихъ лучей
Не жги свѣчей.

НАЧАЛО ДВУХЪ ПОСЛАНІЙ.

1.

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
Спокойной пристани давно ли ты достигъ,
Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обветшалой:
Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталый!...

Кишиневъ.

2.

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю,
Пировъ и радости блистательный пѣвецъ!
Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки,
Раздолье ухарскихъ пировъ
И пылкую потѣху драки
И завитки своихъ усовъ.
Походную сдувая пыль,
Ты славилъ, лиру не настроя,
Любовь и мирную бутыль...

ПАВ. СЕРГ. НУЩИНУ.

(Основателю масонской ложи).

И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа—
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: «свобода!»
Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
О каменщикъ почтенный!
О Кишиневъ, о темный градъ!
Ликуй, имъ просвѣщенный.

НАЧАЛО СКАЗКИ.

Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ
Недавно жилъ, съ дѣтьми, съ женою;
Душевно почиталъ священный Алкоранъ
И счастливъ былъ своей судьбою.

Мехметъ (такъ звался онъ) прилежно цѣлый день
Смотрѣлъ за ульями, за стадомъ
И за домашнимъ виноградомъ,
Не зная, что такое лѣнь:
Жену свою любилъ; Фатима это знала
И каждый годъ ему дѣтей она рожала;
Но у татаръ ужъ такъ заведено,
По-нашему, друзья, хоть это и смѣшно.
Фатима разъ—она въ то время
Несла (любви законной) бремя,
А каждый вѣдаетъ, что въ эти времена
И даже самая степенная жена
Имѣетъ прихоти, то эти, то другія,
И Боже упаси, какія!—
Фатима говоритъ умильно муженьку:
«Мой другъ, мнѣ хочется ужасно каймаку!
Теряю я и память и разсудокъ,
Во мнѣ такъ и горитъ желудокъ.
Я не спала всю ночь, и посмотри, душа,
Сегодня вѣрно я совсѣмъ нехороша!
Всего мнѣ должно опасаться:
Не смѣю даже почесаться,
А то родится дочь съ отмѣткой на носу...
Такой я муки не снесу!
Любезный, миленькій красивый мой дружочекъ!
Достань мнѣ каймаку хоть крохотный кусочекъ!»
Мехметъ разнѣжился, собрался,
Поцѣловалъ жену, пожитки завязалъ,
И въ ближнюю долину побѣжалъ,
Чтобы порадовать больную...
Не шелъ онъ, а летѣлъ. Зато въ обратный путь
Пустился по горамъ, едва-едва шагая,

И скоро сталъ искать, совсѣмъ изнемогая,
Мѣстечка, гдѣ бы отдохнуть.
По счастью, на концѣ долины
Онъ видитъ ручеекъ...
Добрелъ до береговъ и легъ въ тѣни вѣтвей.
Журчанье водъ, деревъ вершины,
Душистая трава, прохладный вѣтерокъ,—
Все нѣжило, какъ будто говорило:
Люби иль почивай! люби....[1]

ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ САТИРЫ.

1.

Въ Геенніѣ праздникъ. Въ тьмѣ кромѣшной
Есть отдаленный уголокъ,
Откуда изгнаны навѣкъ
Надежда, миръ, любовь и сонъ,
Гдѣ свищутъ адскіе бичи,
Гдѣ море адское клокочетъ,
Гдѣ, грѣшника внимая стонъ
Ужасный, Сатана хохочетъ...

2.

«Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье?
Какой порядокъ и молчанье!
Какой огромный сводовъ рядъ!
Но гдѣ же грѣшниковъ варятъ?
Все тихо...»—Тамъ, гораздо далѣ.
«Гдѣ мы теперь?»—Въ парадной залѣ.

[1] Мехметъ располагается тутъ, какъ царь мѣста, хотя царямъ прилично спать подъ балдахиномъ, «хоть это впрочемъ мудрено».

3.

«Сегодня балъ у Сатаны...
На именины всѣ званы...
Смотри, какъ эти два бѣсенка
На кухню тащатъ поросенка...
А этотъ бѣсъ—какъ важенъ онъ!
Какъ чинно выметаетъ вонъ
Опилки, сѣру, пыль и кости...
Скажи мнѣ, скоро ль будутъ гости?»

1.

«Кто тамъ?» —Здорово, господа!
Зачѣмъ пожаловалъ сюда?»
— Привелъ я гостя. «Ахъ, Создатель!
Вотъ докторъ Фрикенъ,[1] нашъ пріятель!
Живой?» —Онъ живъ, да нашъ давно:
Сегодня ль, завтра ль—все равно!
Объ этомъ думаютъ двояко:
Обычай требовалъ, однако,
Соизволенья моего...
Но, впрочемъ, это ничего.
Вы знаете, всегда вѣдь другу
Я рада оказать услугу.»

5.

«Что козырь?» —Черви. «Мнѣ ходить.»
Я бью. «Нельзя ли погодить?»
— Беру. «Кругомъ насъ обыграла!
Эй, смерть! ты право сплутовала.

[1] Кишиневскій врачъ.

— Молчи! ты глупъ и молоденекъ:
Ужъ не тебѣ меня ловить!
Вѣдь мы играемъ не для денегъ,
А только бъ вѣчность проводить!

. . . . . .

«Я дамой... Крой!»—Я бью тузомъ.—
«Позвольте, козырь.»—Ну, пойдемъ...

КИШИНЕВСКІЯ ДАМЫ.

1.

Раззѣвавшись отъ обѣдни,
Къ Катакази ѣду въ домъ.[1]
Что за греческія бредни,
Что за греческій содомъ!
Подогнувъ подъ [спину] ноги,
За вареньемъ, средь прохладъ,
Какъ египетскіе боги.
Дамы прѣютъ и молчатъ.

2.

Признаюсь предъ всей Европой,
Хромоногая кричитъ;
Маврогеній . . . . . .[2]
Душу, сердце мнѣ томитъ!
Мужъ! вотще карманы грузно
Ты набилъ въ семьѣ моей,

. . . . . .

Маврогеній мнѣ милѣй!

[1] Губернаторъ Бессарабіи, женатый на Ипсиланти.
[2] Молдаванинъ, женатый на Стурдзѣ.

3.

Здравствуй, круглая сосѣдка.[1]
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты спесива, ты глупа.
Говорить съ тобой нѣтъ мочи.
Все прощаю! Богъ съ тобой!
Ты съ утра до темной ночи
Рада въ банкъ играть со мной.

4.

Вотъ еврейка съ Тодорашкой.[2]
Пламя пышетъ въ подлецѣ,
. . . . . ,
Пѣна на ея лицѣ.
Весь отъ ужаса хладѣю:
Ахъ, еврейка, Богъ убьетъ!
. . . . . .
. . . . . .

5.

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзилъ Амуръ,
О, чувствительная сводня,
О, краса молдавскихъ дуръ!
Смотришь, каждая дѣвица
Предъ тобою съ молодцомъ,
Ты жъ одна, моя вдовица...
. . . . . .

[1] М-me Богданъ, вдова молдавскаго боярина.
[2] Ѳедоръ Крупенскій братъ Кишиневскаго вице-губернатора.

6.

Ты умна, велерѣчива,
Кишиневская Жанлисъ,
Ты бѣла, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсисъ;
Не хочу судить я строго,
Но къ тебѣ не льнетъ душа;
Такъ послушай, ради Бога,
Будь глупа, да хороша.

* * *

Тодорашка въ васъ влюбленъ
И для вашихъ ножекъ,
Говорятъ, заводитъ онъ
Родъ какихъ-то дрожекъ.
Намъ приходитъ нелегко!
Какъ неосторожно!
Охъ, на дрожкахъ далеко
Вамъ уѣхать можно.

* * *

Оставя честь судьбѣ на произволъ,
Живая жертва фурій,
Отъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ,
И вдругъ—бѣда: казнитъ ее Меркурій!
Раскаяться приходитъ ей пора:
Она больна; глазъ пухнетъ понемногу;
Вдругъ лопнулъ онъ; что жъ дама?—Слава Богу,
Все къ лучшему . . . . . .

1822.

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,

Клюетъ, и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ.... да я!...

Кишиневъ. 1822.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хазарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:
Вопителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое:
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И спняго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы....
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могущему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачился думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ копя онъ слѣзаетъ угрюмой;

И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ устцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ;
Водой ключевою поите.»
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они помнятъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?

Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!...

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

1 марта 1822.

ЕВРЕЙКѢ.

Христосъ воскресъ, моя Ревекка!
И нынѣ, слѣдуя душой
Закону Богочеловѣка,
Погибшаго за міръ земной,
Тебя цѣлую, ангелъ мой!
А завтра къ вѣрѣ Моисея
За поцѣлуй твой, не робѣя,
Готовъ, еврейка, приступить
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

12 апрѣля, Кишиневъ.

ДРУЗЬЯМЪ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, музы васъ благословили,
Вѣнками свыше осѣня.
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суетной работой,
Не рѣзьбою плѣняла насъ;

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду скифскую поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пилъ. и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

ПТИЧКА.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
Зачто на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать!

(13 мая 1822).

* * *

Люблю вашъ сумракъ, неизвѣстной
И ваши тайные цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни, легкою толпой,
Отъ береговъ холодной Леты,
Слетаются на брегъ земной
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все намъ милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждетъ на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей...
Но, можетъ быть, мечты пустыя—
Быть можетъ, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;

Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя,
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я...

(27 мая 1822).

ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣлъ въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

1822.

ЦАРЬ НИКИТА.

(Начало сказки).

Царь Никита жилъ когда-то,
Славно, мирно и богато,
Не творя добра, ни зла,
И земля его цвѣла.
Царь трудился понемногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей,
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Милыхъ видомъ и душой.
Что за глазки—Боже мой!
Ротикъ алый, темный волосъ.
Ножки чудо! нѣжный голосъ
Васъ съ ума свести бы могъ!
Словомъ, съ головы до ногъ
Чувство, душу все плѣняло;
Одного не доставало...
Да чего же одного?

Такъ бездѣлки. ничего;
Ничего пль очень мало,
Все равно не доставало...
Какъ бы это пзъяснить.
Чтобы намъ не прогнѣвить
Богомольной важной дуры
Или чопорной цензуры...
Какъ быть. помоги мнѣ Богъ!...
. . . . . .
. . . . . .

Ихъ чудесное рожденье
Привело въ недоумѣнье
Всѣ придворныя сердца;
Грустно было для отца
И для матерей печальныхъ;
А отъ бабокъ повивальныхъ
Какъ узналъ о томъ народъ,
Съ ужасомъ разинулъ ротъ,
Охалъ, ахалъ, дивовался,
А иной хоть и смѣялся,
Да тихонько, чтобы въ путь
Отдаленный не махнуть.

Царь собралъ своихъ придворныхъ,
Нянекъ, мамушекъ покорныхъ,
Издалъ имъ такой приказъ:
«Если кто нибудь изъ васъ...
. . . . . .
То, шутить я не привыкъ,
Дамамъ вырѣжу языкъ!...»
. . . . . .

Царь былъ строгъ, но справедливъ;
А приказъ краснорѣчивъ.
Всякъ со страхомъ поклонился,
Остеречься всякъ рѣшился,
Ухо всякъ держалъ востро
И берегъ свое добро.
Жены бѣдныя боялись,
Чтобъ мужья не проболтались,
Втайнѣ думали мужья:
Провинись жена моя!...
. . . . . .
. . . . . .

ПРІЯТЕЛЮ.

Не притворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшенъ лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ.
Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петраркп не гожусь.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутаго;
Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живаго.

ЕМУ ЖЕ.

Я жду обѣщанной тетради:
Что жъ медлишь, милый трубадуръ!
Пришли ее мнѣ, Феба ради.
И награди тебя Амуръ.

Я. Н. ТОЛСТОМУ.

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?[1]
Кипишь ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмелья
По прежнему ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ, каждый часъ
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ;

[1] Первый стихъ относится къ литературному обществу *«Зеленая лампа»*, а послѣдній—къ слугѣ калмыку, которому приказано было желать здравія каждому изъ членовъ, провинившемуся пошлымъ словомъ.

Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ, и шутокъ, и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія, калмыкъ!

Кишиневъ. 26 сентября 1822.

ГРЕЧАНКѢ.

(Калипсо Полихрони).

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенія страстей.
Скажи: когда пѣвецъ Лешлы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеалъ,
Ужъ не тебя ль изображалъ
Поэтъ мучительный и милый?
Быть можетъ, въ дальней сторонѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя страдалецъ вдохновенной
Узналъ, пль видѣлъ какъ во снѣ,
И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.

Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь къ его плечу...
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ,
И, тайной грустію томимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

АДЕЛИ.

(А. А. Давыдовой).

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Часъ упоенья
Лови, лови!
Младыя лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

(Ноябрь 1822. Каменка).

КЪ ѲЕД. НИК. ГЛИНКѢ.

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

(Кишиневъ, 1822).

ЭПИГРАММЫ.

*
* *

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ; иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

22 января.

*
* *

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
Съ счастіемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не кстати,
И умны вы не впопадъ.

ЖАЛОБА.

(На Дм. Петр. Сѣверина).

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ,
А вы, вы знатный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ,
Высокородный Сѣверинъ.

Потомку предковъ благородныхъ,
Увы, никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

(На Вл. Ив. Панаева).

Куда ты холоденъ и сухъ!
Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
Какъ въ изобрѣтеньяхъ ты бѣденъ!
Какъ утомляешь ты мой слухъ!
Твоя пастушка, твой пастухъ
Должны ходить въ овчинной шубѣ:
Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
Гдѣ ты нашелъ ихъ? Въ шустеръ-клубѣ
Или на Красномъ-кабачкѣ?

---

*
* *

Невѣдомскій — поэтъ, невѣдомый никѣмъ,
Печатаетъ стихи, невѣдомо зачѣмъ.

НАБРОСКИ.

КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаѳемой игривой...

КЪ БРАТУ.

Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной;
Въ разлукѣ протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша и полною душой
Цвѣтешь для радости, для свѣта, для свободы.
Какое поприще отверзлось предъ тобой!
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій...
Какъ юный жаръ твою волнуетъ кровь!
Ты сердце пробуешь въ надеждѣ торопливой...

ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мнѣ на рюмку рома,
Приди—тряхнемъ мы стариной!
Нашъ другъ Тардифъ, любимецъ Кома,
Поварни полный генералъ,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханжи, поэта, балагура,
Тардифъ,[1] который Коленкура
И откормилъ и обокралъ,
Тардифъ, полиціей гонимый
За неоплатные долги,
Тардифъ, умомъ непстощимый
На entre-mets, на пироги...

* * *

Мой другъ, уже три дня
Сижу я подъ арестомъ
И не видался я
Давно съ моимъ Орестомъ:[2]
Спаситель молдаванъ,
Бахметьева намѣстникъ,
Законовъ провозвѣстникъ,
Смиренный Іоаннъ,[3]
За то, что ясскій панъ,
Извѣстный намъ болванъ

[1] Тардифъ—петербургскій кухмистеръ, жившій тогда въ Кишиневѣ. Коленкуръ—французскій посолъ въ Россіи.

[2] Можетъ быть, И. С. Алексѣевъ.

[3] Ив. Никитичъ Инзовъ, главный попечитель колонистовъ Южнаго Края, подъ наблюденіе котораго былъ посланъ Пушкинъ.

Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трусъ, и грубіянъ,
Побитъ немножко мною [1]
И что бояръ пугнулъ
Я новою тревогой,
Къ моей каморкѣ строгой
Приставилъ караулъ...[2]
. . . . . .
Невинною игрою,
А именно—мараю
Небрежныя черты,
Пишу карикатуры,
Знакомыхъ столько лицъ,
Восточныя фигуры
Е....выхъ куконицъ,
И ихъ мужей рогатыхъ,
Обритыхъ и брадатыхъ!...

КЪ ***.

Ты правъ, мой другъ! напрасно я презрѣлъ
Дары природы благосклонной;
Я зналъ досугъ—безпечныхъ музъ удѣлъ,
И наслажденье лѣнью сонной.

Я дружбу зналъ, и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтреные годы,
И вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веселій и свободы.

[1] Молдавскій боярин Теодоръ Балшъ.
[2] Недостаетъ листа.

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье!

Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
Душа часъ-отъ-часу нѣмѣетъ,
Въ ней чувства нѣтъ уже. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ кавказскихъ каменѣетъ.

И свѣтъ, и дружбу и любовь
Въ нихъ наготѣ отнынѣ вижу—
Но все прошло! остыла въ сердцѣ кровь,
Ужасный опытъ ненавижу...

* * *

Красы Лаисъ, завѣтные пиры
И клики радости безумной,
И мирныхъ музъ минутные дары,
И лепетанье славы шумной...

Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
Я вижу призракъ безобразный...
Но что жъ теперь тревожитъ хладный миръ
Души безчувственной и праздной?

Любилъ я славу и любовь
И многому я въ жизни вѣрилъ,
Когда еще кипѣла въ сердцѣ кровь
И самъ съ собой я лицемѣрилъ...

*
* *

Пиры, любовницы, друзья
Исчезли съ милыми мечтами,
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами.
Такъ свѣчи, въ долгу ночь горѣвъ
Для рѣзвыхъ юношей и дѣвъ,
Въ концѣ безумныхъ пированій
Блѣднѣютъ предъ лучами дня...

*
* *

Я говорилъ предъ хладною толпой,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный—
Я замолчалъ...

ТАВРИДА.

Gieb meine Jugend mir zurück.

Страсти мои утихаютъ, тишина царитъ въ душѣ моей, ненависть, раскаяніе, все исчезаетъ,—любовь, одушевленіе...

Покойны чувства, ясенъ умъ,
Пью съ воздухомъ любви томленье,
Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье.
Какой-то нѣгой неизвѣстной,
Какой-то грустью полонъ я!
Одушевленныя поля,
Холмы Тавриды, край прелестный,
Тебя я посѣщаю вновь,
Пью (снова) воздухъ сладострастья,

Вездѣ мнѣ слышенъ тайный гласъ
Давно затерянаго счастья...
Счастливый край, гдѣ блещутъ воды,
Лаская пышные брега,
И свѣтлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Гдѣ скалъ нахмуренные своды...

* * *

Какъ наше сердце своенравно!
Томимый вновь,
Я умолялъ тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьемъ, нѣжностью притворной
Одушевлять свой дивный взглядъ,
Играть душой моей покорной,
Въ нее вливать огонь и ядъ...
Ты согласилась, нѣгой влажной
Наполнился твой южный взоръ,
Твой видъ задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговоръ.
И то, что дозволяешь нѣжно,
И то, что запрещаешь мнѣ,
Все впечатлѣлось неизбѣжно
Въ моей сердечной глубинѣ...

*
* *

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей, вѣнчанныя крестами,
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами;
Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ не рубленныя рощи;
Издавна почивали тамъ
Угодниковъ святыя мощи...

---

*
* *

Зачѣмъ раздался громъ войны
Во славномъ царствѣ Зензевея,
Поля и села зажжены...
. . . . . .
Въ Арменію, въ палаты Зензевея,
Съѣзжаются могучіе цари,
Царевичи, князья, богатыри,
Армянскій царь ихъ ласково встрѣчаетъ
. . . . . .
И съ ними добрый Зензевей
Пируетъ ровно сорокъ дней.
. . . . . .
Себѣ ты выбралъ, Зензевей,
Кого союзникомъ и другомъ?
Кто будетъ счастливымъ супругомъ
Царевны, дочери твоей?
Она мила, какъ ландышъ мая,
Рѣзва, какъ лань кавказскихъ горъ...

30 іюня.

---

* * *

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
. . . . . .
Вы, бури, вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? символъ свободы,
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!

* * *

Въ голубомъ эѳира полѣ
Блещетъ мѣсяцъ золотой;
Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой...

* * *

Венерѣ, Фебу и Ѳемидѣ
Полезно посвящая дни,
Дозоромъ ѣздятъ по Тавридѣ
И проповѣдуютъ Парни.

1823.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телегу;
Мы погоняемъ съ ямщикомъ,
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: валяй по всѣмъ по тремъ!...

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Порастрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Катитъ попрежнему телега.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

ДЕМОНЪ.

(А. Н. Раевскому).

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія—
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья:
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Непстощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;

Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

КЪ КН. М. А. ГОЛИЦЫНОЙ.

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла —
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно! Въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А, можетъ быть, и вдохновеньемъ.

Одесса.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Граф. Собаньской).

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, въ тишинѣ,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я.

(1823. Одесса).

ЭЛЕГІЯ.

(Г-жѣ Ризничъ).

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ дарить надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводитъ ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвитъ, любви не выражая.

Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...
Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?...
Но я любимъ... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.

Октябрь.

*
* *

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой:
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
Одна... ничьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоенъ;
. . . . . .
Но если . . . . . .

НОЧЬ.

Мой голосъ для тебя и ласковый и томной
Тревожитъ позднее молчанье ночи темной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,
Текутъ. ручьи любви, текутъ полны тобою.
Во тьмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
«Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя... твоя.»

26 октября.

ОТРЫВОКЪ.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ—и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли.

И дѣлу своему владыка самъ дивился.
«Се благо!» думалъ онъ—и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ Царскосельскихъ лиръ до башенъ Гибралтара:
Все молча ждетъ удара—
Все пало, подъ ярмомъ склонились всѣ главы.

«Свершилось!» молвилъ онъ. «Давно ль народы міра
Паденье славили великаго кумира?
. . . . . .

«Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла,
Надеждой новою Германія кипѣла,
Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Ужъ правила свобода,
И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?

«Давно ль?—И гдѣ же вы, зиждители свободы?
Ну, что жъ? Витійствуйте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
Вотъ Кесарь—гдѣ же Брутъ? О, грозные витіи,
Цѣлуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу!

Онъ рекъ—и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ;
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи...
Раздался бой полночи—
И се, внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранніе сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей—
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.

Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкѣ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ иль позоромъ
Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ...

* * *

Возстань, о Греція, возстань!
Недаромъ напрягаешь силы,
Недаромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Өермопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла.

Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги,
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!

* * *

(На Воронцова).

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.
«Я очень радъ», сказалъ усердный льстецъ:
«Отъ одного мерзавца міръ избавленъ.»
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ—
Всѣхъ удивилъ нежданый приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я—но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться этакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такаго доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И въ самой подлости оттѣнокъ благородства.

Ноябрь.

*
* *

Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя.

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды...
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичъ.

1 декабря 1823.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

КН. А. Н. ГОЛИЦЫНУ.[1]

Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился,
И радость райскую принесъ съ собою къ намъ;
Но, житель горнихъ мѣстъ, ты міромъ не прельстился,
И снова отлетѣлъ въ отчизну къ небесамъ.

---

[1] Сынъ кн. Ник. Бор. и кн. Елены Ал. (рожд. кн. Салтыковой), родился 22 апрѣля 1822, умеръ 18 мая 1823.

НАБРОСКИ.

В. П. ГОРЧАКОВУ.

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ-нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ,
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варѳоломей...[1]

Кишиневъ. Январь 1823.

НА А. С. СТУРДЗУ.

Я вкругъ Стурдзы хожу
Вкругъ библическаго;
Я на Стурдзу гляжу
Монархическаго.

---

[1] Богатый кишиневскій бояринъ.

ГОРОДЪ КИШИНЕВЪ.

(Изъ письма къ Ф. Ф. Вигелю).

Проклятый городъ Кишиневъ!
Тебя бранить—языкъ устанетъ!
Когда-нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ, конечно, грянетъ—
И не найду твоихъ слѣдовъ!
Падутъ, погибнутъ пламенѣя
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варѳоломея.
Такъ, если вѣрить Моисею,
Погибъ несчастливый Содомъ;
Но только съ этимъ городкомъ
Я Кишиневъ равнять не смѣю.
Я слишкомъ съ библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ:
Содомъ, ты знаешь, былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, нравами,
Гостепріимными домами
И красотою стройныхъ дѣвъ;

Мнѣ жаль, что пламенемъ, громами
Его сразилъ Еговы гнѣвъ...
. . . . . .
Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта
Избранный Богомъ человѣкъ
Провелъ бы тамъ свой мирный вѣкъ.
Но въ Кишиневѣ, видишь самъ,
Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалѣю о твоей судьбѣ;
Не знаю, придутъ ли къ тебѣ
Подъ вечеръ милыхъ три красавца.
На всякій случай, милый другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Прощусь съ Одессою, явлюсь я...
Тебѣ служить я буду радъ
Своей бесѣдою шальною,
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель, пощади . . . . .

Одесса. Декабрь 1823.

1824.

АЛЕКСАНДРУ ЛЬВОВИЧУ ДАВЫДОВУ.

(На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма).

Нельзя, мой толстый Аристипъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду.
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

ПІОСТРАНКѢ.

(Въ альбомъ).

На языкѣ, тебѣ невиятномъ,
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукѣ чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя.
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.

Veux-tu m'aimer! 18, 19 mai 1824, pl. de Deguilly.

ЭПИГРАММЫ.

*
* *

Тимковскій царствовалъ—и всѣ твердили вслухъ,
Что врядъ ли гдѣословъ найдешь подобныхъ двухъ.
Явился Бируковъ, за нимъ вослѣдъ Красовскій:
Ну, право, ихъ умнѣй покойный былъ Тимковскій.

Одесса. Іюнь 1824.

НА ВОРОНЦОВА.

1.

Полумилордъ, полукупецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда,
Полуподлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

Іюнь.

2.

Не знаю гдѣ, но не у насъ
Достопочтенный лордъ Мидасъ,
Съ душой посредственной и низкой,
Чтобъ не упасть дорогой склизкой,

Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
И сталъ извѣстный господинъ.
Еще два слова объ Мидасѣ:
Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Глубокихъ замысловъ и думъ;
Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
Зато былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
Льстецы героя моего,
Не зная, какъ хвалить его,
Провозгласить рѣшились тонкимъ...[1]

ЭКСПРОМТЪ.

(На оберткѣ дѣла).

Саранча летѣла, летѣла
И сѣла.
Сидѣла, сидѣла—все съѣла
И вновь улетѣла.

[1] Эту эпиграмму Пушкинъ напечаталъ въ своихъ «Отрывкахъ изъ писемъ» и пр., а въ рукописяхъ его В. Е. Якушкинъ нашелъ еще черновой набросокъ, который приводимъ, не ручаясь за правильность своего чтенія двухъ послѣднихъ крайне неразборчивыхъ строкъ:

Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ,
Но повалилъ же Голіаѳа,
Который былъ (и) генералъ,
И поло(женьемъ выше) Графа.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!

Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей:
Но ты взыгралъ, неодолимый,
И стая тонетъ кораблей.

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль самовластье, иль тиранъ.

Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Одесса.

АКВИЛОНЪ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался;
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты пропумѣлъ грозой и славой—
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавой.

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

1824 г. Михайловское.

ПРОЗЕРПИНА.

(Подражаніе Парни).

Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ анда бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льститъ измѣна:
Прозерпинѣ смертный милъ.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ къ анду ихъ несетъ:
Мчатся, облакомъ одѣты;

Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной негѣ тонетъ,
И молчитъ, и томно стонетъ...
Но бѣгутъ любви часы;
Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ.
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливца за собой
Изъ элизія выводитъ
Потаенною тропой;
И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣній ложный рой.

26 августа 1824.

ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Ночной зефиръ
Струитъ эоиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звонъ...
Вотъ испанка молодая
Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
Струитъ эоиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркой день!

Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ!
Давно бъ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;

Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ,
Влачу закованные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье.
Моихъ надеждъ не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой Арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елизаветы
И дворъ и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобою;
И музъ возвышенный пророкъ,
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ,
И наша троица прославитъ
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульной,
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудимъ шумные пиры,
Вниманье дружное преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ,
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Михайловское, 20 сентября 1824.

А. Н. ВУЛЬФУ.

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскій прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ!
Что?... Бутылокъ полный ящикъ.
Запируемъ—ужъ молчи!
Чудо—жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы;
Мы же: то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Михайловское. 20 сентября.

П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Ты издалъ дядю моего,
Творца «Опаснаго Сосѣда»;
Достоинъ очень онъ того,
Хотя покойная Бесѣда
И не вѣнчала ликъ его.
Теперь издай меня, пріятель,
Плоды пустыхъ *моихъ* трудовъ.
Когда ты будешь *свой* издатель?...
. . . . . .

Сентябрь—октябрь.

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Стишки для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть,
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
Итакъ рѣшите; жду я слова:
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя ль узнать?

ПОЭТЪ.

Я былъ далеко:
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,

Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вплись, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ

Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыдным торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрной.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады;
Вы разошлися по рукамъ,
Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждутъ себѣ чтецовъ,
И вѣтреной ея награды.

ПОЭТЪ.

Блаженъ, кто про себя таплъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы не увитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковскій то же говорилъ:
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямъ, завиденъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на кіевскій тронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы проситъ:
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

ПОЭТЪ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бурь жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Мои слова, мои напѣвы,
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда;
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;

Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои!
Но полно! въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображенье:
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ впушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно:
Мнѣ стыдно вдоловъ монхъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ, лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, если бъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя: но исключеній
Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?

Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей,
И вашихъ пѣсенъ не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы.

ПОЭТЪ.

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучитъ онъ.
И что жъ? Какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранитъ ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?
. . . . . .
И что жъ? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ:
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была—предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,

Я находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.
Ахъ, мысль о *той* души завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужно ей.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Итакъ, любовью утомленный,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что жъ изберете вы?

ПОЭТЪ.

Свободу.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ;
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.

Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого творенье;
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы;
Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
За ними тощіе пѣвцы:
Кто проситъ пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера,
И, признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

ПОЭТЪ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись.
Условимся.

26 сентября, въ Михайловскомъ.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ ЦЕНЗОРУ.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой,
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У насъ писатели я знаю каковы;
Ихъ мыслей не тѣснитъ цензурная расправа,
И чистая душа передъ тобою права.
Вопервыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
Нерѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
Людской безсмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Бунпной [1] единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожитъ:
Тотъ англійскій романъ съ французскаго преложитъ,
Тотъ оду сочинитъ, потѣя да кряхтя,
Иной трагедію напишетъ намъ шутя —
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсися,
Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.

[1] Анна Петровна, поэтесса.

Такъ! цензоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ
Умъ чтеньемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюффонъ,
Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье —
А долженъ посвятить безплодное вниманье
На бредни новыя какого-то враля,
Которому досугъ пѣть рощи, да поля...
Да связь утратя въ нихъ, ищи ее сначала,
Или вымарывай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань:
Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.

Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священный!
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
Но мнѣнья не тѣснитъ и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и правовъ
Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
Закону преданный, отечество любя,
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
Онъ другъ писателю, предъ знатью не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно бъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру — пасквилемъ, поэзію — развратомъ,
Гласъ правды — мятежемъ, Куницына — Маратомъ.
Рѣшилъ, — а тамъ поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебѣ, не видимъ книгъ доселѣ?

И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
То, славу русскую и здравый умъ любя,
Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты,
Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутные цвѣты...
О варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца «Пировъ»,[1] столь чистый, благородный—
Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ.
Подозрѣвая всѣхъ — во всемъ ты видишь ядъ.
Оставь, пожалуй, трудъ нимало не похвальный:
Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный,
И, право, никогда искусный коновалъ
Излишней пылкости Пегаса не лишалъ.
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы—
Осмѣивать законъ, правительство и правы.
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ не знавалъ тебя—мы знаемъ почему —
И рукопись его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ,
И Пушкина стихи въ печати не бывали—
Что нужды? Ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое несешь—и въ нашъ премудрый вѣкъ

[1] Баратынскій.

Едва ли Шаликовъ не вредный человѣкъ.[1]
Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты «Наказъ» Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ;
Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица;
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры;
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ,
Наперсникъ Душеньки[2] двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала—
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бъ раздѣлались они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зерцало—
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать...
Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди, и печать!
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
Когда невѣжества несла Россія бремя;
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.
Исправься жъ, будь умнѣй и примирися съ нами.

[1] Издатель «Моск. Зрителя» и «Дамскаго Журнала».
[2] Богдановичъ.

«Все правда, скажешь ты, не стану спорить съ вами;
Но можно ль цензору по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить.
Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
Читаю, да крещусь—мараю наудачу...
На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
А нынче и Миллотъ[1] попался въ наши сѣти.
Я бѣдный человѣкъ; къ тому жъ жена и дѣти...»
Жена и дѣти, другъ, повѣрь—большое зло:
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
Но дѣлать нечего! такъ если невозможно
Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно
И службою своей ты пуженъ для царя,
Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

[1] Авторъ «Всеобщей Исторіи» въ 14 частяхъ.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ ЦЕНЗОРУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ,
Позволь обнять тебя, мой прежній собесѣдникъ!
Недавно, тяжкою цензурой угнетенъ,
Послѣднихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
Потѣшилъ языка бранчивую свербежъ;
Но извини меня, мнѣ было невтерпежъ.
Теперь, въ моей глуши журналы раздирая,
И бѣдной братіи стишонки разбирая
(Теперь же мнѣ читать охота и досугъ),
Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новый.
Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
И твердостью души, и смѣлостью ума.
Какъ изумилася поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
Завѣтныя слова: *божественный, небесный*—
И ими назвалась (для рѳмы) красота,
Не оскорбляя тѣмъ ужъ Господа-Христа.

Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило
И права твоего кичливость усмирило?
Свои посланія хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою,
Но, подразнивъ тебя, я перемѣной сею
Пріятно изумленъ, гордиться не посмѣю.
Отнесся я къ тебѣ по долгу своему;
Но мнѣ ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю, кому
Сей важной новостью обязана Россія:
Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ.
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ:
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ дней укрылъ онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ,[1]
Омара да Гали пріявъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушить старался просвѣщенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,[2]
И помогалъ ему Магницкій благородный,[3]
Мужъ твердый въ правилахъ, съ душою превосходной,
И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачокъ,[4]

[1] Кн. Голицынъ, министръ народнаго просвѣщенія.

[2] Авторъ «Исторіи Малороссіи», тогда остановленной.

[3] Попечитель Казанскаго уч. округа, гонитель просвѣщенія.

[4] Дм. Ал. Кавелинъ—первый директоръ Спб. университета, извѣстный по дѣлу Спб. профессоровъ и Галича.

Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки
Вы были преданы, печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно! мрачная година протекла,
И ярче ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я, съ перемѣною несчастнаго правленья,
Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ;
Но, самъ не знаю какъ, ты, видно, устоялъ.
Итакъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить:
Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ у тебя,
Чтобъ, всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
Права свои храни по долгу своему;
Но скромной истинѣ, по мирному уму,
И даже глупости, невинной и довольной,
Не заграждай пути заставой своевольной,
И если ты въ плодахъ досужнаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
Престоловъ, алтарей и нравовъ супостата,
То, славы автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

КОВАРНОСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою;
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою!»
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...»
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;

Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей—
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

18-го октября 1824. Михайловское.

ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ.

(Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire...).

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ:
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали,
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?... Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты втайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь.
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никто на праздникѣ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.[1]

(Посвящено Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой).

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечомъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой:[2]

[1] «Нечестивые, пишетъ Магометъ (глава *Награды*), думаютъ, что Коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басенъ». Мнѣніе сихъ *нечестивыхъ*, конечно, справедливо; но, несмотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ Коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ или третьемъ лицѣ. — (Примѣчаніе Пушкина, какъ и всѣ прочія).

[2] Въ другихъ мѣстахъ Корана, Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелью и порокомъ, ангелами и человѣкомъ, и проч. Странный сей реторическій оборотъ встрѣчается въ Коранѣ поминутно.

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоплъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой Коранъ
Дрожащей тварп проповѣдуй.

II.

О жены чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью тишины
Живите скромно: вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.

А вы, о гости Магомета!
Стекаясь къ вечери его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.

Въ парены думъ благочестивыхъ,
Не любитъ онъ велерѣчивыхъ
И словъ нескромныхъ и пустыхъ:
Почтите миръ его смиреньемъ,
И цѣломудренным склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ.[1]

III.

Смутясь, нахмурился пророкъ,
Слѣпца послышавъ приближенье:[2]
Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
Ему являть недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ:
Спокойно возвѣщай Коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!

Почто жъ кичится человѣкъ?
За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышетъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умретъ, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умертвитъ,
И воскреситъ его по волѣ?
Что съ неба дни его хранитъ
И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?

[1] Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скроменъ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться» и проч. Ревность араба такъ и дышетъ въ сихъ заповѣдяхъ.

[2] Изъ книги: «Слѣпецъ» (Въ изд. 1826 г. было добавлено: «Вотъ почему слово сіе почитается у турокъ за жесточайшую брань»).

За то ль, что далъ ему плоды,
И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ, и холмъ, и ниву?

Но дважды ангелъ вострубитъ;
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.

И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ тобою древле, о всесильный,
Могучій состязаться мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: «я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.»
«Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
И также смертью наказую,
Съ тобою, Боже, равенъ я.
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва твоего:
«Подъемлю солнце я съ востока;
Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой.[1]

Зажегъ ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ ленъ, елеемъ напоенный,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

Творцу молитесь; онъ могучій:
Онъ правитъ вѣтромъ; въ знойный день
На небо насылаетъ тучи;
Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: онъ Магомету
Открылъ сіяющій Коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,
И да падетъ съ очей туманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О, дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

[1] Плохая физика, но зато какая смѣлая поэзія.

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возьмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьѣ:
Теперь они вошли въ эдемъ,
И потонули въ наслажденьѣ,
Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горитъ.
Сердечной молитвой,
Пророкъ, удали
Печальныя мысли.
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ разсчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О сѣятель благополучной,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань;
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильной,
Исчезнутъ, Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога роптalъ,
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи,
И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
И многіе годы надъ нимъ протекли,
По волѣ владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
«Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?»
И онъ отвѣчаетъ: «ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.»

Но голосъ: «о путникъ, ты долѣе спалъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
Ужъ пальма истлѣла, а кладязь холодной
Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей:
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.»

И горемъ объятый, мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ...
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой:
Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой.

И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу, и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

ПРИЗНАНІЕ.

(Александрѣ Иван. Осиповой).

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь,
Хоть это трудъ и стыдъ напрасной:
И въ этой глупости несчастной
У вашихъ ногъ я признаюсь!
Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ...
Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
Болѣзнь любви въ душѣ моей:
Безъ васъ мнѣ скучно, я зѣваю;
При васъ мнѣ грустно, я терплю;
И мочи нѣтъ, сказать желаю,
Мой ангелъ, какъ я васъ люблю!
Когда я слышу изъ гостиной
Вашъ легкій шагъ, иль платья шумъ,
Иль голосъ дѣвственный, невинной,
Я вдругъ теряю весь свой умъ.
Вы улыбнетесь—мнѣ отрада;
Вы отвернетесь—мнѣ тоска;
За день мученія—награда
Мнѣ ваша блѣдная рука.

Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя,
Я въ умиленьѣ, молча, нѣжно,
Любуюсь вами какъ дитя!...
Сказать ли вамъ мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, въ ненастье,
Вы собираетеся въ даль?
И ваши слезы въ одиночку,
И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
И путешествіе въ Опочку,
И фортепьяно вечеркомъ...
Алина, сжальтесь надо мною!
Не смѣю требовать любви:
Быть можетъ за грѣхи мои,
Мой ангелъ, я любви не стою!
Но притворитесь: этотъ взглядъ
Все можетъ выразить такъ чудно!
Ахъ, обмануть меня не трудно:
Я самъ обманываться радъ!...

КЪ ***.

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки;
Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я.
За что же гнѣвъ такой? Не знаю!
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой—
А потому и повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангелъ мой!

КЪ ***.

Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ
Сравнилъ онъ съ радугой живою:
Вы милы, какъ она, для глазъ
И, какъ она, премѣнчивы душою.
И съ розой схожи вы, блеснувшею весной:
Вы такъ же, какъ она, предъ нами
Цвѣтете пышною красой
И также колетесь — Богъ съ вами!
Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно!
Да! чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ и умомъ,
И такъ же холодны, конечно!
Сравненья прочія не столько хороши;
Поэтъ не виноватъ — сравненья неудобны:
Вы прелестью лица и прелестью души,
Къ несчастью, безподобны!

(1824, сентябрь—октябрь?)

ОДА.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ.

Съ примѣчаніями автора.

Султанъ ярится.[1] Кровь Эллады
И рѣзво скачетъ,[2] и кипитъ.
Открылись Грекамъ древни клады,[3]
Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Питтъ.[4]
И се—летитъ продерзко судно
И мещетъ громы обоюдно:
Се Бейронъ, Феба образецъ,
Притекъ—но недугъ быстропарный,[5]
Строптивый и неблагодарный,
Взнесъ смерти на него рѣзецъ.

Пѣвецъ безсмертный и маститый!
Тебя Эллада днесь зоветъ
На мѣсто тѣни знаменитой,
Предъ коей Церберъ днесь реветъ!

[1] Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику.— [2] Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ г. Грибоѣдову.— [3] Подъ словомъ *клады* должно разумѣть правдивую ненависть нынѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Мильтіадовъ къ жестокимъ чалмоносцамъ.— [4] Г. Питтъ, знаменитый Англійскій Министръ и извѣстный противникъ свободы.— [5] Горячка.

Какъ *здѣсь*, ты будешь *тамъ* сенаторъ,
Какъ *здѣсь*—почтенный литераторъ;
Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ.
Гдѣ отъ крови земля промокла:
Перикла лавръ, лавръ Ѳемистокла!
Лети туда, Хвостовъ нашъ, самъ!

Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба,
Гремѣла и правдива лесть.
Онъ Лордъ — Графъ ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть —
Никакъ! Ты съ вѣрною супругой[6]
Подъ бременемъ судьбы упругой
Живешь въ любви—и наконецъ
Глубокъ онъ, но единобразенъ!
А ты глубокъ, игривъ и разенъ —
И въ шалостяхъ ты впрямъ пѣвецъ.

А я—невѣдомый Пиита –
Въ восторгѣ новомъ воспою
Вослѣдъ Пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бѣгущу,
Да Бейрона онъ узритъ кущу[7]

[6] Графиня... Хвостова, урожденная Княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темирою. (См. послѣднее замѣч. къ Одѣ: Заздравный кубокъ).

[7] Подражаніе Его Высокопревосходительству Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитріеву, знаменитому другу графа Хвостова:

Къ тебѣ я руки простиралъ,
Уже изъ отческія кущи
Взирая на суда бѣгущи.

И да блюдутъ твой мирный сонъ[8]
Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
Гебея, Психа, Кронъ, Астрея,
Фебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ.

[8] Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благословенной Эллады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ продерзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны, дабы узрѣть того, кто ниспошлетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней поклонниковъ лже-Пророка; Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея (Венера) осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подъемлетъ кубокъ за здравіе его; Психа, во образѣ Ипполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликуетъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго Пииты.

* * *

Презрѣвъ и шопотъ укоризны.
И зовъ обманутыхъ надеждъ.
Иду въ чужбину, прахъ отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
Умолкни, сердца шопотъ сонный.
Привычки и довольства гласъ!
Прости предѣлъ неблагосклонный.
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тиши.
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивыхъ души...
А ты — въ опасный день разлуки
Забылъ для брата о себѣ!
Соединимъ же братски руки
И покоримся мы судьбѣ.
Благослови побѣгъ поэта...

. . . . . .

Умолкнетъ онъ подъ небомъ дальнымъ.
Умолкнетъ въ чуждой сторонѣ.....

*
* *

Дѣдушка игуменъ
Былъ ли намъ пріятенъ?
Жилъ ли онъ межъ гуменъ
Иль межъ голубятенъ?
Дѣвушкамъ-красоткамъ
Онъ ли строилъ куры?
Бабушкамъ-devot'камъ
Говорилъ ли: куры
Отчего несутся?...
. . . . . .

*
* *

Воспитанный подъ барабаномъ,
Нашъ Ц** лихимъ былъ капитаномъ:
Подъ Австерлицемъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году дрожалъ,
Зато былъ фрунтовой профессоръ!
Но фрунтъ герою надоѣлъ—
Теперь коллежскій онъ ассесоръ
По части иностранныхъ дѣлъ.

НА ПЕТЕРБУРГСКОЕ НАВОДНЕНІЕ.

Напрасно ахнула Европа:
Не унывайте, не бѣда!
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась «Полярная Звѣзда».
Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты—
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди, и скоты.

Ноябрь.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. Г. РОДЗЯНКО.

Прости, украинскій мудрецъ,
Намѣстникъ Феба и Пріапа!
Твоя соломенная шляпа
Завиднѣй, чѣмъ иной вѣнецъ.
Твой Римъ—деревня, ты—мой папа,
Благослови жъ меня, пѣвецъ!

8 декабря 1824.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ БРАТУ.

Что же? Будетъ ли вино,
Лайонъ? Жду его давно.
Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ.
Погребъ мой гостепріимной
Радъ мадерѣ золотой,
И подъ пробкой смоляной
Сенъ-Пере бутылкѣ длинной.
Въ лѣта юныя мои
Поэтическій Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви,
Или юности безумной...
. . . . . .

Михайловское. Декабрь.

ЭПИГРАММЫ.

* * *

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зоилъ
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки.

* * *

Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ,
Онъ другъ Венеры и пировъ,
Онъ на обѣдахъ—богъ обѣдовъ,
Въ своихъ садахъ—онъ богъ садовъ.

ГРАФУ О...

Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена,
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою.
И вы, бывало, пировали,
Кремля [торжествовали] плѣнъ;
И мы о камень падшихъ стѣнъ
Младенцевъ вашихъ разбивали,
Когда . . . . . топтали
Красу Костюшкиныхъ знаменъ.....

И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ;
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнетъ . . . . . .
Любовь народнаго врага.
Но огнь поэзіи чудесный
Сердца враждебныя дружитъ.....

НАБРОСКИ.

* * *

Все кончено! межъ нами связи нѣтъ!
Въ послѣдній разъ, обнявъ твои колѣни,
Произнесли я горестныя пени:
„Все кончено!» я слышу твой отвѣтъ....

* * *

Едва уста краснорѣчивы
Тебя коснулися — и вмигъ
Его ума огонь игривый
Въ тебя таинственно проникъ.

Кристаллъ, поэтомъ обновленной,
Укрась мой тихій уголокъ,
Залогъ поэзіи священной
И дружбы сладостной залогъ.

Въ тебѣ таится жаръ цѣлебной.....

* * *

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читалъ я сладостный Коранъ,
Внезапно ангелъ утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.
Его таинственная сила.....
. . . . . .
Слова святыя начертила
На немъ безвѣстная рука.

* * *

Надо мной въ лазури ясной
Свѣтитъ звѣздочка одна:
Справа западъ темнокрасный,
Слѣва блѣдная луна.

* * *

Стою печально на кладбищѣ;
Гляжу—кругомъ обнажено
Святое смерти пепелище
И стенью лишь окружено.
И мимо вѣчнаго ночлега
Дорога сельская лежитъ...

* * *

Два чувства равно близки намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ...

* * *

Забывъ и рощу и свободу.
Невольникъ чижикъ надо мной
Зерно клюетъ и брызжетъ воду,
И пѣснью тѣшится живой...

МЛАДЕНЦУ.

Дитя, не смѣю надъ тобой
Произносить благословенья,
Ты тихій ангелъ утѣшенья,
Да будетъ ясенъ жребій твой...

* * *

Мнѣ жаль Великія Жены.
Жены, которая любила
И ради славы дымъ войны.
И дымъ парнасскаго кадила.
Въ аллеяхъ Царскаго Села
Она съ Державинымъ, съ Орловымъ
Бесѣды мудрыя вела...
Любила въ ..... чай пила.
. . . . . иногда
. . . . . .
. . . . . .
Старушка умная жила
Пріятно . . . . . .
Вольтеру первый другъ была,

Наказъ писала, флоты жгла,
И умерла . . . . . .
Съ тѣхъ поръ во всей Россіи мгла...
Россія! бѣдная держава!
Съ Екатериной умерла
Екатерининская слава.[1]

[1] Въ черновой рукописи всего 20 стиховъ, изъ которыхъ 5—6 не поддаются разбору. Исправленнаго текста не сохранилось, но во многихъ спискахъ встрѣчается варіантъ этого стихотворенія.

ОГЛАВЛЕНІЕ 1-го ТОМА.

стран.

Предисловіе 1

1812.

Пѣсня: О Делія драгая!. 1
Делія 3
Измѣны (Къ графинѣ Н. В. Кочубей) 4

1814.

Къ сестрѣ 7
Къ другу стихотворцу 12
Кольна (Подражаніе Оссіану) 16
Эвлега (Изъ поэмы Парни: Isnel et Asléga) 22
Осгаръ (Подражаніе Парни) 25
Леда. Кантата (Подражаніе Парни) 29
Венерѣ отъ Лаисы 32
Красавицѣ, которая нюхала табакъ (Кн. С. М. Горчаковой) 33
Stances (Княжнѣ Е. М. Горчаковой) 35
Къ Натальѣ 36
Къ молодой актрисѣ (Ей же) 39
Опытность 42
Блаженство 44
Пирующіе студенты 48
Къ Батюшкову: Философъ рѣзвый и пѣнтъ... 52
Къ Н. Г. Ломоносову 56
Романсъ: Подъ-вечеръ, осенью ненастной... 57
Mon portrait (Барону И. Ѳ. Гревеницу) 59

стран.
Городокъ 61
Козакъ 76
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ 79
Эпиграммы:
I. Подражаніе французскому 86
II. На гр. А. К. Разумовскаго . . . . . —
III. Несчастіе Клита (На Кюхельбекера) 87
IV. На поэму кн. С. А. Ширинскаго-Шихматова . . . —
V. Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую . . . . . —

1815.

Къ Дельвигу: Послушай, музъ невинныхъ... 88
Лицинію 91
Бова (Отрывокъ изъ поэмы) 94
Наполеонъ на Эльбѣ 101
Старикъ (Изъ Марота) 108
Разсудокъ и любовь 109
Гробъ Анакреона 111
Мое завѣщаніе друзьямъ 113
Вода и вино 116
Погребъ 117
Воспоминаніе (Къ И. И. Пущину) 119
Мы недавно отъ печали... 120
Къ Батюшкову: Въ пещерахъ Геликона... 121
Эпиграммы:
I. Бывало прежнихъ лѣтъ герой... 123
II. Ахъ тошно, тошно! помогите!.. . . . . —
III. На профессора Черняка . . . . . —
Къ И. И. Пущину: Любезный именинникъ... 124
Посланіе къ Юдину 127
Къ А. И. Галичу: Пускай угрюмый рифмотворъ... . . . 135
Слеза (К. П. Бакуниной) 138
Мечтатель 140
Къ живописцу (Подражаніе Парни) 144
Роза 146
Посланіе къ А. И. Галичу: Гдѣ ты, лѣнивецъ мой... . . 147
Князю А. М. Горчакову: Пускай, не знаясь съ Аполлономъ 152
Моему Аристарху (Н. Ѳ. Кошанскому) 154
Моя эпитафія 159

стран.
На возвращеніе государя императора изъ Парижа въ 1815 году 160
Сраженный рыцарь 164
Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ: Вамъ восемь лѣтъ... . 166

1816.

Къ Машѣ (Бар. М. А. Дельвигъ): Вчера мнѣ Маша приказала... 168
Усы (Философическая ода) 169
Желаніе В. Л. Пушкину 172
Фавнъ и пастушка. Картины (Подражаніе Парни).
I. Пастушка 174
II. Пещера 175
III. Фавнъ 176
IV. Рѣка 177
V. Чудо 178
VI. Фіалъ 179
VII. Измѣна 180
VIII. Очередь 181
IX. Философъ . . . . . —
Амуръ и Гименей. Сказка 183
Фіалъ Анакреона 186
Посланіе Лидѣ (Подражаніе Парни). Тебѣ, наперсница Венеры... 188
Пушшевая пѣсня (Изъ Шиллера) 191
Заздравный кубокъ 193
Истина 195
Наѣздники 196
Посланіе къ князю А. М. Горчакову: Встрѣчаюсь я... 198
Къ принцу Оранскому 201
Сонъ (Отрывокъ) 203
Любовь одна—веселье жизни хладной!... 211
Окно 214
Наслажденіе 216
Надпись къ бесѣдкѣ 218
Твой и мой 219
Къ Морфею (Подражаніе Парни) 220
Пробужденіе 221
Къ письму 223
Желаніе 224

стран.
Къ ней: Эльвина, милый другъ, приди, подай мнѣ руку!. . 225
Мѣсяцъ 226
Уныніе 228
Пѣвецъ* 229
Элегія: Я видѣлъ смерть; она сидѣла... (Подражаніе) . 230
Элегія: Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ... 231
Осеннее утро 232
Къ Наташѣ 234
Княжнѣ Волконской 235
Элегія: Опять я вашъ, о юные друзья!. 236
Друзьямъ: Богами вамъ еще даны... 238
А. А. Шишкову 239
Боже царя храни (Къ празднованію 19 октября) . . . 241
Элегія: Я думалъ, что любовь погасла навсегда... . . 243
Слово милой (Маріи Смитъ) 245
Лилѣ (Ей же) . . . . . —
Къ молодой вдовѣ (Ей же) 246
Письмо къ В. Л. Пушкину: Тебѣ, о Несторъ Арзамаса... . 248
Эпиграммы и надписи:
I. Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи... 251
II. Надпись на мой портретъ: Не бойся, Глазуповъ... —
III. На лицейскаго дядьку, оказавшагося убійцей . . —
IV. Завѣщаніе 252
V. Экспромтъ на Агареву . . . . . —
VI. Она . . . . . —
VII. На Кюхельбекера: Вотъ Виля—онъ любовью дышетъ... —
VIII. На смерть стихотворца 253
IX. «Скажи, что новаго?» —Ни слова... . . . . —
X. На Е. Н. Пучкову:
1. Пучкова, право, не смѣшна... . . . . —
2. Зачѣмъ кричишь ты, что, ты дѣва... . . . . —
3. Зачѣмъ объ инвалидной долѣ... . . . . —

1817.

Торжество Вакха 254
Сновидѣніе (Изъ Вольтера) 258
Стансы (Изъ Вольтера) Ты мнѣ велишь пылать душою... 259
Письмо къ Лидѣ (Подражаніе Парни) 261

* Ошибочно напечатанный 10-й стихъ этого стихотворенія слѣдуетъ поправить: *Встрѣчали вы?*

стран.
Добрый совѣтъ (Изъ Парни) 263
Именины . . . . . —
Надписи и эпиграммы:
I. Къ Баболовскому дворцу (Баронессѣ Софьѣ Вельо). 264
II. И останешься съ вопросомъ (С. С. Есакову) . . —
III. К. П. Бакуниной: Что можемъ наскоро стихами молвить ей... . . . . —
IV. Къ портрету П. Я. Чаадаева 265
V. Къ портрету П. П. Каверина . . . . . —
VI. Въ альбомъ А. Н. Зубову . . . . . —
VII. Портретъ: Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ... . . —
VIII. Добрый человѣкъ 266
IX. Исторія стихотворца . . . . . —
Къ П. П. Каверину 267
Дельвигу: Любовью, дружествомъ и лѣнью... 268
Въ альбомъ Илличевскому 270
Въ альбомъ И. И. Пущину: Взглянувъ когда нибудь... 272
Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ... (Ему же) . . . —
Разлука (В. К. Кюхельбекеру) 273
Товарищамъ (Передъ выпускомъ) 274
Посланіе къ В. Л. Пушкину: Скажи, парнасскій мой отецъ 276
Безвѣріе 280
Къ ней: Въ печальной праздности я лиру забывалъ... . 283
Къ Жуковскому: Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни... 285
Прощаніе съ Тригорскимъ 290
Е. С. Огаревой 291
А. И. Тургеневу 292
Въ себѣ всѣ блага заключая (Ему же) 293
Къ***: Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой... 294
Кн. Евд. Ив. Голицыной: Краевъ чужихъ... 295
Н. И. Кривцову: Не пугай насъ, милый другъ... . . . 296

1818.

Другу отъ друга (Н. И. Кривцову, при посылкѣ Вольтеровой поэмы) 297
Сказки (Noël) 298
Къ портрету Жуковскаго 299
Жуковскому (На изданіе книжекъ его «Для немногихъ») 300
На переводъ Жуковскаго: «Тлѣнность» 301

стран.
На М. Т. Каченовскаго: Безсмертною рукой раздавленный зоилъ... 302
Къ Ѳ. Ф. Юрьеву: Любимецъ вѣтреныхъ Лансъ... . . . 303
Мечтателю (В. К. Кюхельбекеру) 305
Прелестницѣ (Штейнгель) 307
Въ альбомъ Е. Я. Сосницкой 309
Про себя: Великимъ быть желаю... . . . . —
Есть въ Россіи городъ Луга... . . . . —
Къ Чаадаеву: Любви, надежды, гордой славы... . . . 310
Наброски:
I. Позволь душѣ моей открыться предъ тобою... . . . 311
II. И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ... . . . . —
III. Какъ сладостно но—боги!—какъ опасно... . . . 312
Записки къ Жуковскому:
I. Раевскій, молоденецъ прежній... 313
II. Штабсъ-капитану, Гёте, Грею... 314

1819.

Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны 315
Къ кагульскому памятнику. Элегія 317
Выздоровленіе 318
Русалка 320
Эпиграммы:
I. На Карамзина:
1. Послушайте: я вамъ скажу... 323
2. Въ его «Исторіи» изящность... . . . . —
II. На кн. А. Н. Голицына 324
III. На Фотія . . . . . —
IV. На А. М. Колосову . . . . . —
V. На Н. И. Гнѣдича 325
VI. Ты и я (На Ал. П.) . . . . . —
Князю А. М. Горчакову: Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ 326
Веселый пиръ 328
Къ Ѳ. Ф. Юрьеву: Здорово, Юрьевъ именинникъ!... . . 329
П. Б. Мансурову 330
Наденькѣ: Съ тобой пріятно удѣлить... 331
Она тогда ко мнѣ придетъ... . . . . —
Стансы Я. Н. Толстому: Философъ ранній, ты бѣжишь 332

стран.
В. В. Энгельгардту: Я ускользнулъ отъ Эскулапа... . 331
А. Ѳ. Орлову: О ты, который сочеталъ... 336
Въ альбомъ М. А. Щербинину 338
Деревня 340
Домовому 343
Уединеніе 344
Недоконченная картина 345
Возрожденіе 346
Дорида (Подражаніе А. Шенье) 347
Князю А. М. Горчакову: Ужъ я не тотъ! мои златые годы... (Отрывокъ) 348
Платонизмъ (Изъ Парни) 349
Н. В. Всеволожскому 351
Наброски:
I. Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утаить... . . . 354
II. Скажи, какія заклинанья... . . . . —
III. Все призракъ, суета... 355

1820.

Дорида 356
Оленьке (Массонъ) 357
Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей... 358
Ода Вольность 359
На Аракчеева:
I. Всей Россіи притѣснитель... 362
II. Холопъ . . . . . —
Погасло дневное свѣтило... (Подражаніе Байрону) . . 363
Элегія: Увы, зачѣмъ она блистаетъ... 365
О дѣва—роза, я въ оковахъ... (Подражаніе турецкой пѣснѣ) 366
Мнѣ васъ не жаль, года весны моей... 367
Чаадаеву: Къ чему холодныя сомнѣнья... 368
Фонтану Бахчисарайскаго дворца 369
Нереида 371
Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда... 372
Виноградъ 373
Дочери Карагеоргія 374
Черная шаль (Молдавская пѣсня) 375
Эпиграммы:
I. На Каченовскаго: Хаврониосъ! ругатель закоснѣлый... 377
II. Когда бъ писать ты началъ съ-дуру... . . . . —

стран.
III. На Ѳед. Ив. Толстого 378
IV. Какъ брань тебѣ не надоѣла!... . . . . —
V. Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный... . . . . —
Наброски:
I. Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой... 379
II. На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный... . . . . —
III. И чувствую, душа (моя)... . . . . —
IV. Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенной... . 380

1821.

Земля и море (Идилія Моска) 381
Діонея 383
Красавица передъ зеркаломъ 384
Дѣва 385
Муза 386
Элегія: Я пережилъ свои желанья... (Изъ поэмы «Кавказъ») 387
Желаніе 388
Къ Аглаѣ (Давыдовой) 390
Къ Дельвигу: Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ... . 392
Къ Гиѣдичу: Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный... . . . 394
П. А. Катенину: Кто мнѣ пришлетъ... 396
Сѣтованіе (Д. В. Давыдову): Недавно я, въ часы свободы... 397
Кинжалъ 398
Чаадаеву: Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ... 400
Къ моей чернильницѣ 404
Наперсница волшебной старины... 408
Н. С. Алексѣеву: Мой милый, какъ несправедливы... . 410
Гробъ юноши (При извѣстіи о смерти Корсакова) . . 412
Наполеонъ 414
Элегія: Умолкну скоро я... (Къ Марьѣ Арк. Голицыной). 419
Къ*** (Къ ней же): Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ 420
Война 422
Къ Овидію 421
Пѣснь пѣсней Соломона:
I. Въ крови горитъ огонь желанья... 428
II. Вертоградъ моей сестры... . . . . —
Десятая заповѣдь 430

стран.
Къ портрету кн. П. А. Вяземскаго 432
Г-жѣ Эйхфельдтъ . . . . . —
Вас. Льв. Давыдову: Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ... 433
Эпиграммы:
I. На Каченовскаго: Клеветникъ безъ дарованья... . . 436
II. Лизѣ страшно полюбить... . . . . —
III. Всегда такъ будетъ и бывало... 437
IV. Составленъ онъ изъ подлой спеси... . . . . —
V. Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ!... . . . . —
Наброски:
I. Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ... 438
II. Вотъ муза, рѣзвая болтунья... 439
III. Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный... . . . . —
IV. Начало двухъ посланій:
1. Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый... . . . —
2. Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю... 440
V. Павлу Серг. Пущину . . . . . —
VI. Начало сказки: Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманъ... —
VII. Изъ неоконченной сатиры: Въ Геннѣ праздникъ... 444
VIII. Кишиневскія дамы:
1. Раззѣвавшись отъ обѣдни... 444
2. Признаюсь предъ всей Европой... . . . . —
3. Здравствуй, круглая сосѣдка... 445
4. Вотъ еврейка съ Тодорашкой... . . . . —
5. Ты наказана сегодня... . . . . —
6. Ты умна, ведерѣчива... 446
IX. Тодорашка въ васъ влюбленъ... . . . . —
X. Оставя честь судьбѣ на произволъ... . . . . —

1822.

Узникъ 447
Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ 448
Еврейкѣ 452
Друзьямъ: Вчера былъ день разлуки шумной... 453
Птичка 455
Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной... 456
Примѣты 458
Царь Никита 459
Пріятелю 462
Баратынскому изъ Бессарабіи: Сія пустынная страна... 463
Ему же: Я жду обѣщанной тетради... 463

СТРАН.
Я. Н. Толстому: Горишь ли ты, лампада наша... . . . 464
Гречанкѣ (Калипсо Полихрони) 466
Адели (А. А. Давыдовой): Играй Адель... 468
Къ Ѳед. Никл. Глинкѣ: Когда средь оргій жизни шумной 469
Эпиграммы:
I. У Клариссы денегъ мало... 470
II. Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати... . . . . —
III. Жалоба (На Дм. Петр. Сѣверина) . . . . . —
IV. Русскому Геснеру (На Вл. Ив. Панаева) 471
V. Невѣдомскій—поэтъ, невѣдомый никѣмъ... . . . . —
Наброски:
I. Кн. П. А. Вяземскому: Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый 472
II. Къ брату: Братъ милый, отрокомъ... . . . . —
III. Изъ записки къ пріятелю 473
IV. Мой другъ, уже три дня... . . . . —
V. Къ ***: Ты правъ, мой другъ! напрасно я презрѣлъ... 474
VI. Красы Лаисъ, завѣтные пиры 475
VII. Пиры, любовницы, друзья... 476
VIII. Я говорилъ предъ хладною толпой... . . . . —
IX. Таврида . . . . . —
X. Какъ наше сердце своенравно!... 477
XI. На тихихъ берегахъ Москвы... 478
XII. Зачѣмъ раздался громъ войны... . . . . —
XIII. Кто, волны, васъ остановилъ... 479
XIV. Въ голубомъ эѳира полѣ... . . . . —
XV. Венерѣ, Фебу и Ѳемидѣ... . . . . —

1823.

Телега жизни 480
Демонъ (А. П. Раевскому) 481
Къ кн. М. А. Голицыной: Давно объ ней воспоминанье... 483
Въ альбомъ (гр. Сабаньской): Что въ имени тебѣ моемъ... 484
Элегія (г-жѣ Ризничъ): Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты... 485
Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла... . . . 487
Ночь 488
Отрывокъ: Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ... 489
Возстань, о Грецiя, возстань!... 492

	стран.
На Воронцова: Сказали разъ царю, что наконецъ...	493
Изыде сѣятель сѣяти сѣмена свои...	494
Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну	495
Наброски:	
I. В. П. Горчакову	496
II. На А. С. Стурдзу	
Городъ Кишиневъ (Изъ письма къ Ф. Ф. Вигелю)	497

1824.

Александру Львовичу Давыдову (На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма)	499
Иностранкѣ (Въ альбомъ): На языкѣ, тебѣ невнятномъ	500
Эпиграммы:	
I. Тимковскій царствовалъ—и всѣ твердили вслухъ...	501
II. На Воронцова:	
1. Полумилордъ, полукупецъ...	—
2. Не знаю гдѣ, но не у насъ...	—
3. Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ...	502
Экспромтъ (На обертки дѣла): Саранча летѣла...	—
Къ морю	503
Аквилонъ	506
Прозерпина (Подражаніе Парни)	507
Испанскій романсъ: Ночной зефиръ...	509
Къ Языкову: Издревне сладостный союзъ...	511
А. Н. Вульфу	513
П. А. Плетневу: Ты издалъ дядю моего...	514
Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ	515
Первое посланіе цензору	523
Второе посланіе цензору	528
Коварность	531
Подражаніе А. Шенье: Ты вянешь и молчишь...	533
Подражанія Корану:	
I. Клянусь четой и нечетой...	534
II. О жены чистыя пророка...	535
III. Смутясь, нахмурился пророкъ...	536
IV. Съ тобою древле, о всесильный...	537
V. Земля недвижна, неба своды...	538
VI. Недаромъ вы приснились мнѣ...	—
VII. Возстань, боязливый...	539
VIII. Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою...	540
IX. И путникъ усталый на Бога роптalъ...	—

стран.
Признаніе (Александрѣ Ив. Осиповой) 542
Къ***: Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки... . . . 544
Къ***: Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ... . . 545
Ода. Его сіятельству гр. Дм. Ив. Хвостову 546
Презрѣвъ и шопотъ укоризны... 549
Дѣдушка игуменъ... 550
Воспитанный подъ барабаномъ... 551
На Петербургское наводненіе 552
Изъ письма къ А. Г. Родзянко: Прости, украинскій мудрецъ... 553
Изъ письма къ брату: Что же? Будетъ ли вино . . . 554
Эпиграммы:
I. Охотникъ до журнальной драки... 555
II. Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ... . . . . —
Наброски:
I. Графу О***: Нѣвецъ! издревле межъ собою... . . . 556
II. Все кончено! межъ нами связи нѣтъ!... 557
III. Едва уста краснорѣчивы... . . . . —
IV. Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья... 558
V. Надо мной въ лазури ясной... . . . . —
VI. Стою печально на кладбищѣ... . . . . —
VII. Два чувства равно близки намъ... . . . . —
VIII. Забывъ и рощу и свободу... 559
IX. Младенцу . . . . . —
X. Мнѣ жаль Великія Жены... . . . . -